

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

Михайлова Виктория Владимировна

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВА:
ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ**

09.00.11. – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук, доцент
Савченко Ирина Александровна

Нижний Новгород
2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Экономическое поведение как область социально-философского анализа.....	21
1.1. Экономическое поведение в системе социально-философских понятий..	21
1.2. Трансформации научных воззрений на экономическое поведение.....	41
1.3. Онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения.....	72
Глава 2. Экономическое поведение и системность общества.....	96
2.1. Социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении.....	96
2.2. Системный характер общества в социально-философском осмыслении.....	104
2.3. Системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения	118
Глава 3. Интеграция социального и индивидуального в экономическом поведении.....	136
3.1. Между открытостью и однородностью: две концепции целостности.....	136
3.2. Эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении.....	149
3.3. Прошлое и настоящее российского общества: оппозиции индивидуализма и массовости в формах экономического поведения	164
Заключение.....	183
Список использованной литературы.....	191

Введение

Актуальность темы исследования. Современная цивилизация проходит путь серьезных перемен, которые во многом определяются новой постиндустриальной и постглобализационной эрой развития. Обозначенные трансформации обусловлены всепроникающей экспансией экономических идей во все процессы жизни современного человека, в суть его существования и духовного содержания. Экономизация всех сфер социальной реальности влечет за собой деградацию внеэкономических отношений и гиперрационализацию жизни, вытесняющую «нерациональные» духовные ценности, мировоззрение и поведение¹. Такие процессы, безусловно, влияют как на развитие и устойчивость общества в целом, так и на становление отдельного человека.

Формирующийся в ходе такого рода процессов тип личности адаптирован в большей степени не к целостной картине мира, а только к ее узким сферам, в частности, к экономической. Такое мировосприятие рождает в современном человеке черты узкорыночной направленности, конституирует одномерность мышления, его нацеленность на излишнее потребление, эгоизм, отрыв от природы и от других людей. В трансформирующемся мире экономическое поведение выступает индикатором всех изменений в обществе и обыденной жизни людей. В нынешних условиях экономическое поведение во многом предопределяет другие формы социального поведения.

Сегодня, когда экономизация всех сфер жизни общества и форм индивидуального человеческого бытия становится неизбежной реальностью, перед философом встает вопрос о том, какие последствия могут иметь подобные трансформации для общества: исключительно разрушительные и дезинтегративные или, возможно, в какой-то степени интеграционные и

¹Негруль (Михайлова) В.В. Рациональность экономического поведения как предмет философского осмысления // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2014. – № 2 (12). – С. 122–128.

созидательные. Таким образом, на фоне объективных тенденций социальной динамики изучение экономического поведения становится условием понимания человеческого потенциала как источника целостности социальных систем.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросы, связанные с экономическим поведением, уже более двухсот лет привлекают внимание исследователей, придерживающихся различных методологических позиций.

Основу научных подходов к экономическому поведению как субъективному отражению настоящих реалий рынка и экономики в целом сформировали классики экономического детерминизма А. Смит, Г. Гегель, К. Маркс. Так, важную роль в концепции А. Смита сыграло обоснование принципа «невидимой руки», уравнивающей эгоистические устремления всех участников рынка к собственной выгоде. Данные устремления, по мнению автора, не только не вредят, но и являются основой повышения благосостояния всех людей и ведут к «цели, которая совсем и не входила в его намерения»¹.

При этом Г.В.Ф. Гегель² и К. Маркс³ при анализе трудовой деятельности указывают на то, что человек не только воссоздает вокруг себя социально-экономическую действительность, но и порождает себя путем творчества и развития. Однако К. Маркс одновременно рассматривает и обратную сторону труда, которая выражается в отчуждении человека от себя и от других, в потере его природной сущности в условиях капиталистического общества. Конкуренция рассматривается здесь как основной принцип поведения участников капиталистического рынка⁴.

¹Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. Кн. I. // Антология экономической классики: Пеги, Смит-Рикардо. – М.: Эконом-Ключ, 1993. – С. 331–332.

² Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С. 151–162.

³Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Сочинения в 55 т. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 42. – С. 62–63, 81–82.

⁴Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 133–143.

Маржиналисты (А. Маршалл, У.С. Джевонс, Л. Вальрас)¹ сосредоточили внимание на математизации исследований хозяйствующих субъектов для более точных расчетов и прогнозирования поведения индивида на рынке. В свою очередь, австрийская школа воплотила в себе итоги долгого пути к субъекту и индивидуальному действию, тем самым представив человека как живой действующий конструкт, обладающий противоречивыми компонентами и характеристиками, которые в итоге складываются в целостную движущую творческую единицу. Параллельно с маржиналистами К. Менгер² сформулировал свою теорию предельной полезности, которая представлена в виде сущностного продолжения концепции человеческой деятельности как динамического процесса³. Последователь австрийской школы Л. Мизес⁴ также развивал идеи субъективизма. Рассматривая действующего индивида, Л. Мизес пришел к идеальной конструкции экономики, которая представляет, по его мнению, свободный рынок, свободный не только в плане пространства самореализации индивидов, но и в качестве самостоятельной структуры без чуждых составляющих.

Неоклассическая экономическая теория рассматривает экономическое поведение как абсолютно рациональное и основанное на принципе максимизации выгоды. В неоинституциональной модели экономического человека, базирующейся на концепции ограниченной рациональности и восходящей к теории Г. Саймона, поведение людей рассматривается в реальных экономических условиях, которые предполагают не только ограниченность интеллектуальных и познавательных возможностей

¹Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Директ-медиа, 2012. – 2127 с.; Джевонс У. Политическая экономия: монография. – СПб.: Народная польза, 1905. – 121 с.; Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.

²Менгер К. Основания политической экономии. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2008. – 434 с.

³Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2007. – 202 с.

⁴Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / изд. испр 2-е. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.

человека, но также и недостаток информации, временные ограничения, отсутствие необходимых ресурсов¹.

Существенный вклад в изучение содержания и параметров экономического поведения с позиций экономической теории внесли отечественные исследователи В.И. Верховин, Т.И. Заславская, В.Г. Залевский, В.С. Любченко, И.В. Розмаинский².

В концепциях в духе экономической теории, так или иначе восходящих к трудам А. Смита, было описано чрезвычайно много для исследования экономического поведения. Были вскрыты многие макросоциальные и макроэкономические факторы, детерминирующие характеристики экономического поведения людей, живущих в условиях определенного социально-экономического уклада. Британский экономист Л. Роббинс говорит, что именно экономическая теория изучает человеческое поведение с точки зрения соотношения целей и ограниченных средств, которые могут иметь различное употребление³. Вместе с тем классическая экономическая теория исключает из анализа важнейшие параметры экономического поведения, прежде всего личностные и социально-групповые⁴. Признавая объективные детерминанты экономического поведения, многие ученые пытались определить его субъективные аспекты.

Так, У. Томас и Ф. Знанецкий в знаменитой работе «Польский крестьянин в Европе и Америке»⁵ признавали объективные различия в экономическом поведении польских крестьян в Польше, Западной Европе и

¹ Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Теория фирмы. – СПб: Экономическая школа, 1995. – С. 54–72.

² Верховин В. Структура и функции экономического поведения // LUCA. – 1995. – № XII/I-I. – С. 159–173; Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории / отв. ред. А.Г. Аганбегян. – Новосибирск: Наука, 1991. – 448 с.; Залевский Г.В., Залевский В.Г. Фиксированные формы экономического поведения // Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы. – Иркутск: 2005. – С. 40–45; Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – №2. – 2007. – С. 60–64; Розмаинский И.В. «Посткейнсианская модель человека» и хозяйственное поведение россиян в 1990-е годы // Экономический вестник Ростовского Государственного Университета. – 2005. – Т. 3. – № 1. – С. 62–73.

³ Роббинс Л. Предмет экономической науки // THESIS. – М.: Начала-пресс, 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 10–23.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – №4. – С. 58–68.

⁵ Ганжа А.О. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» // Социс. – №7. – 2007. – С. 115–121.

США. Социологическим путем исследователи выделили разные формы экономической поведенческой адаптации, которая зависит не только от внешних, социально-экономических факторов, но и от социокультурных и субъективно-личностных переменных. Российские исследователи (В.С. Автономов, А.Е. Шеститко)¹ также занимались разработкой индивидуальных моделей экономического поведения.

В институционально-социологических течениях, начиная с Т. Веблена², внимание ученых (М. Вебер, В. Зомбарт, У.К. Митчел, Дж.К. Гэлбрейт)³ концентрируется на реальных действиях «экономического человека» как субъекта экономического поведения в системе социальных институтов. Личностная составляющая концепта «экономического», а впоследствии «рыночного человека»⁴ способствовала формированию аксиологически ориентированных исследовательских взглядов на экономическое поведение.

Важное значение для философского анализа экономического поведения имеет выделение его аксиологического аспекта, а также сопутствующей ему системы ценностей (М. Вебер, А. Маршалл, М. Фридман, Ф. Хайек, В.С. Автономов, М.С. Каган)⁵. Отечественные продолжатели такого подхода В.С. Швырев, А.Л. Никифоров, А.В. Рубанов определяют роль и специфику ценностных установок в процессах взаимодействия индивидов и групп на рынке⁶. Некоторые мыслители (Ф. Бродель, П. Козловски)¹ высказывают

¹ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Шеститко А.Е. Модели человека в экономической теории. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 142 с.

² Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.

³ Вебер М. Основные социологические понятия. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.; Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем.; изд. подгот.: Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. – М.: Наука, 1994. – 443 с.; Митчелл У.К. Рациональность экономической деятельности / пер. А.А. Оганесян // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2010. – Т. 8. – №1. – С. 96–108; Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – 405 с.

⁴ Савченко И.А., Агеева Н.А. «Человек экономический», «человек рыночный» и колебания буржуазной морали // Власть. Общественно-политический журнал. – 2016. – № 5. – С. 103–106.

⁵ Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Каган М.С. Философская теория ценности. – СПб.: Петрополис, 1997. – 205 с.; Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – 415 с.; Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.; Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой; под ред. Р.И. Капелюшниковой. – Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.

⁶ Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. – М.: 1978. – 323 с.; Никифоров А.Л. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М., 1990. – С. 52–69; Рубанов А.В. Механизмы массового поведения. – Минск: 2000. – 145 с.

опасения в вопросах будущего современной цивилизации и исследуют аспекты этики и морали рыночного общества. В поведении «экономического», или «рыночного», человека обнаруживается трансформация ценностных установок, которые становятся искаженными, упрощенными и одномерными (Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Оссовская)².

Онтологические аспекты исследования экономического поведения стали объектом философского анализа в работах А.А. Юрченко³, А.А. Шабуновой⁴, И.А. Левандиной⁵, Н.В. Ложкиной⁶. В этих трудах рассматривается роль нравственности в экономическом поведении в условиях социальных изменений. Онтологический подход естественным образом встраивается в поле изучения социального взаимодействия⁷.

Неклассическая теория породила ряд теоретических подходов, которые до сих пор спорно оцениваются в научном мире. Они несут в себе неоспоримый познавательный потенциал, но оказываются далеки от социальной действительности. Среди таковых теоретических моделей можно выделить «аналоговые экономики» Р. Лукаса⁸, «правдоподобные миры» Р. Сагдена⁹, «притчи» А. Рубинштейна¹⁰. Здесь также можно отметить идеи Д. Норта¹¹, который утверждает, что неклассические теории не в состоянии в

¹ Козловски П. Принципы этической экономии. – СПб.: Экономическая школа, 1999. – 344 с.; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь Мир, 2006. – С. 245–292.

² Маркузе Г. Одномерный человек: Исследования идеологии развитого индустриального общества. – М.: АСТ, 2003. – 526 с.; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004. – 635 с.; Фромм Э. «Иметь» или «быть». – М.: АСТ, АСТ Москва, 2007. – 320 с.; Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.

³ Юрченко А.А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Магнитогорск: 2006. – 151 с.

⁴ Шабунова А.А. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт / А.А. Шабулова, Г.В. Белехова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.

⁵ Левандина И.А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону: 2008. – 173 с.

⁶ Ложкина Н.В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Пермь, 2005. – 184 с.

⁷ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – №2. – С. 133–143.

⁸ Лукас Р.Э. Лекции по экономическому росту / пер. с англ. Д. Шестакова. – М.: изд. ин. Гайдара, 2013. – 288 с.

⁹ Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. – М.: изд. ин. Гайдара, 2012. – С. 475–518.

¹⁰ Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 62–80.

¹¹ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.

полной мере раскрыть содержание и динамику экономических трансформаций. Решением данной проблемы может стать постижение новых принципов эпистемологии и преобразование процесса мышления и познания¹.

Ряд отечественных философско-методологических исследований (И.Т. Касавина, Л.А. Маркова, Ю.С. Моркина, Н.М. Смирнова)² направлен на изучение эпистемологических оснований социального и индивидуального в экономическом поведении. Источником развития экономической эпистемологии стало «...переосмысление логики развития экономической мысли сквозь призму постпозитивистских концепций Т. Куна, и особенно И. Лакатоша»³. В данном контексте определяющую роль сыграл научный подход Н. Картрайт о характере знаний, сформулированных в экономических теориях⁴.

Постепенно социальная наука стала приходить к целостному пониманию экономического поведения как феномена, детерминированного как объективными, так и субъективными факторами. Так, некоторые исследования (К. Лоренца, Д. Кэмпбелла, Г. Фоллмера)⁵ продемонстрировали, что в основе человеческой природы лежит соединение биологического, психического и социального компонентов. В связи с этим весь мир человека, включая его активность в системе рыночных отношений, представляет объект познания одновременно и природного и духовного

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия, психология, педагогика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 44–49.

² Касавин И.Т. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.; Маркова Л.А. Социальная эпистемология, ее истоки и настоящее // *Epistemology & Philosophy of Science*. – No. 2 (40). – 2014. – P. 59–73; Моркина Ю.С. Social Epistemology: обзор дискуссий // *Epistemology & Philosophy of Science*. – Vol. 25, No. 3. – 2010. – P. 95–104; Смирнова Н.М. Эпистемология жизненного мира: эвристический потенциал и когнитивные границы // Вопросы социальной теории. – 2017. – Т. IX. – С. 246–254.

³ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.

⁴ Cartwright N. *Ceteris paribus laws and socio-economic machines* // *The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics*. Cambridge University Press, 2001. – P. 175–293.

⁵ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с.; Поппер К. Кэмпбелл об эволюционной теории познания // Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М.: 2000. – С. 147; Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / пер. с нем. А.В. Кезин. – М.: 1998. – 165 с.

мира. О.И. Уильямсон¹, проводя анализ поведенческих предпосылок взаимодействия субъектов на рынке, пришел к выводу о сочетании компонентов неограниченной рациональности и оппортунизма². Попытки гармонизации в экономическом поведении рационализма и прагматизма были осуществлены в рамках научных подходов А. Маршалла³, Дж.М. Кейнса⁴, М.Р. Фридмана⁵. Впоследствии это выразилось в идеях свободной конкуренции и «государства всеобщего благоденствия»⁶.

Понимание экономического поведения как комплексного феномена, сопряженного с базисными характеристиками общества и общественного развития, позволяет предположить, что от суммы и сложной интеграции различных видов экономического поведения во многом также зависит целостность общества. Концепт целостности в различные периоды ее становления был представлен в теории «равновесия системных объектов» Барталанфи⁷, в кибернетических управленческих моделях (У. Эшби, Н. Винер, Винер, К. Шеннон, С. Бир, С. Лем)⁸, в социоэкономических концепциях (М. Месарович, А. Раппопорт, К. Боулдинг)⁹, в глубинных социально-философских отечественных системных исследованиях (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, А.И.

¹ Оливер И. Уильямсон. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 39–49.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2016. – № 2. – С. 105–113.

³ Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т.1. – 415 с.

⁴ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 204 с.

⁵ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.

⁶ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия, психология, педагогика. – 2015. – Вып. 1. – Том 15. – С. 44–49.

⁷ Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.

⁸ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.; Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.; Шеннон К. Бандвагон // К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. – С. 667–668. – URL: <http://www.vbvby.narod.ru/bandwagon.htm> (дата обращения: 06.11.2017); Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.; Лем С. Сумма технологий. – М.: АСТ, 2012. – 640 с.

⁹ Месарович М. Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – М.: Мир, 1973. – 344 с.; Гвишиани Д.М., Садовский В.Н. Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: URSS, 1997. – Вып. 25. – 392 с.; Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия. В 2-х т. – СПб.: Экономическая школа, 2002 – Т. 2. – С. 907–927.

Уемов)¹, в концепциях неравновесных, саморазвивающихся сложных и сверхсложных систем (И. Пригожин, В.И. Арнольд, Я.Г. Синай)².

В свою очередь, анализ социально-атомистического и холистического подходов к пониманию социального и индивидуального в поведении отдельных личностей и групп представлен в работах Е.Н. Князевой³, В.К. Шрейбера⁴, Ф. Дж. Варелы, В. Томпсона, Э. Роша⁵, В.Г. Лысенко⁶, Э. Сепир, Б. Уорф⁷. Атомистический и холистический подходы представлены как дополняющие друг друга в теории сложных самоорганизующихся систем.

Исследование свойств целостности показало различные интерпретации данного вопроса. В.Н. Сагатовский называет основанием самобытной природы мировой целостности Абсолют⁸. И.В. Блауберг выделяет свойство «интегративности» и диалектическое единство целостности (часть и целое)⁹. Л. Берталанфи, Г.А. Югай, М.И. Сетров соотносят понятия системности и целостности¹⁰. В.Н. Садовский понимает целостность как специфическую характеристику системной реальности¹¹. Иррационально-антропологическое

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.; Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании. – М.: Знание, 1972. – 48 с.; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 272 с.

² Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках: изд. 4, испр. – М.: URSS, 2016. – 304 с.; Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Леонард, 2016. – 134 с.; Синай Я.Г. Введение в эргодическую теорию. – М.: 1996. – 132 с.

³ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736–745.

⁴ Шрейбер В.К. Уровневая онтология вложенное пространство // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 17–24.

⁵ Varela F. Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie – Littérature – Enseignement. – 1999. – № 17. Dynamique et cognition: nouvelles approches. – P. 8–9; Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge (MA): The MIT Press. – 7th printing. – 1999. – 390 p.

⁶ Лысенко В.Г. Происхождение атомизма: лингвистическая гипотеза // Шабдапракаша. Зографский сборник / под ред. Я.В. Василькова и С.В. Пахомова. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – Вып. 1 – С. 99–112.

⁷ Ковлакас Е.Ф. К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С. 77–79.

⁸ Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения): авт. курс: в 3 ч. – СПб: Изд. С.-Петерб. ун-та, 1999. – 269 с.

⁹ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с.

¹⁰ Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. – М.: Мысль, 1964. – 414 с.; Югай Г.А. Диалектика части и целого. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 171 с.; Сетров М.И. Организация биосистем. Методологический очерк принципов организации живых систем. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.

¹¹ Садовский В.Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем // Системные исследования: ежегодник, 1971 / под ред. И.В. Блауберга и др. – М.: Наука, 1972. – С. 35–54.

понимание целостности мы находим у М. Хайдеггера¹, а также в трудах русских философов (С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева и др.)². Ученые находят «чистое бытие» и «цельность» всякого существования в языке. Концепция «целостности» в современном научном познании предстала как креативное ядро системной методологии.

Можно заключить, что исследование экономического поведения и целостности общества ведется достаточно активно. Вместе с тем в большинстве случаев проблема целостности общества обсуждается автономно от вопросов экономического поведения, а трансформации экономического поведения далеко не всегда соотносятся со степенью целостности общества. Таким образом, проблема взаимосвязей экономического поведения и целостности общества на данный момент остается не раскрытой.

Актуальность исследования и недостаточная изученность потенциалов влияния экономического поведения на целостность общества обусловили выбор темы диссертации.

Объект исследования – современная цивилизация в условиях усиления роли экономических факторов в развитии всех сфер общественной жизни.

Предмет исследования – взаимосвязи экономического поведения и целостности общества.

Цель исследования – провести социально-философский анализ взаимосвязей экономического поведения и целостности общества.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть трансформации научных воззрений на экономическое поведение.

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет. – М.: Академический проект, 2015. – 447 с.

² Булгаков С.Н. Философия имени. – М.: Наука, 2008. – 448 с.; Флоренский П.А. Имена. – М.: Азбука; Авалон, 2011. – 367 с.; Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // А.Ф. Лосев. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.; Образование. Культура. Язык. / Е.П. Савруцкая, Б.А. Жигалев, А.М. Дорожкин, С.В. Устинкин. – Н.-Новгород: НГЛУ; СПб: РХГА, 2014. – 230 с.

2. Проанализировать онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения.

3. Применить социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении.

4. Рассмотреть системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения.

5. Охарактеризовать эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении.

6. Исследовать формы экономического поведения в прошлом и настоящем российского общества.

Гипотеза исследования. Современное общество является рыночным, и поэтому социальные отношения между представителями социальных институтов, социальных общностей и групп являются преимущественно рыночными, поскольку основаны главным образом на обмене. Целостность такого общества во многом обусловлена особенностями экономического поведения. Влияние экономического поведения на общественную целостность имеет как созидательные, так и разрушительные потенциалы. Характер реализации этих потенциалов детерминирован диалектической природой экономического поведения, которая выражается в дихотомном единстве социального и индивидуального в экономическом поведении.

Теоретико-методологическую основу исследования составили классические общенаучные методы исследования: индуктивно-дедуктивный, аналогии, сравнения, обобщения и анализа.

Активно использовался диалектический метод познания, благодаря которому стало возможным рассмотрение социального и индивидуального в экономическом поведении с учетом внутренних противоречий с точки зрения социально-атомистического и холистического подходов.

В работе комплексно реализован системный подход, включая синергетический метод и теорию систем. Системный подход сделал возможным интеграцию аксиологических, эпистемологических,

онтологических составляющих изучаемых феноменов, расширение границ познания объекта исследования и применения знаний из смежных областей науки и научных направлений (социальной философии, антропологии, экономики, синергетики, кибернетики и физики).

Научная новизна исследования. В процессе работы над темой диссертации нами были получены следующие результаты, обладающие новизной:

1. Целостность общества и экономическое поведение взаимосвязаны и взаимозависимы. Не только социальная система со всеми присущими ей свойствами, включая уровень ее целостности, определяет характеристики и модели экономического поведения, но и экономическое поведение во всех его формах и проявлениях оказывает значимое влияние на целостность и устойчивость общества.

2. В рыночном обществе такие свойства экономического поведения, как конкурентность, рациональная компромиссность и кооперация, проявляют себя не только в хозяйственной, но и в иных сферах жизнедеятельности людей, включая духовную и межличностную. В ряде случаев экономически заряженные связи могут объединять людей, однако на ценностном уровне тенденция игнорирования духовных связей снижает уровень социальной целостности и делает общество менее устойчивым. Показано, что целостность глобального мира, основанного только на мировом разделении труда и унификации стандартов экономического поведения, является эфемерной и бесперспективной, а его устойчивость – мнимой.

3. Человеку, в чьем поведении доминируют экономические мотивы, свойственна внутренняя дихотомия. С одной стороны, преобладание экономической потребности над всеми остальными способствует развитию целеустремленной и прагматично настроенной личности, делает ее экономически адаптированной. Такие качества позволяют индивиду органично включиться в рыночные взаимодействия и в определенной

степени участвовать в общественной интеграции. Однако впоследствии «рыночный человек» оказывается мало адаптированным к взаимодействиям нерыночного характера, что приводит к дисфункции духовной сферы человеческой жизни и деиндивидуализации (деперсонификации) большинства социальных институтов. Такого рода социальная дезадаптация в массовом масштабе разрушает целостность общества и расшатывает социальную устойчивость. Внутренняя целостность личности и целостность общества взаимосвязаны.

4. Диалектический подход способствует пониманию места и роли экономического поведения в социальной действительности. С одной стороны, экономическое поведение выступает в качестве свойства человека как микрокосма, способного сконструировать свое жизненное пространство и индивидуальные формы адаптации. С другой стороны, экономическое поведение постоянно испытывает на себе влияние социального, в котором заложены условия культуры, свободы, характера информации и векторы всеобщего развития. Сложная и противоречивая природа экономического поведения, для понимания природы которой применяется диалектический подход, проявляется и в том, что, являясь элементом базиса как объективного основания социальной реальности, экономическое поведение, вместе с тем, имеет субъективное начало, поскольку продуцируется, в первую очередь, человеком. Экономическое поведение как целостная система действий, целостность личности как субъекта экономического поведения и целостность общества, обладающая необходимым для его развития потенциалом – гетерогенностью, представляют собой три взаимосвязанные и взаимозависимые переменные, обуславливающие друг друга.

Положения, выносимые на защиту:

1. В анализе взаимосвязи общества и экономического поведения ключевое значение приобретает понятие целостности, которая *выступает в качестве органической характеристики общества и экономического поведения человека, где взаимозависимость целого и частей предопределяет*

бытие, внутреннюю гармонию и самостоятельность элементов. На основании целостности обозначенных элементов формируется диалектическое единство устойчивости и разнообразия социальной системы.

2. Экономическая сфера проявляет свое бытие в двух формах – объективной и intersубъективной. Для объективной формы характерна сложноустроенная структура и высокая степень организации, которая направлена прежде всего на закрепление императивной роли имущественно и властно преобладающего класса. В случае с intersубъективной формой существования формируется концепция мышления индивидов, основанная на определенных правилах и ценностных установках в отношении социальной действительности. Таким образом, экономическое поведение в условиях актуальной социально-экономической реальности играет одновременно роль субъекта и объекта воздействия. Однако изучение специфики существования экономической реальности и ее составляющих приводит к необходимости дистанцирования от роли объекта воздействия, от одномерности экономического поведения в сторону свободного экономического выбора, новых форм сотрудничества и социального партнерства. В итоге, для того чтобы гарантировать свободу и сделать ее основой для эволюционного развития общества, необходимо, чтобы противоречия социально-экономической реальности не приводили к потере индивидуальной свободы.

3. Природа экономического поведения раскрывается в диалектическом единстве части и целого. Так, с одной стороны, экономическое поведение является частью социальной системы, но, с другой стороны, оно же является базисом развития общества. В этом смысле вопрос о том, определяет ли уровень общественной целостности природу экономического поведения или, напротив, экономическое поведение влияет на целостность общества, может обсуждаться в рамках философской науки только с диалектических позиций. Материалистический взгляд на экономику как основу общественного развития не противоречит феноменологической интерпретации природы экономического поведения, которое находит свою реализацию на уровнях

взаимодействия «человек – человек» и «человек – общество». Поэтому в качестве субъекта человек становится актором развития социально-экономической реальности. Всепроникающий характер экономического, его неотвратимое влияние на природу, государство, право, общественные взгляды людей, нравственные, религиозные, философские, художественные и политические идеи, систему учреждений определяет его как основу и начало целостности общества.

4. Целостность в современном социально-экономическом пространстве основана на трех взаимодействующих составляющих, среди которых: экономическое поведение как целостная система действий; целостность личности как субъекта экономического поведения; целостность общества, обладающего необходимым для развития потенциалом – гетерогенностью.

5. Аксиологические составляющие экономического поведения выражаются как в крайних проявлениях эгоизма и прагматизма, так и в промежуточной форме адаптации к реальности – конформизме. Однако глобализация мировой экономики, обострение экологических проблем поставили перед человечеством неотложную задачу – выработку новых подходов к ценностным системам производства, его подчинению идеалам устойчивого развития общества, предотвращению техногенных катастроф. В данных условиях важным становится повышение роли духовных ценностей в экономическом поведении личности, что может стать прочной основой для развития целостной личности, ориентированной как на личные, так и на общесоциальные идеалы.

6. Целевые установки экономического поведения в современном российском обществе выражаются в противоречиях взаимодействия традиционной (соборной, солидарной) и либеральной (индивидуалистской, нацеленной на личную выгоду) ценностных систем. Навязывание либеральных моделей без учета ментальных особенностей людей травмирует общество, вытесняет духовные ценности и ведет к общей дегуманизации. Ускоренные темпы модернизации и значительные изменения в

технологической и экономической сферах без подстройки под специфику российских реалий могут восприниматься как чуждые и неэффективные.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней дан *социально-философский анализ* экономического поведения. Подробно рассмотрены трансформации научных воззрений на экономическое поведение. Изучены онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения. Проанализированы социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении. Показан системный характер общества в социально-философском осмыслении. Рассмотрены системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения. Показаны концепции целостности в понятиях открытости и однородности. Обобщены эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении.

Теоретическая значимость работы состоит также в возможности применения полученных результатов как в социально-философских исследованиях, так и в других областях гуманитарного знания, решающих вопрос о поведении личности.

Положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для разработки теоретико-методологических основ анализа экономического поведения личности в социально-гуманитарных науках.

Практическая значимость работы. Результаты и выводы диссертационного исследования ложатся в основу последующих научных разработок проблемы экономического поведения и имеют прикладное значение для методологического обеспечения исследований по различным аспектам целостности общества; они важны для уточнения и разработки приоритетных концептуальных аспектов в рамках эпистемологии; позволяют расширить знания в области социальной философии, философской антропологии и социологии. Результаты исследования составили основу авторского учебного курса «Философия экономического поведения».

Личный вклад автора. Автор самостоятельно определила цели и задачи работы, ее гипотезу, объект и предмет: провела комплексный социально-философский анализ взаимосвязей экономического поведения личности и целостности общества, изложенный в тексте диссертации и автореферата; представила результаты своего исследования на научных конференциях и семинарах; отразила свою авторскую позицию в докладах и статьях.

Апробация и внедрение результатов исследования. О результатах диссертационной работы были неоднократно доложено автором на научных мероприятиях разного уровня. Основные положения диссертации изложены в статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, а также в иных научных журналах и сборниках материалов научных конференций.

Участие в международных и региональных конференциях: «Современные направления теоретических и прикладных исследований 2011» (Одесса, 2011), «Сборник научных трудов SWorld» (Одесса, 2014), «Обучение, тестирование и оценка» (Нижний Новгород, 2016), «Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике» (Нижний Новгород, 2016), «Межкультурный диалог и вызовы современности» (Орел, 2017), «Государственное и муниципальное управление: теория, методология, практика» (Дзержинск, 2018).

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 17 публикациях автора, в числе которых 1 статья – в журнале, индексируемом в международной базе цитирования Web of Science, и 4 статьи – в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов исследований.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечена теоретической и практической значимостью, применением совокупности методов, адекватных цели и задачам, которые были поставлены в работе, системным и интегративным подходом к анализу

объекта и предмета исследования. На основе системного подхода автором определены методологические основания для комплексного философского анализа взаимосвязей экономического поведения и целостности общества, что повлияло на уникальность диссертации.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав (9 параграфов), заключения, списка использованной литературы, включающего 322 наименования, в том числе 27 – на иностранных языках. Объем авторского текста – 212 страниц.

Глава 1. Экономическое поведение как область социально-философского анализа

1.1 Экономическое поведение в системе социально-философских понятий

Человек выступает центром любой общественной системы. Его ценность определяется как во внешней деятельности, так и во внутреннем духовном основании, которые в совокупности составляют смысловое ядро существующей реальности. На первый план сегодня выходит понимание того, в какой мере человек может распорядиться личностным потенциалом, способен ли он найти жизненный баланс между рациональным и иррациональным началом своих действий для построения гармоничных взаимоотношений с окружающей действительностью.

Именно поведение выступает внешним видимым срезом внутреннего мира человека, его личности. По мнению Б.П. Вышеславцева, «личность человека – это микрокосм, сам собой представляющий целостность и систему, в то время как поведение – лишь «окно» в мир личности»¹. В повседневности человеческого бытия через поведение люди узнают о темпераменте, характере, потребностях, вкусах друг друга; обнаруживают отношение личности к объектам и феноменам действительности²: обыденной, макросоциальной, политической, экономической.

Понятие «поведение» не является только философским, и его исследованием традиционно занимаются другие гуманитарные науки, а именно психология и социология. Однако философский энциклопедический словарь предлагает свою трактовку данного термина и формулирует его как

¹ Вышеславцев Б.П. Образ Божий в существе человека // Русская религиозная антропология. Антология. – М.: 1997. – Т. 2. – С. 380–400.

² Петросян Д.С. Интеграционная модель поведения человека // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 43.

«процесс взаимодействия живых существ с окружающей средой»¹. Такое широкое понимание поведения человека соответствует задачам диссертационного исследования, направленным на уход от односторонних критериев, с которыми мы сталкиваемся в других науках, таких как «целеполагание», «целенаправленность», «осознанность», «высшее творческое проявление».

Для психологической науки советского периода было характерно противопоставление поведения и деятельности. Здесь возникали определенные казусы и противоречия. Понятие «поведение», хотя и присутствовало в отечественной гуманитарной науке (где доминировало изучение деятельности), было востребовано в меньшей степени, чем в науке зарубежной. Дело в том, что «поведение» (*behavior, англ.*) являлось основой бихевиоризма – десемантизированной ветви психологической науки², где человеческое сознание редуцировалось³, а человеческие действия и поступки описывались как внесознательные механические реакции на положительные либо отрицательные подкрепления⁴. Вполне объяснимо, почему американская бихевиористская концепция была чужда отечественной гуманитарной науке.

В итоге в зарубежной науке данный термин именовался *поведением*, а в отечественной науке нередко обозначался как *активность*⁵. В российской психологической науке активности, которая может быть неосознанной, программируемой, рефлекторной или инстинктивной, противопоставлялась деятельность. В психологической теории деятельности⁶ главными критериями *деятельности* стали целеполагание и осознанность, отсюда и

¹ Ильичёв Л.Ф., Федосеев П.Н. и др. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

² Черняк А.З. и др. Критика бихевиоризма // Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2006. – С. 508–511.

³ Там же. – С. 498–499.

⁴ Скиннер Б.Ф. Оперантное поведение – URL: <https://litvek.com/book-read/53793-kniga-berres-frederik-skinner-operantnoe-povedenie-chitat-online> (дата обращения: 15.12.19.)

⁵ Смирнов С.Д. Активность, деятельность, личность // Мир психологии. – М.: Воронеж: Рос. академия образования., Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. – № 3. – С. 11–23.

⁶ Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / ред. А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2006. – 389 с.

принцип «единства сознания и деятельности»¹. Противоречие, однако, состояло в том, что слово деятельность на европейские языки переводится именно как активность (*activity*). Именно эти «трудности перевода» стали преградой для укоренения психологической теории деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.П. Зинченко)² в англофонной мировой науке.

В культурно-исторической психологии проблема деятельности и поведения рассматривается в несколько иной плоскости, примиряющей бихевиоризм и отечественную теорию деятельности. Деятельность здесь соответствует высшим творческим проявлениям человеческой личности (Л.С. Выготский)³, которые можно отнести к ценностно-рациональным действиям.

Однако здесь мы и находим отличие поведения от деятельности, так как поведение свойственно не только состоявшейся личности, а наблюдается и у детей, приматов, животных (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия)⁴. Деятельность же имеет свойство быть обязательно осознанной и целенаправленной, для поведения это может быть и не характерным. Поведение может быть спонтанным, мотивы могут осознаваться индивидом не до конца, и, что особенно важным, оно, что и бывает в большинстве случаев, может быть не ориентированным на какое-либо творчество.

Именно такое понимание поведения и его размежевание с понятиями деятельности и активности привели к определению объекта нашего исследования – экономического поведения как более широкого понятия, чем экономическая деятельность или экономическая активность.

Между тем нужно признать, что в философии дифференциация деятельности и поведения является менее строгой, чем в психологии. Более того, мы не можем полностью исключить из поведения элемент целеполагания. Важно лишь понимать, что для деятельности целеполагание

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл; Академия, 2005. – 352 с.

² Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. – СПб.: Питер, 2012. – 287 с.; Леонтьев А.Н. Указ. соч.; Зинченко В.П. Образ и деятельность. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. – 608 с.

³ Выготский Л.С. Психология искусства. – Минск: Современное слово, 1998. – 480 с.

⁴ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 221 с.

является определяющим дифференцирующим признаком. Поведение же может иметь, а может и не иметь цели. То есть деятельность является сутью и наполнением отдельных целенаправленных действий, а поведение носит характер индивидуального проявления воли и выступает средством осуществления деятельности. Например, одна и та же по содержанию экономическая деятельность администрации предприятий, направленная на извлечение максимальной прибыли (свою главную цель), может допускать различные формы и способы поведения относительно друг друга и своего персонала: честную конкуренцию, устранение конкурентов из своего сектора рынка, гибкую стратегию и тактику маневрирования прибылью и т. п., то есть «одна и та же деятельность с одной и той же целью может успешно осуществляться в разных моделях экономического поведения, которое не сводится однозначно к линейной максимизации доходов»¹.

Немаловажное значение для определения экономического поведения в социальной философии имея анализ уже существующих определений данного понятия в других науках. Рассмотренные понятия проиллюстрировали сущность и особенности экономического поведения с точки зрения специфики каждой науки, однако для всех характерен один общий признак – четкая ориентация на экономическую активность, которая, как было обозначено раньше, не всегда характерна для поведения.

В экономической науке экономическое поведение понимается преимущественно как любая деятельность хозяйствующего субъекта. Так, Т.А. Архипова считает, что «тип и характер экономического поведения определяется как эндогенно, внутренней логикой экономической системы (экономическими отношениями, практикой хозяйствования, закономерностями экономического развития), так и экзогенно (национальными традициями, особенностями менталитета, экономической

¹ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок ... С. 60.

культурой, социально-психологическими характеристиками субъектов рынка)»¹.

В социологической энциклопедии экономическое поведение индивида связывается с выбором вариантов экономических стратегий, с конечной задачей вычленения наиболее оптимального, которое выражается в наибольшей пользе и наименьших потерях. Основными факторами, определяющими специфику экономического поведения, выступают экономическое сознание, экономические ценности и др.²

В социологии экономическое поведение интерпретируется в основном на базисе и с учетом экономических факторов. Однако здесь учитываются не только экономические, но и социальные, а также личностные аспекты, которые выражаются в некой системе ценностей и установок и впоследствии формируют определенную модель экономического поведения, вписанную в конкретную хозяйственную стратегию³.

С точки зрения В.И. Верховина, экономическое поведение стоит считать определенной системой социальных действий, которые основаны на заложенных в его суть всевозможных экономических потенциалах и ориентированы на приобретение планируемой пользы⁴.

В психологии под экономическим поведением понимают поведение людей, связанное с формированием экономических предпочтений, принятием экономических решений, а также с реакцией на последствия этих решений⁵.

Что же касается социальной философии, то здесь понятие экономического поведения мало изучалось до настоящего момента, в особенности не были ранее затронуты аспекты экономического поведения в

¹ Архипова Т.А. Экономическое поведение в российском трансформирующемся обществе: сущность, черты, направления формирования: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. – Ростов н/Д: 2001. – 160 с.

² Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова и др. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

³ Верховин В.И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа // Социс. – 1994. – № 10. – С. 120.

⁴ Там же.

⁵ Экономическая психология. Лектор – канд. экон. наук, доцент каф. истории экономики и экономической мысли Григорьева Ирина Викторовна. – URL: <https://present5.com/ekonomicheskaya-psixologiya-lektor-k-e-n/> (дата обращения: 10.12.2019.)

разреze взаимоотношений человека и окружающей его реальности. В связи с этим на основе изучения существующих формулировок и философского анализа его сущности и специфики была предложена авторская трактовка экономического поведения как философского понятия. Согласно этому *экономическое поведение представляет совокупность действий экономического характера (от обыденных до инициативных), которые неизбежно совершают человек и сообщества людей с большей или меньшей степенью регулярности.* Данная трактовка позволяет охватить все возможные формы проявления экономического поведения и обозначить его взаимосвязь с социумом на основе неотвратимости совершения экономических действий, влияющих на реальность.

В природе и сути экономического поведения находится персональное толкование взаимосвязи предпринятых действий индивидом и предполагаемой получаемой пользы от ряда этих действий. Также значение здесь приобретает целевая установка, лежащая в мотивации данного поведения, которое впоследствии играет определенную роль в становлении человека на социальной лестнице и в глазах окружающих. В ряду личных представлений большое значение для формирования модели экономического поведения играют и внешние факторы, такие как социальные потребности, достигаемость и открытость ресурсов различного рода, социальная структура, обычаи, менталитет, культура и др. По этому поводу в работе «Теории праздного класса» Т. Веблен отмечал, что общество видоизменяется, прогрессирует, находит новые формы существования по причине того, что трансформируется сознание и мышление отдельных индивидов и социальных групп¹.

То есть можно утверждать, что одним из важных факторов формирования экономического поведения становится отнюдь не рынок и его структурное устройство, как принято считать, а взаимосвязи среди индивидов, которые создают окружающую реальность и строят

¹ Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – С. 200–201.

определенные модели поведения, основываясь на личных предпочтениях и собственной выгоде. При этом рассматриваемый признак можно отнести не только к экономическому поведению, но также и к другим формам поведения человека. Стоит отметить, что указанный признак воспринимается с точки зрения общественной морали всегда неоднозначно, и в зависимости от культуры, принятой в обществе, от его традиций и установок, выгода, с одной стороны, может восприниматься как основной мотивирующий стимул, а с другой стороны, осуждаться с точки зрения морали¹.

Экономическое поведение может включать и формировать духовные регулятивы повседневного социального взаимодействия. Такие мотивы вовлеченного в рыночные отношения субъекта, по мнению В. Зомбарта, относятся к родовому понятию «хозяйствующий дух», который включает в себя познавательные, ценностные, разумные, индивидуальные личностные элементы экономического поведения².

Среди методологических подходов, рассматривающих экономическое поведение, выделяют теорию социального действия М. Вебера. С точки зрения данной теории, основой для формирования целерационального действия является экономический интерес; ценностно-рациональное действие формируется на основе культуры; базисной предпосылкой традиционного типа выступают социальные стереотипы и установки; для аффективного действия основным мотивом становятся человеческие эмоции³. В ситуации масштабного упадка культуры и кризиса традиционных ценностей наблюдается преобладающее проявление иррационального типа действий. Его распространение вполне обосновано, так как в реальной жизни индивид не склонен действовать как теоретическая конструкция (модель) и его действия не могут постоянно носить целерациональный характер, потому что на человека оказывает влияние целый ряд внешних факторов, с которыми

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2015. – № 4. – С. 60.

² Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем., изд. подгот.: Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. – М.: Наука, 1994. – С. 6–7.

³ Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602.

он должен считаться для успешной адаптации к окружающей действительности. В связи с этим индивид может и не стремиться к получению экономической выгоды, так как существует еще ряд других мотивов и целей для достижения. Но выбираемая стратегия с учетом всех факторов не отрицает продвижения к получению выгоды на конечном этапе своей деятельности¹.

Неоклассическая экономическая теория (У.С. Джевонс, Л. Вальрас, Дж.Б. Кларк, И. Фишер, А. Маршалл)² рассматривает экономическое поведение с точки зрения продуманной теоретической конструкции, основанной на совершенном рациональном типе мышления субъекта, направленного на получение максимальной выгоды. По мнению авторов, индивиды всегда осмысливают цель своего поведения и для ее достижения выбирают наилучшие варианты. Но необходимо учитывать то, что указанный взгляд на природу экономического поведения достаточно ограничен и не включает в себя важнейшие факторы, оказывающие на него влияние, такие как индивидуальные особенности, культурные аспекты, нормы морали.

Подход экономической теории к анализу специфики экономического поведения, ориентированного только на получение максимальной выгоды в рамках рынка и рыночных взаимоотношений, изначально обладает минимальным набором вариантов для развития и в конечном итоге обречен на стагнацию. В связи с этим современные экономисты, поддерживающие идеи гуманной экономики, Питер Козловски³ и Джордж Сорос⁴, говорят, что перспективы развития современного общества тесно связаны с этическими и нравственными вопросами капитализма и отсутствием спроса на данные качества в сфере бизнеса.

Подобные соображения не случайно связывают с современными моделями экономического поведения, которое обладает способностью

¹ Зомбарт В. Указ. соч.

² Блауг М. Неоклассическая теория денег, процента и цен // Экономическая мысль в ретроспективе – *Economic Theory in Retrospect*. – М.: Дело, 1994. – С. 586–606.

³ Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб.: Экономическая школа, 1996. – 158 с.

⁴ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм: пер. с англ. – М.: Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. – 458 с.

вносить изменения в базовые элементы внеэкономического взаимодействия человека и объективной реальности. Обозначенная экспансия «экономического» выражается в культе материальных ценностей, которые впоследствии оказывают влияние на все виды активности и деятельности современного человека, на его семью, взаимоотношения с друзьями, коллегами. Происходит замена традиционных ценностей кооперации и взаимоподдержки новыми смыслами рационализма и индивидуализма¹.

Такие исследователи, как В. Зомбарт, А.Л. Никифоров, В.С. Швырев, А.В. Рубанов², рассматривают экономическое поведение с учетом всех возможных внутренних и внешних аспектов, во власти которых оказывать на него какое-либо воздействие. Подобный взгляд на экономическое поведение не только раскрывает его содержание в полной мере, но и дает возможности для проецирования моделей поведения в будущем.

Автором неoinституциональной концепции экономического человека Г. Саймоном был предложен иной взгляд на природу экономического поведения, в основе которой, по его мнению, заложена идея ограниченной рациональности³. Данный принцип формирования экономического поведения выражается в том, что человек осознает необходимость просчитывать свое поведение с целью получения максимальной прибыли. Однако реализовать в полной мере на практике он это намерение не может, так как социальная реальность ограничивает поступки различными внешними и внутренними факторами, такими как ограниченность информации, традиции, обычаи, мораль, особенности характера и др.⁴

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 62–63.

² Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем. / изд. подгот: Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. – М.: Наука, 1994. – 443 с.; Никифоров А.Л. Деятельность, поведение, творчество // Деятельность: теории, методологии, проблемы. – М.: 1990. – С. 61–63.; Швырев В.С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М.: 1990. – 365 с.; Рубанов А.В. Механизмы массового поведения. – Минск: 2000. – 147 с.

³ Herbert A. Simon. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // American Economic Review. – May 1978. – V. 68. – No. 2. – P.1–16.

⁴ Елкина О.С. Сущность и особенности формирования экономического поведения // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3. – С. 120.

В итоге можно говорить, что реальное экономическое поведение как один из видов социального и индивидуального поведения включает в себя как разумные элементы расчета, так и иррациональные составляющие, включающие в себя дефицит знаний и особенности личностного восприятия¹.

Указанные подходы демонстрируют противоречивые взгляды в отношении механизма формирования экономического поведения. Однако данные расхождения указывают на его сложноустроенную структуру, и ведут к необходимости дополнительного философского исследования степени воздействия экономического поведения на другие социальные компоненты.

В отличие от узконаправленных исследований в рамках экономической теории, ограниченной сферой производства и рыночными отношениями, социальная философия позволяет исследовать данный тип поведения с точки зрения социального взаимодействия, которое открывает перед исследователем широкий спектр мало изученных вопросов. Конечно, экономическая теория уже накопила определенный запас теоретического материала, который возможно использовать при социально-философском анализе, и среди этих тем можно обозначить экономическую культуру, иерархию ценностей человека, особенности экономического мышления и др. Но все эти аспекты необходимо рассматривать в тесной связи с социальным. Именно поэтому человек всегда стремится найти баланс между чисто экономическим интересом и институциональными факторами на пути достижения поставленных целей².

Для философского анализа экономического поведения, в отличие от экономики и социологии, имеет значение показатель общезначимости, который строится из различных предпосылок, основанных на культуре конкретного сообщества, особенностях традиций и обычаев, религиозной и этнической принадлежности, уровне экономического знания. Немаловажным фактором экономического поведения является и природа возникновения

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 61.

² Макин И.О. Компромисс как форма экономического поведения // Экономика и менеджмент. Социология. – 2010. – № 3. – С. 99.

данного типа поведения. Она строится в условиях сферы производства и является естественной средой реализации, а также в условиях межличностных и семейных отношений, где реализуется принцип индивидуализма как неизменный и закреплённый в самом его содержании. Именно поэтому преобладающий принцип индивидуализма вводит в заблуждение экономистов и исключает другие предпосылки в теоретических исследованиях, что, в свою очередь, подталкивает философов к более качественному многофакторному научному поиску¹.

Социально-философский анализ влияния экономического поведения на современную цивилизацию показывает, что, несмотря на широкое проникновение во все социальные элементы экономических побуждений, они в итоге не являются всеприменимыми и универсальными для любого вида деятельности человека. Если бы существование современного социума было основано только на таком принципе в чистом виде, то общество было бы гомогенным, что противоречит реальному положению дел и не даёт возможностей для какого-либо развития системы².

В связи с этим, несмотря на активные глобализационные процессы, современное общество представляет собой множественное сочетание разрозненных микрокосмов, которые создают свою уникальную систему устройства, диктующую человеку линию его поведения, основанную на своей модели разумности. Из этого следует, что экономическая «максимизирующая» модель экономического поведения может существовать и может быть реализована только в условиях совершенного рынка, не представленного в реальности. В подтверждение сделанных выводов В.С. Любченко утверждает, что «на данный момент, нельзя говорить о полном торжестве экономического в любой не экономической сфере или типе социального взаимодействия». Автор это связывает с тем, что такой бы переко́с в основании социальной жизни в сторону экономического мышления

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 63.

² Там же. – С. 63–64.

и ценностей нарушил бы гармонию существующего мира в целом, и экономического и не экономического мира в отдельности¹.

Исследование форм поведения человека демонстрирует, что в отношении экономического поведения чаще всего употребляются готовые шаблонные формулировки, основанные на суждении о его эгоистической основе, а остальные формы внеэкономического поведения – любовь, дружба, кооперация, товарищество – представляются неопределенными и абсолютно бескорыстными. Это приводит к выводам о несостоятельности таких суждений в условиях действительности. Любая из перечисленных форм поведения подразумевает символический обмен определенными благами, которые люди ожидают в результате любовного или дружеского взаимодействия. И для получения этих благ так же могут продумывать стратегию поведения, которая должна привести к результату. Поэтому даже духовная взаимосвязь может под собой подразумевать получение выгоды, причем как нематериальной, так и материальной. В связи, с чем отнесение эгоистических устремлений только к экономическому поведению изначально кажется бесперспективной и ведущей к большему непониманию природы поведения человека точкой зрения².

Стоит отметить, что данный аспект исследования экономического поведения становится важным для многих социальных наук. Реальные человеческие отношения пронизаны разнонаправленными мотивами, которые отражают как эгоистические, так и альтруистические основания. Так возникает необходимость изучения в современных реалиях всех форм проявления экономического поведения, в том числе и благотворительной.

Выходя на виды экономического поведения, допускается деление с учетом их разнообразия: по характеру, специфике, национальной и региональной окраске. Основными видами экономического поведения выступают «производственное, распределительное, обменное и

¹ Любченко В.С. Экономическое поведение: методология социологического исследования // Теория и практика общественного развития. – 2007. – №2. – С. 60–64.

² Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 64.

потребительское; рациональное и иррациональное; индивидуальное, групповое, массовое; прагматическое, профессиональное и безразличное; креативное, асоциальное, психопатическое; трудовое, потребительское, финансовое, сберегательное, инвестиционное, монетарное; детерминированное и инициативное; контролируемое и автоматическое»¹. Экономическое поведение в определенной степени выступает индикатором включенности индивида в общественную структуру, положения в социальной иерархии, степени адаптации к современному рынку, а также формой участия в экономических операциях².

Еще одним основным источником формирования мотивации различных типов поведения современного человека выступает культура, которая в настоящее время претерпевает значительные трансформации. Обозначенные изменения происходят как на индивидуальном уровне, так и на глобальном. Наблюдаются качественные перемены как со стороны гуманности, так и обратные процессы. В таких условиях современному человеку становится сложнее реализовывать свою волю и поведение, и связано это с необходимостью максимально быстро реагировать на внешние раздражители и при этом нести ответственность за принимаемые решения.

Для более подробного исследования связи экономического поведения с социумом с учетом структуры и специфических проявлений экономического и внеэкономического характера был использован системный подход. Для того чтобы реализовать поставленную задачу, необходимо было проследовать от осмысления природы экономического поведения к человеческой индивидуальности и гуманистической основе социума.

Системный подход продемонстрировал, что любой индивид, реализующий экономическое поведение, должен осознавать взаимосвязь индивидуальных интересов и потребностей с целостностью общественного устройства, что в совокупности детерминирует форму и степень

¹ Шабунова А.А., Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – С. 4–6.

² Там же.

экономической разумности. Формирование экономической культуры и рациональности влияет не только на отдельную личность, но и на благополучие всего общества¹.

В случае с социальными системами установление степени их целостности происходит с учетом ряда определяющих факторов. Эффективное взаимодействие всех составляющих социальной системы возможно только при условии корректно функционирующих социальных институтов, настроенных на быстрое реагирование на динамические общественные процессы и перестройку. К факторам, влияющим на институциональную деятельность, традиционно относят информационные потоки, рыночные операции, результаты деятельности, энергоресурсы и т. д.².

Функционирование социальных систем определяется, в том числе, целостностью экономического поведения, которая формируется на основе разнонаправленных интересов как крупного бизнеса, с одной стороны, так и конкретной личности – с другой. При целостном экономическом поведении обозначенных участников формируются качественные хозяйственные связи, подкрепленные материальными и трудовыми ресурсами. Однако если экономическое поведение не реализуется в полной мере одной из сторон или обоими участниками и, как в современных реалиях, ответственность за экономическое развитие переносится на государство, то происходит перекос в управлении экономической сферой. В этом случае могут наблюдаться различные институциональные дисфункции, которые приводят к утрате целостности: «государство “приватизируется” и, перерождаясь, не может вести единую политику»³.

По этому поводу Дж. Сорос говорит, что экономическая мотивация проявляет себя в медицине, образовании, юриспруденции, журналистике и т. д. Подобные процессы, по мнению автора, могут приводить к потере

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 65.

² Никитина Ю.А. Развитие высших форм адаптации социальных систем в условиях нестабильной внешней среды // Известия ТПУ. – 2007. – № 7. – С. 138–142.

³ Голик Н.В. «Деконструкция» тоталитарного общества как основание психосоматических заболеваний // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. – 2005. – № 4. – С. 12.

целостности и дезинтеграции общества. В таком случае Дж. Сорос предостерегает от абсолютной ориентации на рыночные законы существования, которые «даже в чисто экономических и финансовых сферах производят хаос и однозначно ведут к развалу мировой капиталистической системы»¹.

В связи с этим целостность экономического поведения может быть установлена только при условии понимания активно действующими субъектами рынка, что поведение человека должно определяться не только эгоистическим материальным интересом, но и духовными ценностями. Следует также учитывать как частные, так и глобальные интересы общества, что может стать основой для развития и процветания всех участников данного процесса. Однако такое равновесное состояние может быть достигнуто только при условии формирования определенной экономической культуры повседневности, которая будет реализована в экономическом поведении личности².

Экономическое поведение становится источником дополнительных знаний о содержательных процессах поведения личности, об алгоритме раскрытия человеческого потенциала как источника целостности и открытости социальных систем. Именно поэтому современное экономическое поведение и его взаимодетерминация с целостностью общества могут быть рассмотрены в рамках теории саморазвивающихся систем.

Постнеклассическая наука изучает современное общество исходя из новых, нетипичных характеристик мышления и поведения, приоритетными чертами которых являются необратимость, неравновесность, неустойчивость³. На этом фоне имеет место усиление активной роли субъекта в мире рынка и радикальная переоценка ценностей. Данный подход

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности: пер. с англ. – М.: Инфра-М, 1999. – С. 159.

² Негруль (Михайлова) В.В. Экономическое поведение и целостность общества: параметры взаимной детерминации ... С. 66.

³ Щеглов Б.С., Чаленко М.В. Становление постнеклассической картины мира в контексте познания социума // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2011. – № 2. – С. 262–267.

дает возможность изучить экономическое поведение с позиций субъективизма и объективизма.

С точки зрения субъективизма состояние экономической системы зависит от множества факторов, в том числе от действий главного субъекта экономики – человека, от его ценностных предпочтений, рациональности, эмоций и переживаний. На основе анализа сущности глобального развития мировой системы складывается впечатление, что в настоящее время происходит смена философии развития мира. Формируется новая модель миропорядка, ориентированного на многополярность. Субъективизм приобретает значение не только на индивидуальном уровне, но и на уровне мировой макросистемы.

Постнеклассический научный подход опирается, в первую очередь, на правила самоорганизации и открытости, которые показывают, что базисом сбалансированного развития социума становится плодотворная взаимосвязь составляющих его элементов. Логика утверждения названных принципов реализуется посредством установления взаимодействия социальных институтов и организаций, которые, в свою очередь, опираются на деятельность людей работающих в них. В конечном итоге индивидуальное действие становится источником жизни для окружающей реальности. В связи с чем важно выстроить описанный алгоритм на разных уровнях взаимодействия. Из этого так же следует, что взаимодействие является ключом к управлению социальным развитием и его ориентиром на приоритетное русло, в котором рынок является ядром экономической жизни, но не разрушает социальную целостность, а способствует ее стабильности. По мнению И. Пригожина, в какой-то мере «мы можем выбирать направление нашей эволюции»¹. Претворение названных принципов в жизнь может быть основано на совокупной социальной адаптации экономических субъектов.

¹ Пригожин И. Наука, цивилизация и демократия // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. – М.: Наука, 1989. – С. 7–18.

С точки зрения теории систем взаимодействие осуществляется по принципу «объект–субъект». Однако если обратиться к практике, то можно заметить, что влияние поведения на систему принимает интерсубъективный характер, и исследование переходит в плоскость «субъект – субъект», которая возможна только при условии взаимодействия людей. Кооперация устремлений индивидуумов в форме рациональной деятельности приводит к самоорганизации и впоследствии объединяет их в различные коллективы, влияющие на работу социальных институтов. Установленный вектор человеческого поведения говорит, что все элементы системы взаимодействуют друг с другом и оказывают влияние на существование системы¹.

С точки зрения И. Пригожина, следует учитывать активное поведение всех элементов, участвующих в саморазвитии и самоорганизации систем, включая как объективные, так и субъективные факторы. «Система ... структурируется ... из спецификации каждого структурного уровня системы с точки зрения особенностей содержания и формы свойственного ему потенциала развития. Внутреннее поведение системы гармонизируется именно по этому энергетическому принципу»². Из этого следует, что поведение отдельных разноуровневых структурных элементов системы выступает предпосылкой ее движения и развития.

Данный подход к анализу поведения человека позволяет встроить элементы материалистического подхода в логику парадигмы «Бог – Бытие – Человек». В современном научном познании экономическая сфера занимает центральное место в целостной общественной структуре и обладает возможностью самовоспроизводства, которая базируется на взаимоотношениях «объект – субъект», так и на взаимодействии «субъект – субъект». Такое положение вещей приводит к интеграции и слиянию

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности // Вестник ВГУ. Серия: Философия. Воронеж: Издательский дом ВГУ. – 2014. – № 4 (12). – С. 157.

² Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Методологические основы экономической синергетики (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007. – С. 11.

экономического, культурного и социально-политического потенциалов в единое целое¹.

Исследование роли поведения субъекта в экономической реальности предполагает также изучение такой важной характеристики, как степень свободы реализации субъекта. Анализ свободы предусматривает изучение воздействия внешних факторов, роли случайного и неопределенного, степени взаимосвязи с общественным целым. Логика исследования строится из положения, что субъекту крайне необходима свобода экономического выбора. Но при этом предполагается, что она будет давать возможность индивиду в определенной степени удерживать дистанцию с рыночной системой. Основой для дистанцирования становятся ценностные установки и духовное содержание, которые предопределяют экономический выбор. При таких условиях индивид выходит за рамки рыночного контроля и стереотипного мышления. Однако реализация представленного варианта свободы может быть исполнена только при определенных внешних условиях, созданных рыночными институтами, с предоставлением разнообразных вариантов и механизмов для реализации индивидуального выбора и самореализации. В связи с этим проблема свободы в процессе взаимодействия рыночных структур с субъектом является проблемным полем для научных и практических исследований, так как не находит одновариантного оптимального режима сотрудничества и развития².

Свобода реализации экономического выбора субъекта также обусловлена уровнем существования на современном рынке. В рамках каждого уровня субъект вынужден играть по тем правилам, которые установлены системой. На макроуровне индивид выполняет ряд установленных рынком функций для реализации экономических действий. В условиях микроуровня субъект имеет возможность реализовать не заданные шаблонные алгоритмы, а индивидуальные намерения. При этом индивид

¹ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Методологические основы экономической синергетики (научный доклад). – М.: ИЭ РАН, 2007. – С. 15.

² Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности ... С. 158.

может проявить себя в различных ролях, таких как носитель культуры, гражданин, физическое лицо, личность и т. д. Сама индивидуальность субъекта предопределяет специфику поведения на микроуровне и становится в современном мире практически единственным механизмом преобразования и развития реальности.

Поэтому очень важно, чтобы не только система была целостной, но и действующий индивид представлял собой сформированную целостность, которая основана в том числе и на условии свободы проявления всех возможных личностных устремлений и реализации социальных ролей, что дает возможность действовать не только на макро-, но также и на микроуровне. В таком случае происходит активное взаимодействие объективных и субъективных предпосылок экономического поведения. Свободная экономика и рынок предполагают многовариантность развития, при условии учета направлений, правил, векторов движения, общественного курса, индивидуальных проявлений личности. В таких реалиях системные взаимоотношения выстраиваются на основе взаимодействия объекта и субъекта при приоритетном положении субъекта¹.

Из этого следует, что главными характеристиками экономической реальности как системы являются открытость и свобода, которые основаны на непрерывном социальном энергетическом обмене с внешней средой. Данные свойства гарантируют возможность постоянной конструктивной взаимосвязи всех элементов. Подобные взаимодействия порождают микроуровень, формирующий предпосылки для интеграции макроуровня и всей системы в целом. Исходным неделимым элементом взаимодействия выступает субъект как первоначало рыночной реальности².

В итоге для того чтобы гарантировать свободу и сделать ее основой для эволюционного развития, необходимо, чтобы противоборство с

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности... С. 159.

² Там же. – С. 159–160.

неопределенностью макроуровня не приводило к потере индивидуальной свободы.

Стоит отметить, что в современном информационном обществе вектор свободы направлен в совершенно противоположную сторону. Для того чтобы уровень свободы был выше, необходимо развивать личностный потенциал и критическое мышление. Таким образом, если в линейном пространстве вектор свободы направлен на повышение рациональности социально-экономических отношений, то в нелинейном мире свобода служит индивидуализации экономического поведения и развитию индивидуальности отдельного человека¹.

Изучение экономического поведения как философского понятия показывает, что именно социальная философия дает более широкую трактовку экономического поведения, позволяющую рассматривать его с учетом как объективных, так и субъективных факторов при условии сохранения индивидуальности человека как главного актора социальных систем.

Определяющим подходом, выбранным для исследования экономического поведения, выступил системный, который базируется на интерпретации экономического поведения во взаимосвязи целого (общества) и частей (субъектов экономического поведения). Целостность представлена в качестве свойственного обществу и экономическому поведению отдельного человека вектора развития, в котором взаимосвязь целого и частей интегрируют само их существование, внутреннее сходство и относительную ограниченность. Такое интегрирование части и целого гарантирует одновременно как структурно-функциональную целостность систем, так и их внутреннюю гетерогенность.

На основании теории систем были выявлены внутренние закономерности экономического поведения и их взаимосвязь с внешними

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Синергетический подход в исследовании взаимодетерминации целостности общества и экономического поведения личности... С. 159–160.

функциями современного рынка. Анализ показал, что главными характеристиками экономической реальности как системы являются открытость и свобода, которые основаны на непрерывном социальном энергетическом обмене со своей внешней средой. Подобные взаимодействия порождают микроуровень, формирующий предпосылки для интеграции всей системы. Исходным неделимым элементом взаимодействия выступает субъект как первоначало рыночной реальности. Также свобода служит индивидуализации экономического поведения и развитию индивидуальности отдельного человека как движущей силы социального прогресса.

1.2 Трансформации научных воззрений на экономическое поведение

Протекающие глобализационные процессы в современном социуме активно влияют на экономическое поведение, формируя в нем противоположные ценности из различных экономических систем – рыночной, советской и архаической. В связи с этим довольно затруднительно рассматривать современное экономическое поведение как целостное, так как человеческое поведение, лишенное материальной и духовной зрелости и направленное на максимизацию выгоды, не может быть эффективным и отражать высокий уровень развития человека. Именно поэтому проблема человеческого поведения как одна из важнейших составляющих целостного мира актуализирует проблему перехода общества в новое качественное экономическое измерение, в котором сохранена целостность духовного мира.

Происходящие социально-экономические процессы традиционно рассматривают в рамках экономической науки. Однако в случае с современным экономическим поведением оказывается недостаточно взгляда только одной экономики. Возникает необходимость в изучении объекта исследования в рамках социальной философии. Социально-философский подход дает возможность проанализировать научные воззрения в отношении

экономического поведения, которые включают философские, экономические, социологические, психологические и культурологические аспекты.

С самого начала стоит отметить, что философия в период с Древних времен до Средневековья практически не рассматривала и не изучала сферу экономических отношений и особенностей поведения человека столь подробно, как в Новое и Новейшее время. Однако первые попытки осмыслить сферу экономических взаимоотношений были сделаны еще в древности. Так, основные принципы деления общества на рабов и рабовладельцев, законы об укреплении и охране частной собственности были представлены в кодексе царя Хаммурапи Вавилонского (1792–1750 гг. до н. э.)¹. Уровень развития цивилизации вавилонского царствования и применение ультрасовременных законов для того времени имело огромное значение и говорило, что наряду с происхождением и чином важным стратификационным признаком был и имущественный.

В Древнем Китае большее внимание было сосредоточено на правовых аспектах регулирования экономических отношений и немаловажную роль в этом сыграло конфуцианство – учение, созданное Конфуцием (551–479 гг. до н. э.)². Учение о естественном праве стало основой для всей философской и социально-экономической концепции китайского общества. Главным принципом конфуцианской этики, пронизывающим учение, выступила гуманность, которая и на данный момент при всей противоречивости человеческого бытия не потеряла своей актуальности как основы социального порядка и баланса. Данные установки в отношении экономической сферы жизни общества свидетельствуют, что в Древнем Китае на тот момент уже рассматривали не только степень экономического развития, но и последствия его воздействия на общество.

¹ Текст сборника Законов Хаммурапи в переводе / Пер. и комм. И.М. Волкова // Законы вавилонского царя Хаммурапи. с 8 рисунками и картой / Под общ. ред. Б.А. Тураева. – М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. – 81 с.

² Конфуций. Уроки мудрости: пер. с древнекит / сост., вступ. с и коммент. М.А. Блюменкранца. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО, 2000. – 957 с.

Более цельное и масштабное философское осмысление социально-экономической жизни было осуществлено древнегреческими философами. В работе «Домострой» Ксенофонта¹ (430–355 гг. до н. э.) поднимались вопросы экономических взаимоотношений, разделения труда, торговли, денежного обращения, рационального ведения хозяйства. В понимании автора, вещь наделяется рядом функций, которые выражаются в двух видах стоимости: потребительской и меновой. При этом Ксенофонт большое внимание уделял повседневным практикам людей, что можно рассматривать как одну из первых попыток выделить экономическое поведение из других видов человеческого поведения.

Наиболее интересной с точки зрения экономической жизни оказалась работа Платона (427–347 гг. до н. э.) «Государство и политика»², в которой он провел анализ социальной структуры и стратификации и пришел к выводу, что свободные люди подразделяются на три сословия. К высшему сословию он отнес философов, затем следуют воины, и на низшей ступени находятся земледельцы. Экономическое поведение во взглядах Платона было основано на принципе равновесия и личной свободы: «пусть никто не касается моего имущества, если только нет на это каждый раз специального моего разрешения, и я буду поступать точно так же, пока Я в здравом уме...»³. Выявленные характеристики экономического поведения не только дополнили знания о его структуре и функциях, но и заставили по новому взглянуть на степень важности экономических практик для человека и впоследствии для всего общества. Платон сделал акцент на личном выборе человека в экономических отношениях. Это говорит о том, что уже в античную эпоху рынок Платон рассматривал как либеральную систему, открытую и свободную.

¹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. Воспоминания о Сократе. Защита Сократа на суде. Пир. Домострой / пер., вступ. ст. и коммент. С.И. Соболевского. – М.: Академия, 1935. – 417 с.

² Платон (ок. 427 – ок. 347 до н. э.). Государство. Законы. Политик. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.

³ Диалоги Платона. Законы. Книга XI. – URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/30zak11.htm> (дата обращения: 11.01. 2017)

Аристотель (384–322 гг. до н. э.), в свою очередь, стал первым древнегреческим философом, уделившим столь пристальное внимание исследованию экономических явлений. Автор определил важность фактора пользы, который ложился в основу обменных процессов на рынке и влиял на установление цены и соответствие потребностям личности. Эффект «пользы» распространялся и на сферу хозяйствования. Устанавливалось, что естественными являются лишь те процессы, которые способствуют развитию хозяйства, а те действия, которые направлены на получение неоправданной выгоды, относятся к противоестественным¹.

В научной мысли того времени происходит становление рационального взгляда на действительность, который предполагал существование цельного упорядоченного мира. Роль человека в данном подходе определялась как главенствующая, так как именно человек благодаря своей разумности и познавательной способности мог правильно организовать вокруг себя окружающий мир и привести к гармонии природных и социальных явлений в их целостном единстве. Выражением стремления к достижению социального порядка была организация институтов рабства. «Рабы – помощники по хозяйству» – вот формула домашнего управления, которое было в Афинах и других древнегреческих полисах. В общественном мнении афинян бытовало терпимое отношение к бедности, при которой свободный человек мог владеть 1–2 рабами, а осуждалось богатство при наличии 8–9 рабов. Лучшим считалось нечто среднее, оптимально обеспечивающее развитие мастерской любого профиля – 4–6 рабов. Существовали и специальные законы, регулирующие взаимоотношения рабов и хозяев². Для Аристотеля было характерно неприятие чрезмерного потребления и стремление к установлению гармонии на всех социальных уровнях, как на микро- так и на макроуровнях. Здесь усматривается тенденция к определению целостности

¹ Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. С.М. Роговина. – М.: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.

² Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. – М.: Канон+, 2010. – 448 с.

личности, которая, в свою очередь, может выступать основой для гармоничного существования всего общества.

В теории «непрерывного изменения» Гераклита¹ человек рассматривается как часть единой Вселенной, что придает ему разумности и способности для понимания законов природы и жизни. Именно благодаря объединению разумности человека и Вселенной приводится в движение весь окружающий мир. В.Г. Белинский правильно интерпретировал античную судьбу как «объективное действие, которое развивается и идет себе, движимое внутреннею силою своей разумности»². Именно поэтому основу экономических взаимоотношений и вообще материального мира многие античные философы видели в разумности человека и его способности взаимодействовать с реальным миром и природой. К слову, общественная целостность Афин была нарушена во время Пелопоннесской войны, когда на рынок было «выставлено» большое количество пленных, что было скорее выгодно, чем разумно.

Наряду с такими понятиями, как «гуманность», «разумность», «целостность», большое значение в философских учениях приобрело понятие «свобода». Так, изучая экономическую сферу и труд, Сократ³ отводил понятию «свобода» особое место, так как полагал, что она заключается вовсе не в том, чтобы только есть и спать, а в том, что именно свободный труд делает людей более здоровыми, справедливыми, знающими и состоятельными. Идеи Сократа вполне созвучны с современностью и находят свое отражение в условиях развитого либерального рынка, где свобода личного выбора дает человеку возможность проявить свою индивидуальность и самореализоваться, благотворно повлияв на окружающую действительность.

¹ Гераклит // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. / пер. А.В. Лебедева. – М.: Наука, 1989. – № 22. – С. 176–257.

² Белинский В.Г. Статьи и рецензии. 1841–1844 / АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); редкол. Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. – С. 18.

³ Ксенофонт. Сократические сочинения: пер. с древнегреч. / вступ. ст. и прим. С. Соболевского. – М.: Мир книги; Литература, 2007. – 367 с.

Принято считать, что в Средние века науки Арабского Востока и Западной Европы развивались изолированно друг от друга. Тем не менее мы обнаруживаем очевидные параллели в учениях Востока и Запада. Арабский мыслитель Ибн Хальдун¹ (1332–1406 гг.) в концепции общественного прогресса рассматривал отдельного человека как важное действующее звено на пути к всеобщему богатству и благополучию. Базисом социального порядка Ибн Хальдун считал право частной собственности, которое рассматривалось как прирожденное и неотрывное от природной сути человека. При этом рост личного достатка, по мнению Ибн Хальдуна, не мог повлиять на иерархию социальных слоев и правящий класс.

Схожие идеи об экономических основах мы находим у итальянского богослова Фомы Аквинского² (1225–1275 гг.), рассматривающего общественное разделение труда в качестве основ бытия человека и социума в целом. Неким фундаментом хозяйства Фома Аквинский считал частную собственность и право человека на богатство. В трудах философа сформулированы идеи рационализма экономических взаимоотношений, которые выразились в теории «справедливой цены» и «справедливого процента», основанной на трудовых затратах, то есть на обмене эквивалентов.

Рассмотренные научные подходы Ибн Хальдуна и Фомы Аквинского говорят о высоком значении уже в Средневековую эпоху индивидуального труда и собственности как атрибутов общественного развития, при котором приоритетом становится защита интересов граждан. Основной формой результативной деятельности становится труд и главным действующим лицом – человек и его повседневные практики.

Более широкое развитие таких идей представлено в экономической мысли эпохи Реформации, которая произвела на свет довольно прогрессивные для того времени взгляды Мартина Лютера на

¹ Ибн Хальдун. Введение (ал-Мукаддима) / сост., пер. с араб. и прим. А.В. Смирнова // Историко-философский ежегодник, 2007. – М.: 2008. – 530 с.

² Святой Фома Аквинский. Сумма теологии / под ред. Н. Лобковица, А.В. Апполонова; пер. А.В. Апполонова. – М.: Издатель Савин С.А., 2006–2007. – Т. I-II. – 816; 654 с.

экономическую жизнь. Лютер предложил на суд общественности 95 тезисов против торговли индульгенциями. Свои основные теоретические взгляды автор изложил в работе «О торговле и ростовщичестве» (1524) и в «Наказе приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества» (1540). В данных трудах Лютер модифицирует классическую христианскую точку зрения на труд и предлагает рассматривать его как «богоугодное дело» и форму служения ближнему¹. Подобное толкование впервые в истории научной мысли раскрывает сущность труда вообще. По поводу торговли и ростовщичества Лютер в своем «Наказе» наставляет, что священники «должны учить народ и приучать его к тому, чтобы ростовщиков и скряг принимать за живых чертей»². Анализ идей Лютера показывает, что автор предложил, по сути, первую модель экономического поведения, которая предполагала христианскую мораль, основанную на усердном труде и служении.

Иной взгляд на роль и деятельность человека в материальном мире предложила эпоха Возрождения. Макиавелли одним из первых продемонстрировал противоположные взгляды на основные понятия философии, такие как Бог, Бытие и Человек. Человеческую способность к разумной деятельности и проявлениям воли Макиавелли выразил в понятии «*virtu*». Автор обратил внимание на саму природу человеческого поведения и мотивацию. Основным элементом развития любого общества он рассматривал конкуренцию и противоборство между людьми. Именно экономические факторы в его учении выступили основой политической борьбы и конкуренции. Он считал очевидным, что «перевороты чаще вызываются людьми состоятельными, потому что страх потери порождает в них те же страсти, которыми одержимы стремящиеся к приобретению»³. В рассуждениях Макиавелли четко прослеживается попытка охарактеризовать

¹ Лютер М. Избранные произведения / пер. и ком. К.С. Комаров, Ю.А. Голубкин, Ю.М. Каган. – СПб.: Андреев и согласие, 1994. – 433 с.

² Нуреев Р.М. Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства // Terra Economicus. – 2011. – Vol. 9. – No. 4. – P. 122–141.

³ Макиавелли Никколо (1469–1527). Государь. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 303 с.

степень воздействия экономики на всю общественную жизнь. При этом источником данного воздействия он считал человека, в противоречивой природе которого он усмотрел как созидательную мотивацию к действию, так и иную, основанную исключительно на личной выгоде.

Развитие капитализма привело к более активному изучению экономической жизни и роли государства в хозяйственной деятельности. Жан Боден¹ (1530–1596) как один из первых представителей меркантилизма ставил частную собственность выше суверенитета монарха. Именно данное утверждение оспаривалось представителем утопического социализма Томасом Мором, который отрицал частную собственность вообще: «повсюду, где есть частная собственность, где все измеряют деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо или счастливо»². Отметим, что его отрицание частной собственности во многом явилось реакцией на экономическое поведение лордов (английских феодалов – землевладельцев), затеявших «огораживание» – сгон крестьян с земель, разрушение хозяйств и организацию на освободившихся землях пастбищ для овец. Это был первый в истории Европы геноцид против своего народа, который поддержала королевская власть. Данные события привели к пересмотру устоявшихся идей в отношении позиции человека в экономике, которому отводилась ведущая роль на основе труда и частной собственности. Наметился кризис нехватки информации в отношении принципов и мотивации экономического поведения, которое может не только способствовать целостности общества, но и приводить к разрушительным сценариям в реальности. В связи с этим в Новое время появляется множество теоретических подходов в отношении анализа экономической деятельности.

¹ Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой философии: в 4 т. – М.: 1970. – Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – С. 141–147.

² Мор Т. Утопия / пер. с лат. Ю.М. Каган. – М.: Наука, 1978. – 416 с.

В «Левиафане» Т. Гоббса¹ рассматривается следующая модель рынка – «собственническое рыночное общество», в котором абсолютно все элементы хозяйственной деятельности подчинены рынку. Роль человека в данном обществе сводится к возможности продавать свою «*power*» (*силу*), которая понимается как средство или возможность достижения будущего блага. Понятие «*power*» у Гоббса приобретает несколько значений и выражается, как и в естественных природных талантах и умениях, так и в статусных возможностях, которые в совокупности приводят человека к неизменному «торгу» в качестве продавца или покупателя на «рынке власти»². Здесь описаны уже в большей степени коммерциализированные отношения, лишенные духовности и ценностей неэкономического порядка. Это говорит, что «рынок» Гоббса как и сегодня в большей степени основан на рациональном расчете и роли человека придается меньшее значение, оно сводится к механическим торгам за выгодные условия.

Джон Локк как сторонник принципов меркантилизма в своем труде «Рассуждения о понижении процента и повышении ценности денег»³ считал внешнюю торговлю главным средством обогащения страны. Однако в трудовой деятельности он усматривал основу и меру богатства различного рода. Такого же мнения придерживался и Юм⁴. Критикуя меркантилизм, он считал, что именно труд является главным богатством государства.

Дальнейшее развитие философской и социально-экономической мысли привело к более широкому и глубокому анализу роли человека в экономических и социальных процессах. Многие ученые обратили внимание на ключевые понятия свободы и равенства. Прогрессивные идеи отразились в социализме Мелье⁵, который отрицал неравенство между людьми и считал

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.

² Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – Минск.: Харвест, М: АСТ, 2001. – 304 с.

³ Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. / вступ. ст. И.С. Нарского. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 734 с.

⁴ Юм Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / пер. с англ. С.И. Церетели, вступит. ст. М.А. Абрамова, прим. И.С. Нарского. – М.: Канон, 1995. – 400 с.

⁵ Мелье Ж. Завещание. в 3 т. / пер. с франц. Ф.Д. Капелюша и Г.П. Полякова. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 444; 454; 473 с.

его главным недостатком современного общества. Ш.Л. Монтескье¹ выступал с активной критикой узких идей и считал, что промышленное производство и торговля – это ключ к богатому будущему страны. Вольтер² большое значение придавал активной деятельности человека и считал, что именно такой подход может послужить улучшению качества жизни. В итоге основные идеи такого взгляда на поведение человека выразились у Вольтера в теории меморизма. В связи с этим именно труд автор рассматривает как основу развития государства.

В работах Жан-Жака Руссо³ можно усмотреть попытку диалектико-материалистического толкования социально-экономического прогресса. В трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) автор поднимает вопрос о процессе развития общества, его характере и сложностях, сопутствующих ему. Изучая распределение социальных благ и положение отдельных групп общества, Руссо приходит к выводу, что существующее в обществе неравенство является результатом прогресса. «Искусство добывания и обработки металлов и земледелие, – отмечал Руссо, – явились теми двумя искусстваами, изобретение которых произвело этот огромный переворот. Золото и серебро – на взгляд поэта, железо и хлеб – на взгляд философа – вот что цивилизовало людей и погубило человеческий род»⁴. Руссо говорит, что человеческая деятельность выступает движущей силой развития и источником богатства, однако негативными результатами такого прогресса можно считать рыночную систему, неравенство и вырождение человеческих ценностей.

Дени Дидро⁵ в отличие от Жан-Жака Руссо по-другому понимал прогресс. Он его рассматривал с точки зрения анализа человеческого

¹ Монтескье Ш. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. ст. проф. М.П. Баскина; примеч. Р.С. Миндлинной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1955. – 800 с.

² Вольтер. Статьи и материалы / под ред. М.П. Алексеева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1947. – 224 с.

³ Руссо Ж.-Ж. Pro et Contra // Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752–1917). Антология / сост. А.А. Златопольская и др. – СПб.: Издательство РХГА, 2005. – 798 с.

⁴ Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. – М.: АСТ, 2004. – 240 с.

⁵ Дидро Д. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1941. – 282 с.

поведения и эмоций и выявил, что стремление всех людей к удовольствию приводит к развитию и совершенствованию всех важнейших процессов, в которых участвует человек. В своих научных поисках Дидро занимался изучением обществ, в которых отсутствовали основные пороки капиталистического общества – частная собственность и неравенство, что позволило автору прийти к выводу, что именно человек и его труд являются наиважнейшими ресурсами.

Сторонниками идей Дидро можно считать Клода Адриана Гельвеция¹ и Поль Анри Гольбаха². Данные мыслители в своих рассуждениях о человеческой природе и ее роли в общественном прогрессе шагнули в сторону большего индивидуализма. С точки зрения Гельвеция, такие индивидуальные проявления, как удовольствие и страдание являются базисной основой всех процессов, происходящих в социальной реальности, а на самолюбии, как считает автор, строится общественная мораль. По мнению Поль Анри Гольбаха, основным стимулом в поведении человека становится удовлетворение своих собственных индивидуальных интересов.

Идеи ученых эпохи Просвещения пронизаны мыслью о большой роли индивидуального фактора в развитии общества вообще и экономической сферы в частности, это говорит о том, что изучение экономического поведения человека во многом является ключом к пониманию законов социального прогресса.

Несколько иной взгляд на человеческую природу и особенности его поведения находится в трудах немецких философов. В первую очередь, к данной тематике обращается Иммануил Кант в своей книге «Антропология с прагматической точки зрения» (1798 г.)³. По мнению Канта, человек это «самый главный предмет в мире» и он принадлежит одновременно миру природы и миру разума. Подобно древнегреческим философам, Кант большое значение придает рациональности и разумности человеческого

¹ Гельвеций К. Сочинения в 2 томах. – М.: Мысль, 1973–74. – Т. 1. – 647 с.; Т. 2 – 687 с.

² Гольбах П. Избранные произведения в 2 томах – М.: Мысль, 1963. – Т. 1. – 715 с.; Т. 2 – 563 с.

³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / пер. с нем. Н.М. Соколова. – Изд. 4-е. – М.: URSS; Ленанд, 2017. – 194 с.

мышления, дополняя это качество нравственными, природными составляющими. В этом заключается суть нравственно-натуралистического дуализма учения И. Канта. Двойственная человеческая природа, по мнению Канта, приобретает большое значение для хозяйственной жизни, где сталкиваются разнонаправленные векторы, выражающиеся, с одной стороны, в единстве интересов, солидарности и удовлетворении общественных потребностей, а с другой стороны, в приоритете личных интересов и свободе выбора.

И.Г. Фихте, анализируя историю человечества, обратил внимание на пятую стадию развития – «завершенного оправдания и освящения», для которой была характерна высокая степень разумности и рациональности, о которой не раз упоминали философы разных эпох, и которую ставили в основу прогресса. Фихте утверждал, что «...человечество уверенной и твердой рукой создает из себя точный отпечаток разума»¹. Наряду с экономистами того времени основой совершенствования государства Фихте называл трудовую деятельность человека, которая является инструментом развития государства и гарантом личного блага человека. Именно поэтому Фихте считает задачей государства осуществление экономических функций, которое всегда должно преследовать цель реализации права на существование посредством труда, то есть служить созданию в государстве условий, достойных человека.

Исследуя вопрос труда и степень его важности для развития человечества, еще один классик немецкой философии Гегель² пришел к выводу, что развитие производительных сил и реализация права на труд в государстве ведет к прогрессу, всеобщности и целостности. Гегель говорит о двойственной роли человека и, «когда потребность и труд подняты до этой всеобщности, в великом народе образуется для себя огромная система общности и взаимной зависимости, сама в себе движущаяся жизнь мертвого

¹ Фихте И.Г. Сочинения в 2 томах / сост. и примеч. В. Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 2. – 798 с.

² Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа. Философия истории. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с.

мира, которая слепо и стихийно мечется то туда, то сюда и, как дикий зверь, постоянно требует строгого обуздания и укрощения». Эта «движущаяся в себе жизнь мертвого мира» есть «самоотчуждение» – новая форма гегелевской «позитивности».

Здесь стоит обратить внимание на то, что Г.В.Ф. Гегель указывает и на последствия движения человечества к всеобщности путем развития производительных сил. Этот процесс приводит к так называемой «отчужденности» человека от мира. Созданная человеком на основании собственной разумности капиталистическая система начинает управлять его жизнью и диктовать свои условия.

Классическая немецкая философия хоть и не напрямую рассматривала экономическое поведение, однако глубокий анализ человеческого бытия и его сущности раскрыл некоторые закономерности индивидуального существования, взаимодействия и социальной реальности. Экстраполируя эти знания на хозяйственную жизнь, мы снова находим определяющую роль человеческой деятельности и труда в развитии общественной системы.

В Новое время в большей степени развивалось теоретическое течение меркантилизма, идеи которого были основаны на приоритете благосостояния государства с учетом активного вмешательства в хозяйственную деятельность. Экономическое поведение человека не рассматривалось как инструмент влияния на рынок и жестко регламентировалось.

Позже критики меркантилистской теории, например Уильям Петти¹ (1623–1687), обратили внимание на то, что ценность товара определяется затраченным на его производство трудом. Подобные идеи были реализованы в работах основоположника экономического либерализма Адама Смита², который заявил о главенствующей роли индивида в экономической жизни государства и сформулировал концепцию «экономического человека» (*homo economicus*). Данная концепция представляла индивида как максимально

¹ Петти В. Избранные работы: «Трактат о налогах и сборах», 1662 г.; «*Verbum sapienti*» («Слово мудрым»), 1664 г.; «Разное о деньгах», 1682 г. / Вильям Петти. – М.: Ось-89, 1997. – 110 с.

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

разумного и рационального, принимающего решения на основе соображений выгоды и полезности, без учета религиозных, психологических, политических, нравственных и других неэкономических мотивов. Также автор занимался изучением экономического поведения, его роли в социально-экономической жизни общества и дал его характеристику.

Развитие исследования роли индивида в экономической жизни привели Адама Смита к разработке «доктрины невмешательства»¹ государства в экономику (франц. *laissez-faire*), которая была основана на идее исключения государственных органов из процесса принятия решений на рынке и закрепления приоритета за индивидом. Механизм такого влияния основан на рыночной конкуренции, которая создается с помощью внутренней системной гармонии и законов самого рынка, и это позволяет индивидам как части этой единой системы на основе своего неосознанного рационального выбора наилучшим образом влиять на рост личного и государственного благосостояния. Это выразилось и в сути экономического поведения, которое рассматривается как поведение, соответствующее рыночной обстановке, разумное, основанное на стремлении увеличить выгоду и уменьшить потери при реализации данного типа поведения.

Рассмотренная модель «экономического человека», предложенная в рамках классической экономической теории, достаточно хорошо подходила для объяснения капиталистических законов рынка и отражала основные векторы его развития. Однако вопреки утверждениям А. Смита все отвергнутые им внеэкономические факторы в действительности оказывают сильнейшее влияние на экономическое поведение и во многом его определяют. При этом стоит отметить, что для науки и общества концепция Смита имела немалое значение, так как вместе с ней пришло признание приоритета человека над государством в социально-экономических взаимодействиях в отличие от идей меркантилизма.

¹ Смит А. Указ. соч.

В рамках экономического либерализма изучение экономического поведения и роли индивида на рынке активно продолжалось различными исследователями: Томасом Мальтус¹ (1766–1834), Давидом Рикардо² (1722–1823), Жаном Батистом Сэй³ (1767–1832), Джоном Стюартом Миллем⁴ (1806–1873). Взгляд на экономическую жизнь представителей либерализма принципиально не отличался от идей Смита и основной характеристикой экономического поведения называли рациональность, которая выражалась в механистическом стремлении к максимизации прибыли и минимизации затрат. На один из факторов этого процесса, а конкретно на минимизацию затрат, большее внимание обратил Давид Рикардо в своей теории оптимального сочетания факторов производства (труда, земли и капитала). Именно минимизация сравнительных издержек лежит в основе прогресса и процветания государства. Однако существенных изменений в отношении анализа сущности экономического поведения сделано не было.

Изучением экономической сферы жизни и экономического поведения занимался К. Маркс⁵. В своей теории экономическое поведение он рассматривал с точки зрения функционального значения и утверждал, что оно направлено на регулирование сотрудничества производительных сил и производственных отношений в обществе. Личный вклад Маркса заключается в определении независимой переменной – способа экономического производства⁶. Взаимодетерминация экономического поведения человека и целостности общества, по Марксу, обусловлена тесной взаимосвязью различных компонентов в жизни общества. Экономическая переменная в более ранних его работах являлась самой приоритетной, а в более поздних – становится в один ряд с другими факторами, оставаясь,

¹ Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. – Петрозаводск: Петроком, 1993. – 139 с.

² Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное (в 3 т.). – М.: Госполитиздат, 1955. – 539 с.

³ Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии // Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Фредерик Бастиа; вступ. ст. и коммент., сост. М.К. Бункина и А.М. Семенова. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000. – 229 с.

⁴ Милль Дж. О свободе / пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10–15.

⁵ Маркс К. Капитал: к критике политической экономии. – М.: Эксмо, 2017. – Т.1– 1202 с.

⁶ Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. Т.И. Шумиловой; под ред. д-ра. филос. наук, проф. И.Б. Орловой. – М.: Норма, 2006. – С. 118.

однако, первой в этом ряду. «Политическое, правовое, философское, литературное и художественное развитие зиждется на основе экономики. Но все они действуют друг на друга и экономический базис. Не следует считать, что экономическое положение является единственным активным фактором, а все остальные факторы оказывают лишь пассивное действие. Скорее следует считать, что существование взаимного воздействия в области экономической необходимости в конечном итоге всегда доказывает свою правомерность»¹. Понимание Марксом высочайшей роли экономического фактора в развитии общества и в наши дни является актуальным и правомерным, что находит подтверждение в реалиях сегодняшнего дня. Функциональное значение экономического фактора, сформулированное Марксом, и сегодня выходит далеко за рамки производственных отношений, становясь частью повседневных неэкономических практик.

Экономическое поведение в дальнейшем рассматривали в рамках различных теоретических течений. Для более точных расчетов и прогнозирования поведения индивида на рынке в рамках маржинализма А. Маршалл², У.С. Джевонс³, Л. Вальрас⁴ занимались математизацией исследований хозяйствующих субъектов. Данные исследования только подтвердили более ранние научные изыскания по поводу рациональности как основы экономического поведения.

Параллельно с маржиналистами основатель австрийской экономической школы К. Менгер⁵ сформулировал свою теорию предельной полезности, которая представлена у него в виде сущностного продолжения концепции человеческой деятельности как динамического процесса⁶. Такой вариант теории принципиально отличался от математической модели Вальраса и Джевонса и выводил ученого в совершенно другую плоскость исследования.

¹ Маркс К. Капитал: к критике политической экономии... С. 146.

² Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Директ-медиа, 2012. – 2127 с.

³ Джевонс У. Политическая экономия: монография. – СПб.: Народная польза, 1905. – 121 с.

⁴ Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.

⁵ Менгер К. Основания политической экономии. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2008. – 434 с.

⁶ Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / пер. с англ. Б.С. Пинскера; под ред. А.В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2007. – 202 с.

Основанием для формулировки теории полезности стал субъективный подход, который впервые в истории экономической теории центром изучения сделал человека и его поведение, действия и намерения.

Установленные Менгером принципы позволяли рассматривать человека как творческое начало и главное действующее лицо всех социальных процессов и событий. С позиций субъективизма была сформулирована целостная теория стихийного возникновения и эволюции всех общественных (экономических, правовых и языковых) институтов, понимаемых как утвердившиеся модели поведения¹. С точки зрения Менгера, модель поведения человека начиналась с постановки цели, с которой индивид связывает свою субъективную ценность и, ориентируясь на нее, действует по продуманной схеме, которая была обусловлена ценностью поставленной цели. Из этого следует, что полезность средств зависит от субъективной ценности цели. В итоге Менгер приходит к выводу, что сформулированный закон предельной полезности основан на человеческой деятельности.

Последователь идей австрийской школы Мизес² тоже развивает идеи субъективизма: «Экономическая теория – это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они – элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей»³.

Рассматривая действующего индивида, Мизес приходит к идеальной конструкции экономики, которая представляет прежде всего свободный рынок. При этом он свободен не только как пространство самореализации индивидов, но и как самостоятельная структура без чуждых составляющих. Кроме того, предполагается, что государство «...не вмешивается в рынок и в деятельность людей, направляемых рынком. Оно применяет силу,

¹ Менгер К. Указ. соч.

² Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. – 2-е изд. испр. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.

³ Там же.

заставляющую людей подчиняться, только для предотвращения действий, приносящих вред сохранению и спокойному функционированию рыночной экономики. Оно защищает жизнь, здоровье и собственность индивидов от насильственных и мошеннических посягательств отечественных преступников и внешних врагов. Таким образом, государство создает и оберегает среду, в которой рыночная экономика может благополучно функционировать»¹.

В итоге можно констатировать, что австрийская школа воплотила долгий путь экономической науки к субъекту и индивидуальному действию, тем самым представив человека как живой действующий конструкт, обладающий противоречивыми характеристиками и составляющими, которые в итоге складываются в целостную движущую творческую единицу.

Немаловажное значение для науки имело также исследование экономического поведения в рамках институциональной теории, которая предложила новый взгляд на экономическое поведение индивида и процесс принятия им решений на рынке. В рамках институциональной теории Т. Веблен² исследовал поведение «праздного класса» и выявил, что для данной социальной категории характерно так называемое «показное», или «демонстративное», потребление, которое направлено на демонстрацию высокого достатка и социального статуса. Так называемый «эффект Веблена», как ни странно, имел отношение не только к представителям высших слоев населения, но также оказывал влияние и на низшие слои. Инструмент «демонстративного потребления» подталкивает индивидов с помощью дорогих товаров и услуг приближаться к высшим слоям и создавать впечатление более широких возможностей, чем есть на самом деле. Данное исследование пошатнуло основы теоретической модели «экономического человека», который, как оказалось, в реальности не всегда

¹ Мизес Л. Указ. соч.

² Веблен Т.Б. Теория праздного класса / пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.

поступает рационально и исходит только из соображений выгоды и полезности.

Развитием данной идеи занимался У.К. Митчелл¹, который на основе сформулированных Дж.Р. Коммонсом принципов институциональной экономики (закономерности, «экономические циклы»)² пришел к выводу, что на поведение людей оказывают влияние не только экономические факторы. Он считал, что немаловажное значение при принятии решений для экономических агентов играет психологическая мотивация и денежный фактор. В результате исследований в рамках институциональной теории появилось понятие «ограниченной рациональности», которая изменила взгляд на процесс принятия решения реальным индивидом и признала ограниченность познавательных способностей человека. В данной концепции проявляется отклонение «...от сугубо количественного анализа, где центральная роль отводится уравниванию предельных величин, в направлении более качественного институционального анализа, где сопоставляются дискретные альтернативные структуры»³. Как оказалось, индивид в поведении на рынке не придерживается принципа максимизации, а большую роль для него играет критерий удовлетворительности.

Институциональное направление позволило пошатнуть и опровергнуть теоретическую конструкцию «экономического человека» и наполнить экономическую теорию реальным смыслом.

Представители кейнсианской теории Дж.М. Кейнс⁴, Дж. Хикс⁵, Э. Хансен⁶ в основе процессов регулирования рынка и поведения экономических агентов видели решающую роль государства и отмечали, что

¹ Митчелл У.К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка / пер. с англ. Е.Д. Кондратьевой, О.Е. Пряхиной и В.Э. Шпринка; вступ. ст. А.Г. Герценштейна. Проблема капиталистического цикла. – М.; Л.: Государственное издательство, 1930. – 503 с.

² Коммонс Дж. Институциональная экономика // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59–70.

³ Саймон Г.А. Рациональность как процесс и продукт мышления / пер. с англ. К.Б. Козловой и М.А. Бланко // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–38.

⁴ Кейнс Дж. Предмет и метод политической экономии / пер. А. Гуковского. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. – 278 с.

⁵ Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.

⁶ Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход / под ред. Э. Хансен. – М: Финансовая Академия, 2008 – 466 с.

значение такого вмешательства особенно возрастает в условиях социально-экономических кризисов. Дж.М. Кейнс занимался исследованием экономического поведения и также отмечал его рациональность, однако понимание самой рациональности отличалось от других теоретических подходов. Акцент делался не на поведении отдельного индивида на рынке, а на соотношении спроса и предложения, что впоследствии привело к появлению понятий предельной склонности к сбережениям и предельной склонности к потреблению. Поэтому рациональность Дж.М. Кейнсом понималась более широко и не имела прямого отношения к максимизации личной выгоды. Подобное понимание позволило выявить, что при воздействии на экономическое поведение дополнительных факторов, таких как, например, экономический кризис, недостаток информации о ситуации на рынке или другие психологические факторы, рациональность может принимать иные качественные формы, вплоть до иррациональности¹. Кейнс указывал, что значимая часть экономической деятельности стимулируется иррациональным началом («*animal spirits*») из-за чувства неустрашимой неопределенности индивидов в отношении будущего, и был уверен, что иррациональное является основой экономической неустойчивости². При этом идеи Кейнса были основаны на важнейшем принципе, объясняющем сущность современного рынка: «конкуренция – насколько это возможно, планирование – насколько это необходимо»³. Именно этот принцип является основой неолиберальной экономики, направленной на реализацию социальных гарантий и социального благополучия граждан.

Появление в рамках кейнсианской теории расширенного понимания рациональности, которая при определенных условиях трансформируется в иррациональность, наилучшим образом объяснило непоследовательность реальных экономических практик индивида. Однако новое понимание

¹ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2009. – 960 с.

² Холопов А.В. Общая теория Дж.М. Кейнса: взгляд 80 лет спустя // Вестник МГИМО. – 2016. – № 3 (48). – С. 163–171.

³ Кейнс Дж.М. Указ. соч.

особенностей экономического поведения индивида не привело к определению ему главенствующей роли на рынке в отличие от государства.

В рамках неоклассического подхода, авторами которого выступили Р. Солоу¹, П. Самуэльсон², Н. Калдор³, Р. Харрод⁴, теоретическая модель экономического человека как максимизатора полезности выступила основой исследований. Философским основанием неоклассической теории выступил принцип классического либерализма, согласно которому человек служит высшим судьей самому себе и является последней инстанцией в оценке своего благосостояния. На основании данного подхода главным объектом экономических исследований выступило экономическое поведение хозяйствующего субъекта.

Неоклассическая теория по результатам проведенных исследований выделила четыре типа экономического человека: потребитель, производитель, продавец, покупатель. Указанные типы экономического человека, с точки зрения неоклассической теории, в условиях рынка представляют собой автономных экономических агентов, действующих сугубо в рамках заявленной траектории. Такой консервативный взгляд на типы экономического поведения распространился в дальнейшем и на представления о рациональности поведения. Неоклассическая теория закрепляет постоянство как внешних, так и внутренних факторов выбора при реализации экономического поведения, отрицая непостоянство среды, в которой действует реальный индивид. Г. Беккер⁵ как один из авторов этой идеи позиционировал ее как универсальную и стремился применить ее не только в рамках экономической сферы общества, но и распространить ее на области жизнедеятельности, не имеющие отношения к экономике.

¹ Солоу Р.М. Лауреаты Нобелевской премии по экономике: автобиографии, лекции, комментарии. – СПб.: Наука, 2009. – Т. 2. – С. 107–124.

² Самуэльсон П. Экономика: с 2 т. – М.: Алгон; ВНИИСИ «Машиностроение», 1994. – 740 с.

³ Калдор Н. Утверждения о благосостоянии в экономической науке и межличностные сравнения полезности // Философия экономики / под ред. Д. Хаусмана. – М.: Изд-во ин. Гайдара, 2012. – С. 265–268.

⁴ Харрод Р. Теория экономической динамики / пер. с англ. В.Е. Маневича; Российская акад. наук, Центральный экономико-мат. ин-т. – М.: ЦЭМИ РАН, 2008. – 209 с.

⁵ Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 336 с.

Противоположный взгляд на возможности индивида и степень его независимости продемонстрировали представители неоинституционализма (Р. Коуз, О. Уильямсон, Д. Норт)¹, в рамках которого был разработан принцип методологического индивидуализма. Данный подход отдал приоритет системе предпочтений, интересов и потребностей индивида, посредством которой осуществляется дальнейший анализ общественных институтов и роли индивида в них². Исследователями особое внимание было уделено мотивации экономического поведения как основания принятия экономических решений. Снова была использована идея ограниченной рациональности как фактора ограниченности человеческого интеллекта. Как подчеркивал Г. Саймон, даже в идеально устроенном мире с исчерпывающей информацией, доступной любым агентам бесплатно, они смогут воспользоваться лишь частью этой информации в силу ограниченности способности воспринимать и использовать ее³.

В дальнейшем идея «ограниченной рациональности» была дополнена исследованием «оппортунистического поведения», изучением которого занимался О. Уильямсон⁴. И это позволило более полно взглянуть на процесс принятия решения индивидом и максимизацию полезности и выгоды. Суть данного подхода заключается в том, что индивиды, следуя исключительно своим интересам, ведут себя «оппортунистически», то есть нарушая установленные правила. В связи с этим большое значение в обществе играют установленные нормы и правила, а также система социальных институтов их реализующая, как гарант того, что индивиды будут поступать в рамках установленных правил. Как отмечает О. Уильямсон, социальные институты

¹ Коуз Р. Фирма, рынок и право: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.; Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация: науч. ред. и вступ. ст. канд экон. наук. В.С. Катыкало: пер. с англ. – СПб.: Лениздат; SEV Press, 1996. – 702 с.; Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

² Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли: пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – С. 11, 33.

³ Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления... С. 16–38.

⁴ Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. – 1993. – Т. 1. Вып. 3. – С. 39–49.

необходимы ограниченно разумным существам небезупречной нравственности.

Теория «ограниченной рациональности» хоть и оспорила базовые основы модели «экономического поведения», но при этом подвергла сомнению возможности человеческого интеллекта и моральные характеристики человека, что выглядит весьма спорным, так как подобное мнение невозможно считать универсальным для всех индивидов.

Интересной теорией, которая обычно описывается как третий этап развития австрийской школы субъективизации экономической теории, выступила теория радикального субъективизма (один из вариантов посткейнсианства), автором которой явился Шэккл¹. Модель экономического человека Шэккла основана на полном отрицании объективной реальности и на признании только своей собственной мысленной реальности. Схема экономического поведения в теории радикального субъективизма построена на «свободе незнания» настоящего и будущего состояния индивида. Подобная неопределенность создается не только самим индивидом, но и окружающими его людьми, которые так же действуют в условиях «незнания». По мнению Шэккла, выбор экономического субъекта появляется из ничего и это в чистом виде творческий процесс. Однако теория Шэккла имеет очевидные недостатки, которые проявляют себя при анализе социальной действительности, которая на деле ограничивает действия человека и его творческие проявления внешними воздействиями.

Поведенческая экономическая теория в лице Г. Саймона², Х. Лейбенштейна³, Р. Сайерт, Дж. Мерча⁴ во многом по аналогии с институциональной теорией признает ограниченную рациональность экономического поведения хозяйствующих субъектов. Авторы

¹ Shackle G.L.S. The Bounds of Unknowledge. In J. Wiseman (ed), Beyond positive economics. – N.-Y.: St. Martin's Press, 1983.

² Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления... С. 16–38.

³ Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса / сост. и общ. ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1993. – С. 304–327.

⁴ Сайерт Р., Марч Дж. Поведенческая теория фирмы. – 2-е изд. – Cambridge: Wiley-Blackwell, 1992. – 268 с.

предполагают, что рациональность может быть ограничена недостатком информации и ограниченными познавательными способностями индивидов. Но в рамках поведенческой экономической теории, несмотря на указанные ограничивающие факторы, экономические субъекты способны активно влиять на рынок и институциональную систему¹.

Г. Саймон предлагает рассматривать процесс принятия решений на основе двух понятий – поиска и принятия удовлетворительного варианта (*satisficing*). Сам процесс поиска правильного решения происходит до тех пор, пока не найдется первый подходящий (удовлетворительный) вариант². Таким образом данный подход отрицает модель «экономического человека», в рамках которой поиск оптимального решения происходит из множества подходящих. Приемлемость или неприемлемость варианта Саймон определяет с помощью заимствованной из психологической науки категории «уровень притязаний», разработанной Куртом Левиным³.

Подобные рассуждения можно найти и в модели «инерционного поведения» американского экономиста Роналда Хайнера⁴. По его мнению, индивиды, действующие в условиях реального рынка, располагают заранее готовым шаблонным набором правил поведения и решений, которые помогают им реагировать на различные часто встречающиеся ситуации или принимать решения в условиях неопределенности. Хайнеру удалось установить, что быстрые готовые шаблонные варианты действий в условиях реального рынка чаще всего оказываются более выгодными, чем долгий расчет и максимизация полезности. Исследование «инерционного поведения» позволило вывести формулу универсального условия

¹ Автономов В.С., Белянин А.В. Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 112–130.

² Саймон Г.А. Теория принятия решений в экономической науке и науке о поведении // Теория фирмы / под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 1995. – С. 54–72.

³ Левин К. и др. Уровень притязаний. Вып. 2. – Субъект деятельности: Общая психология: сб. текстов. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – С. 45–67.

⁴ Heiner R. The origin of predictable behavior // Amer. Econ. Rev. – 1983. – № 4. – P. 560–593.

надежности, которая включает в себя как выгодность принятия решения, так и его вероятность¹.

Установленные закономерности поведения хозяйствующих индивидов можно найти в различных экономических культурах, и выбор определенного решения чаще всего будет зависеть именно от сложившейся системы норм поведения в условиях заданного рынка или общества.

Продолжение идей поведенческой теории и модели «инерционного поведения» активно развивалось в рамках экспериментального исследования, предпринятого Дж. Харшаньи и Р. Зельтенем². Им удалось установить, что указание на возможные ошибки при принятии экономических решений не ведет к изменению поведения индивидов. Это основано на идее «ограниченной рациональности», и одним из основных факторов, воздействующих на экономическое поведение, считается мотивация. В результате была разработана модель принятия решений, состоящая из трех уровней: уровня привычки, уровня воображения и уровня логического рассуждения. На каждом из этих уровней может возникнуть свое решение проблемы. При этом стоит отметить, что, столкнувшись с проблемой выбора, субъект не обязательно должен долго подбирать наиболее оптимальный вариант решения проблемы. В реальности чаще всего индивид выбирает наипростейший вариант, к которому он привык, также он может подключить воображение или использовать все три уровня³. Важно отметить, что данное исследование полностью отрицает рациональность выбора, так как выбор действия осуществляется не на основе мышления, а на основе неосознанной мотивации. Аналогичные рассуждения о неосознанности мотивации также можно встретить у Кейнса в его понятии «*animal spirits*»⁴.

¹ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993 – 176 с.

² Харшаньи Дж., Зельтен Р. Общая теория выбора равновесия в играх / Пер. с англ. Ю.М. Донца и др.; предисл. Л.А. Петросяна. – СПб.: Экон. шк., 2001. – 405 с.

³ Там же.

⁴ Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег: пер. с англ. – М.: Эксмо, 2009. – 960 с.

Представитель поведенческой экономической теории Харви Лейбенштейн¹ предложил идею «переменной рациональности». Автор считал, что степень рациональности экономического поведения зависит от двух обстоятельств. В первую очередь, на поведение оказывает влияние физиологический фактор, который выражается в виде инстинкта самосохранения, экономии энергии, и в минимальной рациональности. Вторым фактором, влияющим на поведение, является социальная природа человека, система институциональных правил и норм, которые увеличивают степень рациональности при принятии решений. Таким образом, в процессе принятия индивидом решений происходит столкновение указанных полярных факторов. В итоге в реальности индивид склонен к принятию решения, которое носит характер оптимального в достаточной для индивида степени рациональности. Достигнутый компромисс вовсе не отражает максимальной степени рациональности и результативности.

Французский исследователь в области экономической психологии Пьер-Луи Рейно² также сосредоточил свое внимание на степени затрат, которые человек использует при реализации экономического поведения. Экономическое поведение разделяется с учетом затрат умственной энергии на следующие типы: осознанное; рациональное; полностью неосознанное поведение; квазирациональное поведение. С точки зрения Рейно, квазирациональное поведение может проявлять себя в разных формах, носить характер «не всегда осознанного поведения» типичного для предпринимателей, и форму «эпизодически осознанного поведения», характерного для потребителей³.

Указанные условия формирования экономического выбора подтверждают мысль о том, что экономическое поведение представляет собой не однолинейный процесс, а сложноустроенный, многоуровневый

¹ Лейбенштейн Х. Указ. соч.

² Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993 – 176 с.

³ Жданов Д.А. «Человек экономический» – взгляды и подходы // Журнал экономической теории. – 2014. – № 3. – С. 106–115; С. 110.

целостный механизм, существующий относительно конкретной социальной ситуации и воздействующих на него факторов.

Важным аспектом изучения рациональности экономического поведения является фактор ограниченности информации, который упоминается во многих научных подходах, в особенности в рамках исследования «ограниченной рациональности». Неоавстрийская школа в лице Ф. Хайека¹ предложила концепцию неявного и рассеянного знания. Хайек утверждал, что все знания, которыми обладает человек, не ограничены только осознанными компонентами. Важное место в этой системе занимает пласт неосознанных практик, привычек, стереотипных установок и комплексов, определяющих поведение человека. Подобные знания зачастую не имеют отношения к реальности и носят характер заблуждений и мифов. Однако рыночная система использует все виды знаний, которыми обладает человек, и формирует на основе совокупности получаемых знаний систему цен, влияющую на всех участников рынка. Именно поэтому Хайек указывает на то, что активное вмешательство государства в рыночную систему приводит к обратному негативному результату².

Описанный обратный эффект свидетельствует, что целостность экономического поведения может быть реализована только в условиях достаточной свободы индивида и возможности проявлять свою индивидуальность в экономических действиях. Такой принцип существования становится основой для стабильного развития рыночной системы.

Свобода индивидуального экономического выбора является предметом обсуждений как классического экономического либерализма, так и неолиберализма, известного также под названием рыночного фундаментализма. И если классический либерализм призван обосновать идею невмешательства государства в дела рынка, то представители

¹ Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой; под ред. Р.И. Капелюшникова. – М.: Челябинск; Социум, 2016. – 394 с.

² Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество... С. 111–138.

неолиберализма (Р. Манделл, М.Флеминг, А. Рюстов и их последователи)¹ видели главной задачей государства и «мирового сообщества» обеспечение и поддержание такого невмешательства. Идея свободы принимает диверсифицированный характер и трансформируется в идею рыночной свободы, которая становится абсолютным приоритетом социального развития. В сухом остатке отрицание национального государства, во-первых, ведет к отрицанию государства как института, а во-вторых, заменяет государственную власть «менеджерами».

Дж. Сорос как один из современных идеологов неолиберализма пишет, что «мировая капиталистическая система поддерживается идеологией, которая коренится в теории совершенной конкуренции... Любые ограничения свободы конкуренции снижают эффективность рыночного механизма, поэтому им следует противиться. Выше я охарактеризовал такой подход как идеологию свободного рынка (*laissez faire*), но рыночный фундаментализм – более удачный термин»².

Гуманистически ориентированная интерпретация экономического поведения ярче всего проявила себя в идеях коммунитаризма³. По мнению коммунитаристов, социальная справедливость может быть обеспечена таким вектором экономического поведения, в котором актуализируется ориентир на мораль (Ч. Тейлор), «общность и братство», коллективную взаимопомощь (А. Макинтайр), справедливость (М.Дж. Сэндел)⁴.

Наиболее остро проблемы гуманизации экономической жизни представлены в теории наиболее популярного сегодня представителя

¹ Манделл Р. Теория оптимальных валютных зон // Евро – дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон: сб. ст. : пер. с англ. – М.: Дело, 2002. – С. 62–72.; Fleming J.M. Domestic Financial Policies under Fixed Exchange Rates // IMF Staff Papers. – 9 (November 1962). – P. 369–379.; Рюстов А. Между капитализмом и коммунизмом // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / общ. ред. К. Херрманна-Пиллата. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1997. – С. 62–114.

² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности... С. 167.

³ Савченко И.А. Коммунитарная идея и социокультурная практика // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. – 2015. – № 5. – URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201310/pdf_133 (дата обращения: 12.06. 2017).

⁴ Тейлор Ч. Пересечение целей: Спор между либералами и коммунитаристами // Современный либерализм. – М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуал. кн., 1998. – С. 227–240; Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. – М.: АСТ, 2006. – 349 с; Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. – М.: Академич. проект, 2000. – С. 59–60; Сэндел М.Дж. Справедливость. Как поступать правильно. – М: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.

американского коммунитаризма Амитай Этциони¹. Автор считает, что экономическое рациональное поведение реализуется в рамках того общества, в котором находится индивид и определяется масштабами самой личности. В условиях реальной рыночной системы на экономическое поведение хозяйствующего субъекта оказывают влияние различные группы факторов, и это приводит к тому, что в таких условиях практически невозможно реализовать рациональное максимизирующее поведение, направленное только на выгоду.

Изучая мотивацию экономического субъекта, Этциони указывает на двойственность человеческой природы и говорит, что поведение формируется под воздействием как личных интересов, так и общественных норм и правил. Этциони отмечает, что данный принцип формирования рациональности в поведении индивида будет срабатывать вне зависимости от ситуации и места реализации. Подобные трактовки экономического поведения можно найти как в нравственно-натуралистическом дуализме Канта, так и у представителей немецкой исторической школы. Развивая идею социальной ответственности, А. Этциони подчеркивает, что при выборе средств для достижения целей необходимо учитывать не только рациональные, но и духовные аспекты, которые в не меньшей степени характерны для индивида как члена общества².

В (нео)либеральных и коммунитарно-гуманистических концепциях экономического поведения по-разному интерпретируется идея целостности общества. В обществе, где экономическое поведение самоорганизуется в духе «рыночного фундаментализма», важной ценностью является индивидуализм, поэтому целостность общества будет иметь механистический характер. Сегменты такой «общественной машины» не связаны между собой ничем, кроме отношений обмена. Поэтому любые нарушения в экономике (кризисы) нарушают и социальную целостность.

¹ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – 342 с.

² Автономов В.С. Модель человека в экономической науке: монография. – СПб.: Экономическая школа, 1998. – 230 с.

В коммунитарном сообществе целостность носит более естественный характер, поскольку взаимосвязи между сегментами общества скреплены не только и не столько отношениями обмена, но и более глубокими основаниями: этикой, эмпатией, чувством ответственности и справедливости.

В продолжение современных идей гуманизации экономики и роли человека в данном процессе также можно рассмотреть деятельность «Римского клуба», созданного в 1968 г. для изучения перспектив развития биосферы и пропаганды идеи гармонизации отношений человека и природы¹. На сегодняшний момент данной общественной организацией опубликовано более 49 докладов, в которых освещены самые актуальные проблемы современного человечества.

Наибольший резонанс вызвал один из первых докладов клуба «Пределы роста», основной идеей которого стало утверждение, что современный мир достиг наиболее высокого уровня своего развития и увеличение производства возможно без привлечения новых ресурсов и энергии. В связи с этим основная мысль была направлена на экономное отношение к уже имеющимся ресурсам. Однако, несмотря на актуализацию очевидных проблем и развитие их в последующих докладах, практически никаких сдвигов в сторону реальных действий со стороны общественности сделано не было. Более того, некоторые высказывания по поводу необходимости сокращения населения Земли, разрушения государственных и национальных границ, создания мирового правительства повлекли за собой огромное количество критики².

При этом в самом клубе многие идеи также подверглись сомнениям. Так, немецкий исследователь в сфере системного анализа Эдуард Пестель в критике доклада «Пределы роста» указывал на несовершенство концепции: «не было сделано ни малейшей попытки описать “мир”, или по крайней мере пару “Север–Юг”.... Когда же, по моему настоянию такая попытка была

¹ Римский клуб. Официальный сайт. – URL: <http://www.clubofrome.org/> (дата обращения: 10.12.19.)

² Римский клуб. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/94749/1/%D0%A0%D0%B8%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BA%D0%BB%D1%83%D0%B1.pdf> (дата обращения: 15.12.19)

сделана, оказалось, что метод “системной динамики” не годится для работы с региональной мировой моделью. Мир, рассматриваемый как монолитная целостность, приобрел не обобщенность, а однородность. Сама суть мировой проблематики “внутренняя противоречивость” оказалась искаженной»¹.

На основании вышеизложенных положений Римского клуба можно предположить, что, во-первых, необходимо усилить роль индивида в условиях свободного рынка для гармонизации экономической сферы и впоследствии всех сфер жизнедеятельности человека, и, во-вторых, при формировании концепции гуманизации экономики на основе этики и социальной справедливости, стоит учитывать гетерогенность социальной системы, которая основывается на индивидуальности и творчестве.

Анализ рассмотренных теоретических концепций показывает, что качественные экономические трансформации могут быть достигнуты в результате усиления системной целостности и перехода от директивного управления к регулируемой государством рыночной самоорганизации. Важным фактором такого перехода является наличие необходимого количества хозяйствующих субъектов, способных к адаптации к рынку и системным изменениям, к самоорганизации экономического пространства. Успешное развитие рынка может быть основано на создании благоприятной среды и возможностей для экономической деятельности на личностном и институциональном уровнях.

Философский анализ экономического поведения показывает, что рассмотренные в рамках различных теоретических школ условия формирования экономического выбора подтверждают суждение, что экономическое поведение представляет собой не однолинейный процесс, а сложноустроенный, многоуровневый, целостный механизм, существующий относительно конкретной социальной ситуации и воздействующих на него факторов.

¹ Пестель Э. За пределами роста: глобал. пробл. современности и деятельность междунар. орг. Рим. клуб / пер. с англ. Е.В. Нетесовой; общ. ред. и вступ. ст. Д.М. Гвишиани. – М.: Прогресс, 1988. – 268 с.

Исследование экономической сферы и экономического поведения личности показывает возможность реконструкции целостного и ценностного принципа в отношении индивида и его деятельности. Важным аспектом реализации намеченных позиций в рамках философского подхода к экономическому поведению является гуманизация экономической сферы, наполнение рынка духовным содержанием.

1.3 Онтологические и аксиологические составляющие экономического поведения

Каждая форма экономического поведения базируется на определенных принципах общественного существования, в том числе и экономической жизни. В связи с этим онтология экономического поведения представляется в виде отрасли социальной онтологии, в рамках которой осуществляется взаимодействие между определенными институциональными каналами для реализации экономической активности и ее результатами в виде кумулятивного эффекта. Объединяющим началом в данной системе выступают типичные поведенческие модели¹.

Изучение экономической реальности и специфики рыночных условий осуществляется в рамках онтологии с точки зрения различных теоретических подходов. Большое внимание исследователи уделяют роли экономического субъекта в социальном процессе, выбору устремлений и способам удовлетворения потребностей. Подобные вопросы поднимались как в неоклассической, так и в неортодоксальной теории. При этом многообразие форм экономического поведения в большей степени вызывает опасения и

¹ Лихачев М. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 99.

создает условия для увеличения количества неконтролируемых факторов воздействия на рынок и общество¹.

Разработкой теоретических подходов к изучению видов и форм экономического поведения занимаются многие современные исследователи, среди которых можно отметить В.С. Автономова и А.Е. Шеститко, сформулировавших основные модели экономического поведения². Сущностные, гносеологические и аксиологические аспекты рассматривались в теоретических изысканиях А.А. Юрченко, А.А. Шабуновой, И.А. Левандиной, Н.В. Ложкиной³. При этом стоит отметить, что интегративный подход демонстрирует актуализацию проблемы духовного основания экономического поведения в условиях современного социума и происходящих в нем трансформаций в сфере социального взаимодействия.

Объектом исследования в рамках онтологического подхода, в первую очередь, становятся принципы существования экономической реальности и специфика взаимодействия экономического субъекта с ней.

Экономическая действительность является специфической независимой частью человеческого существования, в основе которой лежит собственная логическая структура и ряд закономерностей, которые нельзя не учитывать. Логика устройства экономической реальности основана на постулатах необходимости и долженствования, которые могут быть реализованы в ситуациях, когда индивид соприкасается с поведением другой личности и это взаимодействие выходит за рамки общепринятых правил и установленных норм. Именно поэтому не все варианты человеческого

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 2. – С. 133.

² Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Шеститко А.Е. Модели человека в экономической теории. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 142 с.

³ Юрченко А.А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского анализа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Магнитогорск: 2006. – 151 с.; Шабунова А.А., Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: теоретические аспекты: препринт. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с.; Левандина И.А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ: дис. канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону: 2008. – 173 с.; Ложкина Н.В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека: дис. канд. филос. наук: 09.00.13. – Пермь, 2005. – 184 с.

поведения можно отнести к экономическому, а только те формы, которые включают в себя принцип необходимости¹.

Методология исследования экономического поведения субъекта приводит к тому, что онтологический подход позволяет рассмотреть природу экономического поведения, его роль в общественном целом, принципы существования, место и степень влияния на существование социально-экономической системы. В связи с этим основой для анализа экономического поведения становится бытие, выступающее в качестве универсального свойства, которое определяет особенное и всеобщее в социально-экономической реальности, устанавливает ряд первостепенных взаимосвязей с различными подсистемами общества.

Онтологические принципы экономического поведения личности определяются в большей степени усилением бессистемных сложноконтролируемых процессов, которые можно наблюдать в различных сферах жизнедеятельности современного социума. При этом наибольшее внимание привлекают к себе нормативные аспекты регулирования экономической сферы. Определенные нарушения, ограниченность и односторонность экономического поведения приводят к дисбалансу системы, нарушают ее целостность и устойчивость существования². Однако, несмотря на выделенные факторы в виде социальных конфликтов, отстраненность индивида от трудовой деятельности и социальных ценностей, дисфункциональность можно преодолеть путем ценностных преобразований, перехода к новому содержанию экономической культуры при условии удержания традиционных базисных установок.

Представление о сущности, специфике и структуре экономического поведения в различных философских подходах периодически видоизменялось, расширялось в сторону изучения социальной динамики, особенностей культуры, менталитета и мировоззренческих основ,

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 134.

² Там же.

доминирующих в конкретных обществах в различные исторические эпохи. Подтверждая вектор развития современных исследований, Д.С. Миль говорит, что экономическое поведение не может абсолютно зависеть только от экономических предпосылок, в частности от конкуренции. Большое значение здесь приобретают обычаи и привычки¹.

В отличие от онтологии экономической теории, которая ориентирована на конкретный анализ объекта, философский подход делает акцент на исследовании сущего как синтезе представлений обо всех вещах, их содержании и природе, материальных и духовных аспектах². С точки зрения философии, наиболее интересными для изучения в экономической сфере становятся содержание, специфика и принципы жизнедеятельности. Онтология экономики является отдельной подсистемой общей онтологии и предопределяет познание и поиск причинноследственных связей в области экономической реальности³.

Исследование сущностных оснований экономического поведения приводит к необходимости получения ответов на ряд вопросов, и первейшим из них является вопрос о том, «что это такое?» и «какую часть экономической сферы оно занимает?». При этом научный поиск в этой сфере в конечном счете влечет за собой потребность в установлении степени его целостности в отношении системы. Ответы на данные вопросы возможно получить при изучении результатов деятельности субъектов социально-экономической реальности и способов их функционирования в условиях рынка. Более глубокое познание экономического поведения включает в себя рассмотрение логики внутренних процессов, принципов взаимодействия составляющих, поиск связи с другими элементами социальной системы и

¹ Миль Д.С. Основы политической экономии с некоторым приложением к социальной философии. – М.: Эксмо, 2007. – С. 309.

² Mäki U. The What, Why, and How of Economic Ontology / in Mäki U. (ed.), *The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 7.

³ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – С. 4.

места в ее структуре, что в итоге приводит к вопросу: «Почему это взаимодействие происходит именно таким образом?»¹.

Экономическое поведение традиционно рассматривается в социально-философских исследованиях с точки зрения человеческой деятельности и разделения его на подвиды в зависимости от преобладающих методов и форм взаимодействия с социальной реальностью. Так, различают «человека социологического»² и «человека экономического»³. Основными различиями в формулировке специфических черт представленных поведенческих моделей становятся мотивация и способы преобразования реальности. В частности, «человека социологического» характеризуют как альтруиста, ориентированного на установленные социальные нормы, без направленности на разумный расчет и индивидуальную выгоду. А «*homo economicus*» представляется независимым, эгоистичным и исключительно рациональным человеком.

Всесторонняя оценка человеческого поведения позволяет получить результаты, характеризующие личностные особенности экономического субъекта, типичные паттерны поведения, познать основное содержание его экономического опыта как части всеобщего и целого. Становится также возможным оценка взаимосвязи полученных результатов с его социально-демографическими и статусными характеристиками.

Однако в процессе анализа становится невозможным четко разъединить и обособить различные типы поведения человека, такие как социальное и экономическое, и так же не возможно это сделать с подсистемами – социальной и экономической. Ситуация сосуществования данных элементов обусловлена тесными взаимосвязями, которые образуют целостность на основе единства экономической, социальной и духовной сфер жизнедеятельности⁴.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности... С. 136.

² Dahrendorf R. *Homo Sociologicus: Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der der Sozialen.* – Köln/Opladen: Westdeutscher Verlag, 1965. – 119 p.

³ Смит А. Указ. соч.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 137.

При этом стоит отметить, что исследование онтологических оснований всех видов поведения человека приводит к понятию личности, которая выступает базисом для его реализации и проводником во всех видах социального взаимодействия. Конечным творением деятельности личности является социальная реальность. Однако активная деятельность личности не является однонаправленной и также испытывает на себе обратное воздействие социальной реальности. Это воздействие выражается в создании определенных условий для жизнедеятельности людей, формировании социальных норм и институтов для их контроля, что в итоге предопределяет социальные ожидания в отношении экономического поведения. По мнению А.А. Юрченко, «превращая субъективное внутреннее в надсубъективное внешнее, человек сам превращает себя из субъекта в объект по отношению к отчужденному от себя. Соответственно степень детерминации определяется, в конечном счете, самим ее объектом... и поэтому никогда не сделает детерминацию чересчур жесткой, не допускающей никакой вариативности сущности и деятельности человека»¹.

Сфера экономического проявляет свое бытие в двух формах – объективной и интерсубъективной. Для объективной формы характерна сложноустроенная структура и высокая степень организации, которая направлена прежде всего на закрепление императивной роли имущественно и властно преобладающего класса. В случае с интерсубъективной формой существования формируется концепция мышления индивидов, основанная на определенных правилах и ценностных установках в отношении социальной действительности. Результатом влияния этой концепции становится выбор предпочтительной стратегии поведения.

Интерсубъективная форма организации бытия может воздействовать на личность и ее поведение в разных формах.

¹ Юрченко А.А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского... С. 115.

1. Для институциональной формы характерно воспроизведение различных культурных норм, традиций, обычаев и других регуляторов с помощью их утверждения и поддержания.

2. Дискурсивная форма социальной действительности представляет собой единство общественного мнения, стереотипных установок, формирующих культурные образцы и ментальность в отношении социального взаимодействия, составляя содержание повседневности¹.

На основании различия представленных форм экономической реальности в философской науке сформировались реалистичные и феноменалистические онтологии общественной жизни².

В рамках традиционного научного представления о закономерностях и принципах существования экономической реальности сформировалось мнение об институциональных основах поведения индивидов. Так, например, экономическое поведение предпринимателей и рабочих зависимо от институциональных правил. Именно поэтому такое поведение представляется скорее функциональным, учитывая их особенности³. В такой ситуации принцип поведения экономических субъектов проявляется в рамках заданной экономической реальности, ее правил и встроенной функции конкуренции. При этом стоит обратить внимание на тот факт, что экономическая реальность сама по себе не устанавливает линию поведения индивидов. Здесь срабатывает другой механизм воздействия, который основан на синтезе опыта поколений, их навыков, закрепленных глубоко в сознании человека, и который постоянно соотносится с современной социокультурной реальностью⁴.

Центральные положения действительной картины экономической реальности представлены в учении А. Смита. Важную роль в его научном исследовании сыграло обоснование принципа «невидимой руки», который поддерживал эгоистические устремления всех участников рынка к

¹ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий ... С. 42.

² Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 137–138.

³ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий ... С. 30.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 138.

собственной выгоде. По его мнению, такие устремления индивида не только вредят, но и являются основой повышения благосостояния всех людей, то есть ведут к «цели, которая совсем и не входила в его намерения»¹.

К. Маркс² и Г. Гегель³ при анализе трудовой деятельности человека, заявляли, что человек не только воссоздает вокруг себя социально-экономическую действительность, но и порождает себя путем творчества и развития. Однако К. Маркс одновременно рассматривал и обратную сторону труда, которая выражалась в отчуждении человека от себя и от других, потере его природной сущности в условиях капиталистического общества. Конкуренция рассматривалась как основной принцип поведения участников капиталистического рынка⁴.

М. Вебер видел в таких экономических процессах угрозу для духовной составляющей жизни общества и в качестве решения проблемы предлагал обращение к природе поведения индивидов, возвращение к ценностям протестантской этики⁵.

В конечном итоге в рамках исследования онтологических оснований экономического поведения личности можно утверждать, что человек в условиях социально-экономической реальности играет роль и субъекта и объекта. Современный рынок жестко контролирует и направляет поведение современного человека, которому приходится адаптироваться и принимать стратегию выживания в конкурентных условиях. Выбранная стратегия предполагает удовлетворение как базовых потребностей, так и потребностей более высокого порядка, таких как социальная адаптация, конкурентоспособность на рынке труда, образование и профессиональная квалификация, атрибуты престижности и имиджа⁶.

Процесс удовлетворения потребностей человека в условиях современного социума может проходить дисфункционально, и какие-либо

¹ Смит А. Указ. соч.

² Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года ... С. 62–63, 81–82.

³ Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 1956. – № 5. – С. 151–162.

⁴ Маркс К. Капитал. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 1. – 736 с.

⁵ Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – С. 601.

⁶ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 138–139.

ограничения в области социальных потребностей могут приводить, по мнению Г. Маркузе, к формированию «одномерного индивида»¹. По мнению автора, данный тип личности не ориентирован на поддержание и сохранение традиционных ценностных установок, а нацелен на удовлетворение эгоистических устремлений в виде получения личной выгоды.

Стоит признать, что для современного экономического поведения характерна одномерность реализации, несмотря на то, что в его содержании сформировано несколько вариантов для реализации своих действий. Некоторые варианты оказываются невозможными в связи с ограниченностью ресурсов для совершения задуманного. Для упрощения принимаемых индивидом решений предполагается подключение социокультурных компонентов действительности. Но современное капиталистическое устройство экономической сферы направлено в обратную сторону и стремится оторваться от заданного вектора культуры. Различные варианты экономического поведения, такие как коррупция и спекуляция, по мнению Дж. Сороса, проявляют себя в сферах традиционно не экономических и пытаются их переустроить по принципу выгоды и полезности. «Экономическая деятельность представляет лишь одну из сфер человеческого бытия. Без сомнения, она очень важна, но есть и другие сферы, которыми так же нельзя пренебрегать... Экономическое поведение – только один из видов поведения, и ценности, которыми оперирует экономическая теория, не единственные в обществе»².

Роль отдельной личности в становлении экономической реальности рассматривается с противоположных точек зрения. С одной стороны, сформировано мнение, что индивидуальный актор является центральным элементом экономики и определяет ее существование. Однако существует и немало противников этой идеи, настаивающих на том, что роль индивидуального актора хоть и важна, однако он не может воздействовать на

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.

² Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности ... С. 71.

экономические процессы и регулировать их¹. В этом отношении Ускали Мяки при определении характера экономического поведения индивидуального актора определил большую роль ряда факторов, среди которых выделяются: «нормативная ценность собственного благосостояния актора, включенного в рациональную теорию выбора (Hardin), новый образ восприятия действительности, в основе которого самооценка, вступающая в противоречие с нашей картиной здравого смысла (Pettit), обремененность экономических акторов, являющихся подлинными субъектами, властными полномочиями (Davis), влияние веры и риска в условиях неопределенности с позиции онтологии вероятности (Runde)»².

Таким образом, при реализации форм экономического поведения человек обладает множеством вариантов для собственного выбора при достижении устремлений. Но при этом свобода этого выбора в реальности сталкивается с естественными экономическими факторами, основанными на частной собственности³. Разрешение этого вопроса некоторые мыслители видели в распространении ценностей другого порядка и уровня. К примеру, Соловьев и Булгаков обращались к религии как источнику духовности, но, как показала практика, варианты синтеза оказались малорезультативными⁴. Попытка М. Вебера возвысить нравственные ценности в экономическом поведении тоже оказалась безуспешной⁵.

Обращение к истокам развития экономической сферы и роли экономического поведения в ее рамках показывает, что на протяжении всей истории развития человечества границы свободы экономического выбора постепенно расширяются. Примером этого может быть сравнение рабовладельческого и капиталистического общества, продвижение к новым вариантам социального сотрудничества. С точки зрения Дж. Сороса, в

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Онтологические основания экономического поведения личности ... С. 139.

² Mäki U. The What, Why, and How of Economic Ontology... P. 8.

³ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. ...С. 87–88.

⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. – соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.; Булгаков С.Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.

⁵ Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

последнее время привилегированные экономические субъекты в условиях мирового экономического кризиса в полной мере понимают важность движения к социальному единству¹.

Подобные идеи можно найти в более ранних работах Дж. Кейнса, который предложил концепцию идеала новой рациональности, в которой заложены иные варианты сотрудничества предпринимателей с потребителями, основанные на ценностях и принципах общественного блага. Именно такое взаимодействие, по его мнению, может упрочить положение экономической сферы². Однако на практике данные принципы реализуются довольно неохотно или не реализуются совсем. Современные предприниматели наибольшее внимание уделяют не социальной ответственности, а личному благополучию и стабильности. В связи с этим Дж. Кейнс видел решение этой проблемы в поддержании и сохранении традиционных ценностей, нравственных и моральных основ³.

Таким образом, онтологический анализ природы экономического поведения личности демонстрирует, что современный социум пронизан различными противоречиями, в результате чего нарушается его целостность и устойчивость. Вариантом для разрешения этих проблем может выступать насыщение экономического поведения смысловыми элементами нового гуманистического порядка и приближение человека к сути своей природы для удержания собственной целостности, которая включает в себя как личные, так и социальные предпосылки.

Необходимость трансформации экономического поведения и его направленности требует дополнительного исследования *аксиологического аспекта экономического поведения*. В рамках ценностного подхода появляется возможность проследить взаимосвязь различных видов

¹ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / пер. с англ. С.К. Умрихиной, М.З. Штернгарца. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 262 с.

² Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег... С. 178.

³ Там же.

экономического поведения с культурными образцами, ценностями, системой социальных норм и нравственных моральных установок индивида¹.

Философский взгляд на проблему ценностей в сфере экономической реальности в большей степени отражен в работах М. Вебера, В.С. Автономова, В.Э. Бойкова, С.А. Дятлова, А.И. Добрынина, Е.Г. Ясина².

Для того чтобы более предметно разобраться с содержанием аксиологического подхода к анализу экономического поведения, необходимо выделить основные ценностные категории. Современные глобальные аксиологические категории находят свой источник в понятиях «истины, добра и красоты», проявляя в полной мере свой потенциал при формировании жизненных личных, групповых и общественных установок в различных сферах жизнедеятельности. В зависимости от поставленной цели и степени социального взаимодействия в процессе ее достижения рассматриваются следующие виды ценностей: терминальные, целерациональные, инструментальные и ценностно-рациональные. Из данной классификации становится понятно, что ценности различного характера несут в себе гетерогенный потенциал для воздействия на поведение человека, который основывается на рациональности поведенческих актов как условиях достижения цели и этической возможности применения методов удовлетворения потребности³.

Если рассматривать экономические терминальные ценности, то они основаны на категориях материального достатка и процветания, таким образом влияя на поведение человека. Они представляют собой уровень устремлений человека по отношению к возникающим потребностям.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения // Вестник ВГУ. Серия: Философия. Воронеж: Издательский дом ВГУ. – 2016. – № 2. – С. 105–113.

² Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.; Бойков В.Э. Человек и рынок. – М.: Луч, 1993. – 55 с.; Дятлов С.А., Марьяненко В.П., Селищев Т.А. Информационно-сетевая экономика: структура, динамика, регулирование: монография. – СПб.: Астерион, 2008. – 416 с.; Экономическая теория / Под ред. А.И. Добрынина, Л.С. Тарасевича, 3-е изд. – СПб.: Изд. СПбГУЭФ, Питер, 2004. – 544 с.; Ясин Е.Г. Исследование культурных ценностей – общее дело социальных наук // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Т. 5. № 2. – С. 25–36.

³ Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

Актуальность данного вида ценностей может утрачиваться в результате достижения поставленных целей.

Экономические инструментальные ценности отражают суть противопоставления идеалов справедливости и несправедливости, помогая определить вектор применяемых методов и средств¹, а также выступают критерием социального взаимодействия. Необходимость существования данного вида ценностей определяется необходимостью повышения уровня мотивации в достижении личных и общественных целей, отражающих порядок, ответственность и безопасность.

При всестороннем социально-философском анализе ценностного содержания и нацеленности экономического поведения необходимо учитывать в качестве условия синтез обязательных составляющих: 1) субъекта, способного выбрать разумное направление для приложения усилий; 2) объекта как части окружающей действительности; 3) эмоционального акта отражающего взаимодействие субъекта и объекта².

Представленная структура ценностного содержания начинается с источника целеполагания, который формируется на основе эмоций, мышления, менталитета и этнических особенностей, что в совокупности влияет на вектор реализации экономического поведения личности. Система ценностей включает в себя комплекс противоположных явлений, которые в сочетании дают возможность рассматривать разумные и интуитивные предпосылки восприятию действительности. Такая форма устройства ценностей становится базисом для возникновения и реализации человеческих интересов, мотивации и способов продвижения и использования определенных методов на пути к достижению поставленных целей в зависимости от внутренних потребностей³.

Ценности устанавливают ориентиры глобального прогресса, личного поведения, мотивацию, в том числе и в экономической сфере. В связи с этим

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 106.

² Там же.

³ Там же. – С. 105.

А. Маршалл предложил классифицировать мотивы экономического поведения и расположить их в определенном порядке. Автор выделяет эгоистические и альтруистические мотивы. Для эгоистического мотива характерно тяготение к получению личной выгоды, страх бедности, перспективы оплаты, опасение санкций, стремление к социальному одобрению, избегание унижений. Также в эту категорию мотивов включается интерес к трудовой деятельности. К ресурсам альтруистических мотивов А. Маршалл относит социальную ответственность и мораль¹.

Стоит отметить, что на сегодняшний день в условиях социальной реальности чаще всего мы сталкиваемся с преобладающей ролью эгоистических устремлений при достижении целей и удовлетворении потребностей личности. Лидирующая позиция материального базируется на сущностных характеристиках и витальных потребностях, которые определяют вектор жизнедеятельности и место индивида в социальной структуре. При этом фактор обладания властью играет немаловажную роль при достижении материальных, социальных и духовных потребностей.

Из этого следует, что ценности проникают в суть и мотивацию поведенческой активности индивида и определяют разумный выбор действий и направление приложения усилий. Все это говорит, что ценности являются элементом экономического сознания, которое позволяет ориентироваться в условиях экономической реальности и налаживать взаимодействие с другими акторами рынка. В связи с этим сумма терминальных и инструментальных ценностей, представляющих собой продукт активности, устанавливает степень развития культуры, человечности и соразмерности с мировоззренческими установками².

Поэтому актуальность приобретает гуманистическая сторона развития экономической реальности, в рамках которой наблюдается упадок и разрушение человеческого социокультурного и духовного содержания.

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки ... С. 228.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 107.

Наблюдается разрушение ценностных основ личности, представленных в понятиях доброты, эмпатии, справедливости. Подход к взаимодействию на личном и групповом уровнях видоизменяется и проявляется эффект «двойных стандартов», который основан на интересах выгоды и расчета и проникает во все виды социального взаимодействия. Многие исследователи в области экономики и философии, такие как М. Фридман, Ф. Хайек и Л. Мизес¹, считают это явление опасным источником политической и экономической экспансии, направленной на ограничение свобод личности.

По мнению Л.А. Микешиной, в социальной эпистемологии аксиологический аспект рассматривается в рамках развития общественного целого с целью поиска «таких альтернативных начал, как универсальное и конкретное, коллективное и индивидуальное, отвергнуть или признать необходимым “присутствие разума” в объективном мире общества»². Центральным социально-философским вопросом становится поиск максимально точных «человекообразных» характеристик с использованием общих понятий глобального аксиологического пространства индивида³. С точки зрения В.С. Кравца, в рамках ценностного анализа объекта материального мира приобретает значение вероятность допуска его в жизненное пространство и культурную среду. При этом, по мнению автора, «фокусом, в котором стягиваются и пересекаются все ценности, является человек, его интересы, потребности, ожидания, мотивы»⁴.

Н.А. Бердяев в более ранних исследованиях затрагивал вопросы, связанные со смыслообразующими человеческими ценностями и утверждал, что центральное место в ценностной иерархии должны занимать категории «долга, труда и духовной дисциплины труда... благо и ценность государства,

¹ Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.; Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок / пер. с англ. О.А. Дмитриевой; под ред. Р.И. Капелюшникова. – Челябинск: Социум, 2011. – 394 с.; Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. – 2 изд. испр. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.

² Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 336.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 107–108.

⁴ Кравец А.С. Субъективная форма бытия ценностей // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 71.

нации, культуры»¹. При этом, по мнению автора, консюмеризм порождает бедность, и мир материальных вещей не может конкурировать с духовной сферой и отвергать ее. Основные элементы материального мира, такие как порядок трудовой деятельности, структура труда и его результативность, напрямую связаны с духовным миром и его содержанием².

По мнению М. Вебера, тяготение людей к получению максимальной прибыли характерно для многих социальных групп различного уровня, в особенности в благоприятных для этого условиях³. При этом хозяйственная деятельность, с точки зрения автора, основана на балансе прибыли и расходов. В этом случае подключается механизм рационализации правовых и экономических факторов, которые зависят «...от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически рационального жизненного поведения»⁴.

Ценностные установки занимают центральную позицию в культуре и менталитете, оказывая при этом определяющее влияние на образование и реализацию экономического поведения. В менталитете утверждены традиционные, устойчивые национальные, территориальные и религиозные смыслы интерпретации окружающей действительности.

Понятие менталитета в словаре современной западной философии раскрывается как «сущностная ступень группового и личностного мышления и бессознательного, которое проявляется в готовых шаблонах и формах восприятия с точки зрения индивида или группы». Менталитет образует свое наполнение в зависимости от установленных систем традиций, культуры, социальной среды и всех сфер существования человека – и впоследствии сам же и определяет и создает сознание⁵.

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письмо к недругам по социальной философии // Русская философия собственности. – СПб., 1993. – С. 206.

² Там же. – С. 256–257.

³ Вебер М. Избранное. Образ общества ... С. 46–47.

⁴ Там же.

⁵ Современная западная философия: словарь / сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. – М.: Политиздат, 1991. – С. 176.

В отношении менталитета иногда складывается определенная установка, суть которой состоит в том, что к менталитету относят традиционные ценности и архаичные стереотипные установки экономического мышления. Это делается с целью объяснения причин негативных процессов в обществе и упоминания «недостаточной активности» населения¹. При этом, по мнению Н.И. Василюка, исследование ментальных особенностей экономического поведения дает возможность рассмотреть не только устаревшие формы мышления, но и новейшие параметры экономического поведения. Новые параметры проявляются в способности ценностной адаптации в условиях рыночных трансформаций. Современное состояние рынка проявляется в сосуществовании и проявлении как ценностей советского периода и натурального хозяйствования, так и современных ценностных установок².

В настоящее время изучение социально-экономических стратегий адаптации демонстрирует расхождение реализации индивидами выбранной модели поведения и уровня адаптации к новым условиям деятельности. Так, у индивидов с более благополучным материальным положением отмечается преобладание ценностей упорства в процессе деятельности и материального достатка. А для представителей альтернативных моделей экономического поведения специфичны ценности традиционной культуры: справедливость, коллективизм, патернализм³.

Различия в формировании моделей экономического поведения и специфики хозяйственной деятельности зависят от того, какая система ценностей на данный момент является определяющей в обществе. Нарушения и расстройство ценностных установок объясняются в российских исследованиях как недостаток универсальных идеальных образов и

¹ Василюк Н.И. Социально-аксиологическая мотивация экономического поведения россиян: автореф. дис. канд. соц. наук: спец. 22.00.03. – Новочеркасск, 2005. – С. 9.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 109.

³ Бондаренко О.В. Ценностно-аксиологические факторы выбора моделей экономического поведения // Вестник ЮРГТУ (НИИ). – 2008. – № 1. – С. 41–44.

социальной платформы для продвижения, распространения и утверждения, новых правил и взглядов в сознании людей¹.

Исследование особенностей экономической ментальности в регионах Восточной Европы, проведенное П. Штомпкой, продемонстрировало, что основной преградой на пути трансформации рыночной системы стал синдром «социалистической ментальности»². По мнению Б.И. Успенского, отличительной характеристикой русского мира является ярко выраженная контрастность: «...основные культурные ценности... располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны»³.

Немаловажное значение для ценностных ориентаций приобретает экономическая культура, которая располагает необходимым набором официальных и неофициальных инструментов для фильтрации и трансляции будущим поколениям определенных ценностей. Основной целью этого процесса выступает распространение моральных норм и образцов, направленных на сохранение и лучшую организацию процесса труда, потребления, размещения материальных благ и побуждения адекватного экономического поведения. Следует обратить внимание на то, что степень активности экономических агентов тесно связана с уровнем обладания информацией о содержании и нацеленности коллективной работы, а также согласием с личными и общественными ценностями, спецификой чувственных реакций в отношении этого согласия⁴.

В условиях эволюции рыночной экономики происходит ряд институциональных трансформаций, которые порождают череду сложностей. Конструкция убеждений и ценностей экономической культуры, основанная

¹ Принцип целостности в понимании социальной реальности (аксиологический аспект) / под ред. д-ра филос. наук, проф. Л.П. Станкевича. – Липецк: ЛГТУ, 2010. – 110 с.

² Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

³ Успенский Б.И. Избранные труды. – М.: 1994. – Т. 1. – С. 220.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 110.

на опыте предыдущих поколений, не в состоянии оказать воздействие при разрешении сложностей современности¹.

В науке на данный момент не сложилась единая точка зрения о соотношении поведения индивида и его ценностных устремлений, так как данная взаимосвязь не обоснована в рамках прикладного исследования. Однако итоги социологических исследований, проведенных Международной научной лабораторией социокультурных исследований НИУ ВШЭ², продемонстрировали, что различаются ценности, способствующие экономически-прогрессивному и экономически-регрессивному поведению. Л.К. Григорян, рассматривая модели экономического поведения, выделяет следующие преобладающие ценностные ориентации:

1. экономически-прогрессивное поведение, нацеленное на экономическую активность, успешность, самореализацию в профессии, ориентацию на долгосрочное взаимовыгодное партнерство, разумное потребление. К нему относят ценности достижения, власти, самостоятельности, благожелательности;

2. экономически-регрессивное поведение, включающее в себя традиции, конформизм, гедонизм, что характерно для проявления экономической пассивности, недальновидности в экономических решениях и следования устоявшимся не всегда эффективным моделям экономического поведения³.

Сосуществование разнонаправленных моделей экономического поведения подтверждается и словами О.И. Уильямсона, который говорит, что в рамках рыночной системы сосуществуют атрибуты неограниченной рациональности, с одной стороны, и оппортунизма, представленного в форме максимального устремления на удовлетворение личных потребностей,

¹ Авдей О.В. Экономическая культура как фактор экономической социализации // Социальные факторы инновационного развития экономики: сб. науч. ст. / редкол.: И.В.Новикова [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2011. – С. 87.

² Лебедева Н.М. Международная лаборатория социокультурных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 3. – С. 60–64.

³ Григорян Л.К. Соотношение ценностей и моделей экономического поведения: межконфессиональный анализ // Ценности культуры и модели экономического поведения: научная монография / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. – М.: Спутник+, 2011. – С. 166–184.

с другой. Экономическое поведение может приобретать различные формы в зависимости от инструментальных ценностей, которые могут формировать как приспособленчество, так и ориентацию на максимальную прибыль или незаконное поведение¹.

На сегодняшний день выделяют еще один тип поведения на рынке, который в большей степени ориентирован на эмоциональную культуру, проявляющуюся в ценностях удовольствия. Преобладающими специфическими чертами данной личности становятся поверхностное мышление, основанное на ценностях низкого порядка. На основе данных характеристик индивид в условиях своего существования ориентирован на получение личной прибыли или благ для близкого окружения, «своей» группы лиц. При этом отмечается снижение уровня осознанности мыслительных процессов, преобладание одномоментных идей. Именно такой портрет человека относится к теоретической конструкции «массового человека» (К. Юнг, Хосе Ортега-и-Гассет, А. Грамши)², для которого характерна «замкнутость души», лишаящая его возможности выйти за свои пределы, «переселиться в своего ближнего»³.

Выделенные модели поведения и направленность ценностных ориентаций свидетельствуют, что в условиях существующей экономической культуры и под воздействием рыночных и глобализационных факторов зачастую формируются экономические модели поведения, не ориентированные на кооперацию и созидательный труд, что приводит к дисфункциональным нарушениям в обществе. Подтверждение описанных тенденций можно найти и в реалиях российской действительности, где наблюдается достаточно низкая оценка наемного труда и предпринимательской деятельности, так как подобные виды активности

¹ Уильямсон О.И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа... С. 43.

² Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов: монография / пер. А.А. Спектор – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. – 400 с.; Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Избранные труды. – М.: Весь мир, 2000. – С. 159.; Грамши А. Избранные сочинения в 3-х томах / Том 1. Ордине Нуово (1919–1920). – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1957. – 512 с.

³ Джерелиевская И.К. Личностная детерминанта социального порядка: аксиологический аспект: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. Социальная философия. – М., 2009. – С. 31.

воспринимаются в качестве инструмента для получения индивидуальной выгоды¹. Однако такое отношение к данным видам деятельности является парадоксом, так как большинство индивидов ориентировано в обычных экономических практиках на получение личной выгоды. В данном случае проявляются признаки экономически регрессивной модели экономического поведения, которая, основываясь на традициях и менталитете, отрицает саму суть рыночной системы и предпринимательскую активность, наделяя ее негативными характеристиками. Негативные ориентации можно обнаружить и в процессе «теневизации» экономического поведения, что проявляется в отдалении от государственной системы и общественных интересов, регулирующих уровень эгоистических устремлений на обогащение².

Описанные тенденции способствуют возникновению общественных, законодательных и этических проблем. По мнению С.Н. Булгакова, «Политическая экономия... есть прикладная этика, именно этика экономической жизни»³. Поэтому логика современной рыночной системы должна быть построена в соответствии с задачами социального прогресса, моральными образцами и установками⁴.

Г. Хофстед в рамках социологических исследований так же рассматривал кросс-культурные параметры экономического поведения. В связи с чем были выявлены различные уровни «измерения» для характеристики национальной культуры, которые определяют тип экономического поведения. Среди них были выделены: индивидуализм – коллективизм; дистанция власти (большая – малая); неприятие неопределенности (сильное – слабое); мужественность – женственность. Итоги исследования показали, что для стран постсоветского пространства

¹ Россолов П.Г. Экономическое поведение россиян: институциональные и этносоциальные детерминанты развития: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Ростов н/Д.: 2004. – С. 154.

² Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 111.

³ Булгаков С.Н. Об экономическом идеале // Труды по социологии и теологии. – М.: Наука, 1997. – Т.1. – С. 23.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Ценностные и ментальные факторы формирования экономического поведения личности // Сборник научных трудов SWorld: материалы Международной научно-практической конференции. – 2014. – Вып. 3 (36). – Том 21. – С. 24–28.

свойственна ориентация на общинность, категоричность и тип женской культуры. Выявленные характеристики во многом влияют на поведение людей, на их устремления и ценностные ориентиры. Именно поэтому автор призывает рассматривать культуру в качестве компонента экономической реальности¹.

Важным аспектом исследования ценностных оснований экономического поведения является социальная психология. С точки зрения Г. Саймона, индивиды в условиях социальной реальности принимают решения и реализуют свое поведение по отличному от классических теоретических экономических моделей сценарию². Данное утверждение автора базировалось на том, что индивид испытывает на себе воздействие различных факторов, в том числе психологических.

Амос Тверски в своих исследованиях рассматривал несколько абстрактных интерпретаций специфики поведения личности, среди которых нетранзитивность предпочтений, теория поаспектного исключения, психологическая теория сходств, теория выбора альтернатив и др. Как отмечают Канеман и Тверски, выделенные параметры модели «экономического человека» не соответствуют реальности и поведению индивидов, для которых в большей степени характерны не разумные основания, а интуитивная мотивация³.

Заслуживает внимания также фактор природно-климатических условий, который оказывает некоторое воздействие на экономическое поведение индивидов. По этому поводу А. Маршалл в своих рассуждениях указывал на то, что «...энергичность зависит частично от расовых свойств, но последние, если их вообще можно чем-либо объяснить, обусловлены главным образом климатом»⁴. Данный аспект затрагивал В.О. Ключевский в

¹ Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Mc Graw Hill. – New York, 1997. – P. 279.

² Simon H.A. Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. – 1955. – Vol. 69. – P. 99–118.

³ Kahneman D., Smith Vernon L. l'economie est aussi une Science de l'homme // Problemes Econ. – 2003. – N. 2790. – P. 1–7; Tversky A. Intransitivity of Preferences // Psychologica Review. – 1969. – Vol. 76. – P. 31–48.

⁴ Маршалл А. Принципы экономической науки ...С. 270.

работе «Курс русской истории». Он устанавливал взаимозависимость национального характера с природой и занятиями жителей¹.

Еще одним немаловажным фактором экономического поведения является религия, так как источником существующих ценностей являются фундаментальные ценности мировых религий (христианские, исламские, буддистские). Разница во взглядах различных религиозных течений отражается и на специфике поведенческих установок. Так, например, отношение к трудовой морали в протестантизме отличается от православия, в котором труд духовный оценивается более высоко. Для православной культуры характерно преувеличенно положительное отношение к бедности, здесь пропагандируется аскеза и поклонение святым. Отношение к материальному достатку негативное и считается грехом, а бедность воспринимается как достоинство².

По мнению М. Вебера, религия выступает в качестве основополагающей культурной детерминанты, которая предопределяет содержание и формы экономического поведения, включая его негативные проявления, такие как коррупция и мошенничество³.

Исследования М. Палдама демонстрируют, что в государствах, где главенствует католицизм, православие, ислам, буддизм и индуизм, уровень коррупции значительно выше, чем в странах с племенными религиями и реформированным христианством (протестантизм и англиканство)⁴.

Здесь важно понимать, что для благополучной жизнедеятельности людей, необходимо утвердить новую модель поведения человека, которая будет ориентирована на увеличение ценности духовного начала во всех сферах деятельности, в том числе и экономической. При отсутствии единения с природой, с ее содержанием и законами бытия, не может быть сформирован благополучный социум. По мнению Н. Бердяева,

¹ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. – Ч. 1. – С. 315–317.

² Жижко Е.В. Россия и рынок: православная этика и дух капитализма. – Красноярск: 1995. – 82 с.

³ Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

⁴ Paldam M. Corruption and Religion. Adding to the Economic Model. Unpublished manuscript, Aarhus University. – Denmark, 1999. – September.

«собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное»¹. Исходя из этого экономическое поведение не может быть результатом экономического расчета, который не дает возможности для развития и прогресса. Вектор развития экономического поведения должен быть созвучен целям общественного целого, его духовным образцам и ценностям².

В итоге универсализация экономического мирового пространства, углубление конфликта с природой актуализировали перед современным человеком задачу поиска иного взгляда на ценностное основание экономической деятельности. Становится важным вопрос об ее упорядочивании в соответствии с моральными образцами устойчивого развития общества и противодействием техногенным катастрофам. В связи с чем на первый план выходит необходимость укоренения на уровне человеческого сознания экономического актора иного восприятия расчета и личной выгоды, то есть с направленностью на общественное благо³.

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства... С. 244.

² Негруль (Михайлова) В.В. Ценностные и ментальные факторы формирования экономического поведения личности ... С. 24–28.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Аксиологический аспект философского осмысления экономического поведения ... С. 111–112.

Глава 2. Экономическое поведение и системность общества

2.1 Социально-атомистический и холистический подходы к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении

История философского осмысления экономического поведения неизменно связана с осмыслением человеческого поведения в целом. При этом диалектическое понимание человеческой природы приводит к представлению его как микрокосма и микросоциума одновременно. И даже в том случае, когда в исследовании доминирует социальная составляющая, человек как философское понятие составляет ядро, вокруг которого формируется проблематика и научные поиски. По мнению М. Шелера, «Человек – это в известном смысле всё»¹.

При анализе индивидуального и социального, рассматриваются определенные стороны и качества человека, так как он является системой, объединяющей эти уровни. В связи с этим практически невозможно рассматривать индивидуальное без социального и наоборот, так как отграничить данные свойства друг от друга можно только в контексте противоположного.

Важным компонентом индивидуального становится приобретаемый социальный опыт, который в совокупности с другими характеристиками формирует отдельный микрокосм. В соотношении «индивидуальное – социальное» одна целостность (индивидуальное) противопоставляется другой целостности (социальному). При соприкосновении индивидуальное и социальное формируют определенное единство, и представляют собой диалектику целого и частей. В индивидуальном социальность представлена

¹ Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. сост., науч. ред., предисл. А.В. Денежкина; послесл. Л.А. Чухиной. – М.: Гнозис, 1994.

как важнейшая часть, которая либо гармонирует с целым, либо деформирует, разрушает его¹.

Понимание социального и индивидуального в экономическом поведении может рассматриваться с точки зрения различных теоретических подходов и даже в контексте разных наук. Однако наибольшим потенциалом изучения диалектики социального и индивидуального обладают философские методологические принципы атомизма и холизма, способные раскрыть весь спектр особенностей и сущности данной проблематики. Атомистические и холистические подходы только на первый взгляд вступают в противоречие, а на практике могут дополнять друг друга и выявлять разнородные характеристики и особенности. Важно уточнить, что данные направления исследования обладают собственными характеристиками и границами осмысления объектов и процессов, среди которых наиболее важными для применения в данном контексте выступают следующие:

1) рассмотрение части и целого и способов их взаимосвязи, части (элемента или подсистемы) как своего рода целого и целого (системы) как построенного из подогнанных друг к другу частей (элементов или подсистем). Сюда включается и проблема, что первично и что вторично (часть или целое), и рассмотрение эволюционных способов взаимосвязи частей в целом, а также иерархической организации, уровневого строения целого (системы);

2) анализ дискретности и непрерывности в явлениях и процессах в природе, обществе, человеческой деятельности. Непрерывность связана с самой процессуальностью мира, дискретность – с его структурной организацией, хотя сами структуры сложного мира предстают как процессы: они трансформируются, распадаются или соединяются, что приводит к образованию все более сложных структур, все более мощных комплексов объединений. То есть структуры являются структурами-процессами;

¹ Звездкина Э.Ф. и др. Теория философии. – М.: СЛОВО; Эксмо, 2004. – С. 202–203.

3) установление связи между дискретностью и квантовостью процессов в мире. Квантовость связана не только с существованием неких далее неделимых единиц (атомов, индивидов), но и со скачкообразным переходом между уровнями организации и с существованием порогов чувствительности или порогов восприятия сложных формообразований мира¹;

4) рассмотрение всех отношений во внутреннем (холистическом) или внешнем (атомистическом) контексте;

5) уровневая онтология, трактующая сущность (природу) холизма и атомизма как исследовательских программ, которая представляет целостный мир в виде множества целостных миров и уровней их (со)существования. При этом существующие уровни по-разному представлены в пространстве и времени, что обеспечивает гетерогенность целостности как условие эволюции. Также условием развития различных частей целого является коммуникация (согласованность), а не контроль, как принято считать².

В связи с необходимостью осмысления социального и индивидуального в экономическом поведении описанные принципы атомизма и холизма становятся наиболее применимыми для поиска внутренних и внешних взаимосвязей и противоречий в изучаемых элементах.

С точки зрения эволюционного холизма разрешение дилеммы социального и индивидуального в экономическом поведении может быть осуществлено с помощью превращения сложного в простое. Данный подход подразумевает разложение сложных многоуровневых процессов на простые элементы и выявление их динамических свойств, которые могут объяснить многие социальные процессы. В рамках данного подхода был выявлен эффект циклической причинности, который представляет собой взаимодействие и взаимообусловленность элементов микроскопического уровня и параметров порядка макроскопического. При этом первичность и вторичность элементов установить весьма сложно. Важным результатом

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736–737.

² Шрейбер В.К. Уровневая онтология вложенное пространство // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 17–24.

такого взаимодействия является порождение новых элементов макроскопического уровня, которые воздействуют на структуру всей системы и в дальнейшем определяют ее существование. То есть здесь можно наблюдать эффект эмерджентности¹.

Стоит обратить внимание на эмерджентность не только всей системы в целом, но и ее элементов в отдельности. В результате данных процессов формируются отдельно характеристики и свойства элементов системы и отдельно – всей системы, что не дает возможности свести все к единым характеристикам и приравнять части и целое. Здесь мы выходим за рамки привычной формулы для холизма «целое больше суммы частей» и приходим к качественной разнице, а не к количественной².

С точки зрения эволюционного холизма, приобретение новых качеств социального и индивидуального порядка в экономическом поведении является результатом циклической причинности, которая дает возможность оценить роль экономического поведения как на индивидуальном, так и на социальном уровне без расстановки приоритетов. Исследуя современное экономическое поведение как элемент микроуровня социальной действительности, мы находим в нем ряд новых характеристик и свойств, не характерных для других видов индивидуального поведения (преобладающая роль экономического поведения, потребительское мышление, экономизация дружеских и семейных отношений). В этом проявляется эмерджентность экономического поведения, которая при взаимодействии с параметрами порядка макроуровня наделяет новыми свойствами социум. Однако стоит обратить внимание, что макросоциальные свойства системы контролируют и ограничивают воздействие элементов микроуровня, что в итоге приводит к формированию новой структуры. Поэтому нельзя утверждать, что экономическое поведение может разрушить существующую систему, скорее

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 738.

² Там же.

речь идет об активном индивидуальном воздействии и предопределении новых свойств системы и ее структуры.

Еще одним важным параметром в рамках холистического подхода выступает требование разнообразия элементов, составляющих систему. При этом важно обратить внимание на то, что целостность может быть сформирована только на основе целостных элементов, которые при объединении начинают приобретать свойство системной целостности и действовать целенаправленно. Для экономического поведения, основанного на принципах гуманности и духовности, необходимо воспитание целостной личности как действующей единицы (Пифагор), которая способна стать частью целого, и на основе своей индивидуальности обеспечить разнообразие элементов системы как гаранта существования общей целостности¹. Только после этого целостная система может воздействовать на свою часть в полной мере и дополнять ее новыми свойствами. Поэтому нельзя описанный процесс формирования взаимосвязей целостной системы обратить вспять и начать формировать экономическое поведение сразу на уровне системы, так это бесполезное воздействие. Весь процесс должен быть осуществлен сначала на индивидуальном уровне и только потом перейти на уровень социальный.

Продолжение идей холизма можно найти в теории энактивизма² (Ф. Варела, Э. Рош, Э. Томпсон). В рамках данной концепции человек представлен как независимый действующий социальный актор, который создает и модифицирует свое поведение, формирует индивидуальную реальность, самого себя. При этом в ходе своей активности индивид тщательно отбирает только важную информацию и инструменты для своего микрокосма. Данный отбор осуществляется в рамках постоянного взаимодействия с активной средой, социумом, который предлагает разные возможности и варианты развития для индивида. Результатом данного

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности ... С. 738–739.

² Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge (MA): The MIT Press. – 7th printing. – 1999. – 390 p.

взаимодействия при совпадении интересов становится создание целостности нового уровня – ко-эмерджентного мира. Поэтому считается, что основой для успешности данных процессов является познавательная активная деятельность. Из этого следует, что процессы рождения целостного мира и целостного актора являются взаимозависимыми процессами, которые невозможны без активной среды и познающего действующего индивида. По этому поводу М. Мерло-Понти писал: «Внутри и вне неразделимы. Мир полностью внутри меня, а я полностью вне самого себя»¹.

На основании изложенных идей можно рассматривать экономическое поведение как индивидуальный акт, ведущий к получению знаний и опыта, на базе которого конструируется реальность. Далее происходит активный процесс взаимодействия со средой, который порождает измененную действительность. Это снова приводит исследование в исходную точку – к индивидуальному действию, с которого начинаются все социальные процессы, в том числе и экономические. Условиями для формирования нового ко-эмерджентного мира становятся предоставление возможностей и информации для индивида со стороны среды и определенный уровень свободы в данной социальной системе.

Социально-атомистический подход рассматривает свойство дискретности эволюции сложных систем. Это свойство выражается во множестве параллельных вариантов эволюции отдельных целостных элементов (личностей), основанных на своей индивидуальности. Этот эффект называется *кустящейся эволюцией*. При этом не все появляющиеся варианты эволюции могут существовать бесконечно долго в системе, многие не приживаются и уничтожаются самой системой. То есть остаются только те варианты эволюции, которые соответствуют правилам этой системы. Это – своего рода *эволюционные правила запрета*. Это свидетельствует о том, что не все формы и свойства экономического поведения могут быть сохранены

¹ Varela F. Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie – Littérature – Enseignement. – 1999. – № 17. Dynamique et cognition: nouvelles approches. – P. 8–9.

системой, а лишь те, которые были спроецированы целостной личностью и прошли отбор, прежде чем перейти в свойства макроскопической системы¹.

При этом формирование целостности и свойств системы возможно только при условии родства эволюционных векторов отдельных личностей. Это значит, что индивидуальные устремления и предпочтения должны обнаружить определенные сходства, культуру, менталитет и другое, если рассматривать в контексте социального. В экономическом поведении должен сформироваться определенный уровень экономической культуры, гуманности, этики и свободы, необходимой для индивидуального самовыражения, построения собственной линии эволюции.

Система обращается к анализу множества эволюционных линий только тогда, когда они достигают определенного количества или качества, способного быть замеченным и увиденным системой. Поэтому процессы формирования общего вектора эволюции и его изменения не происходят молниеносно. Они, скорее, носят накопительный эффект, который проявляется в количественном или качественном значении «видимости». В данном контексте развитие экономического поведения, проникновение его принципов в другие виды поведения и сферы жизни общества, приобретение им новых качеств и инструментов воздействия может быть признаком накопительного эффекта для будущего качественного «энергетического скачка». Однако какой именно это будет «скачок» и в какую сторону, зависит от тех смыслов и свойств, которые формируются в нем сейчас на индивидуальном уровне, для того чтобы в будущем повлиять на социальное.

Еще одним свойством, выделяемым в рамках атомизма, является «самоподобие сложных структур». Если рассматривать социум как пример сложной структуры, то здесь индивидуум должен быть подобен социальной группе или всему социуму сразу (при условии, что индивид понимается как целостная сформированная неделимая единица). В рамках данного подхода сравнение производится с фрактальной структурой и цикличным принципом

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 739–741.

эволюции. В настоящее время фрактальность усматривается в окружающей действительности и все чаще применяется в изучении сложных феноменов жизни человека и социума. Если рассматривать феномен экономического поведения, то оно множит себя и повторяется на разных ступенях социальной лестницы, от больших до малых коллективов и групп, даже до семьи¹.

Как видим, история мира природы и мира человека написана на языке масштабно инвариантных структур, фракталов. Развитие сложных систем в мире происходит нелинейно, неравномерно по пространству и времени, подчинено определенным циклам, причем циклы имеют разный масштаб и накладываются друг на друга.

Атомистический подход реализует себя и в контексте лингвистической гипотезы и языкового вопроса². В данной теории прослеживается отсылка к истокам формирования личности как социального продукта, как части целого. Представляется, что структура мира подобна структуре языка. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа³ язык разделяет существующий мир на атомы и процессы. При этом связующим звеном в таком разрозненном пространстве элементов становится мыслящий человек, способный вербально выразить свои чувства и мысли. Благодаря своим способностям человек становится продуктом эволюции окружающего мира, его неотъемлемой частью. Разрозненные элементы и процессы окружающей среды влияют на формирование человека и его способность к адаптации и вживанию в этот мир, поэтому во многом конечные характеристики человека зависят от воздействующих на него структур и требований окружающей среды⁴.

В связи с этим можно провести параллели с некоторыми характеристиками современного человека, индивида, действующего в

¹ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 739–741.

² Лысенко В.Г. Происхождение атомизма: лингвистическая гипотеза // Шабдапракаша. Зографский сборник / под ред. Я.В. Василькова и С.В. Пахомова. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – Вып. 1. – С. 111.

³ Ковлакас Е.Ф. К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С.77–79.

⁴ Князева Е.Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности... С. 744–745.

условиях рынка, которого обвиняют в одномерности и отсутствии целого набора нравственных ценностей. Возможно, именно такая упрощенная модель современного человека в условиях рыночной экономики соответствует требованиям системы, в рамках которой индивид с определенными характеристиками наиболее адаптивен и способен в последующем к самореализации. Атомистический подход позволяет взглянуть на проблему индивидуального в экономическом поведении с нетрадиционной точки зрения, объясняя наличие негативных свойств современного человека как начальный этап процесса прохождения адаптации к современному миру, который только на завершающих стадиях может приобрести новые позитивные свойства и стремления к духовным ценностям.

Рассмотренные особенности сочетания индивидуального и социального в экономическом поведении показывают, что холизм и атолизм не противоречат друг другу, а скорее дополняют общее представление о рассматриваемых процессах. Экономическое поведение выступает свойством человека как микрокосма, способного сконструировать свое жизненное пространство и индивидуальные формы адаптации. Однако при этом экономическое поведение постоянно испытывает на себе влияние социального, в котором заложены условия культуры, свободы, характера информации и вектора всеобщего развития.

2.2 Системный характер общества в социально-философском осмыслении

Начиная с конца XIX века в рамках философской науки сформировался ряд новейших задач, которые были направлены на изучение, соединение и взаимопроникновение различных факторов, отражающих как частные индивидуальные, так и всеобщие объективные предпосылки познания

окружающей социальной цельной действительности. Среди них можно отметить исторические, логические, эволюционные и революционные факторы.

Определение новых задач в науке и философии XX века привело к развитию системных идей и к заключительному оформлению методологии системного подхода. Определяющим отличием нового методологического подхода от классической немецкой философии стало применение и использование математических моделей, которые могли на более качественном уровне представить исследование системной целостности бытия. Научные представления в рамках системной теории способны проиллюстрировать творческий потенциал социальной реальности посредством использования категорий «скачок», «перерыв постепенности», «переход в новое качество»¹.

Существует мнение, и оно достаточно популярно, что категория целостности и системный подход в общем «родились» в недрах естественных и технических наук. Действительно, открытия в области физики, в частности Второй закон термодинамики (согласно которому, говоря простыми словами, системный эффект не является суммарным), были сигналом для представителей точных наук к отказу от механистической суммарной парадигмы, где доминировали аналитический подход и закон сохранения энергии².

Теоретические основы научно-философского подхода в отношении системного анализа бытия были заложены в различных исследованиях русских философов, таких как философия всеединства и логика «цельного знания» В.С. Соловьева³ и философия «органического целого» Н.О. Лосского⁴, учение А.С. Хомякова о «соборности» человеческого духа¹ и

¹ Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 9.

² Гухман А.А. Об основаниях термодинамики. – М.: URSS, 2010. – С. 56–57.

³ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. – М.: Академический проект, 2011. – 383 с.

⁴ Лосский Н.О. Мир как органическое целое / Избранное. – М.: Правда, 1991. – С. 115–218.

концепция «культурно-исторических типов» общественной жизни Н.Я. Данилевского². На основании представленных подходов в более поздний период были представлены «всеобщая организационная наука» А.А. Богданова³, «философия имени» А.Ф. Лосева⁴, идеи естественного «антропокосмизма» В.И. Вернадского⁵ и «теория функциональных систем» П.К. Анохина⁶.

Однако более результативный в качественном наполнении системных идей период начинается с середины 20 века и подразделяется на два этапа развития: 1) исследование равновесных систем; 2) исследование неравновесных систем⁷.

К первому этапу можно отнести идею принципов действия «равновесия» системных объектов, которые были реализованы и описаны в общей теории систем Л. Берталанди⁸, в кибернетических управленческих моделях (У. Эшби, Н. Винер и К. Шеннон, С. Бир, С. Лем)⁹, в социоэкономических концепциях (М. Месарович, А. Раппопорт, К.

¹ Соборность как судьба России. А.С. Хомяков // Русские мыслители / С.Н. Астапов, Н.С. Капустин, О.Т. Кирсанова и др.; науч. ред. д-р филос. наук, проф. И.Н. Лосева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – С. 157–165.

² Данилевский Н.Я. Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения или развития // Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. – изд. 2-е. – М.: Институт русской цивилизации, Благословение, 2011. – С. 113–138.

³ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 480 с.

⁴ Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Издательство Олега Абышко, 2016. – 666 с.

⁵ Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М.: Сов. Россия, 1989. – 704 с.

⁶ Анохин П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. – М.: Наука, 1978. – 395 с.

⁷ Садовский В.Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем // Системные исследования: ежегодник, 1971 / под ред. И.В. Блауберга и др. – М.: Наука, 1972. – С. 35–54.

⁸ Берталанди Л. Общая теория систем – Критический обзор // Исследования по общей теории систем: сборник переводов / общ. ред., вст. ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 28.; Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.

⁹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.; Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – 2-е изд. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.; Шеннон К. Бандвагон // Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – С. 667–668.; Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.; Лем С. Сумма технологий. – М.: АСТ, 2012. – 640 с.

Боулдинг)¹, в глубинных социально-философских отечественных системных исследованиях (И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин, А.И. Уемов)².

Второй период охватывает последние три десятилетия XX века (продолжаясь и ныне) и основан на исследовании теоретико-методологических принципов развития неравновесных саморазвивающихся, сложных и сверхсложных систем, которые представлены в теориях И. Пригожина³, В.И. Арнольда⁴, Я.Г. Синая⁵. Анализ истории развития системных идей демонстрирует, что основные ее положения находятся в тесной связи с основными постулатами социально-гуманитарных наук.

В начале XX в. А.А. Богданову удалось завершить важный для всей науки труд в области организационной науки, теории систем и системного метода. В нем автор сформулировал ряд принципов и закономерностей, которые оказались применимы в самых различных областях природы и общества⁶.

Во второй половине XX века формируется новое направление в области исследования систем – информационно-кибернетическое, основными представителями которого стали Н. Винер, К. Шеннон, У. Эшби, С. Бир⁷. В рамках данного подхода исследователям удалось по-новому взглянуть на вопросы управления и организацию. Тесная связь кибернетического метода с математическим позволила более точно просчитать связи, динамику и закономерности существования систем.

¹ Месарович М., Мако Д., Такахаха И. Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.; Гвишиани Д.М., Садовский В.Н. Системные исследования. Методологические проблемы. – М.: URSS, 1997. – Вып. 25. – 392 с.; Боулдинг К.Э. Экономическая наука и социальные системы // Панорама экономической мысли конца XX столетия. – 2 т. – СПб.: Экономическая школа, 2002 – Т. 2 – С. 907-927.

² Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 75–76; Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании. – М.: Знание, 1972. – 48 с.; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 272 с.

³ Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. Изд.4, испр. – М.: URSS, 2016. – 304 с.

⁴ Арнольд В.И. Теория катастроф. – М.: Леонард, 2016. – 134 с.

⁵ Синай Я.Г. Введение в эргодическую теорию. – М.: 1996. – 132 с.

⁶ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 480 с.

⁷ Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.; Шеннон К. Бандвагон / К. Шеннон. Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд. иностр. лит., 1963. – С. 667-668. URL: <http://www.vbvbv.narod.ru/bandwagon.htm> (дата обращения: 06.11.2017); Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: URSS, 2017. – 430 с.; Бир С. Кибернетика и менеджмент. – М.: КомКнига, 2011. – 280 с.; Лем С. Сумма технологий. – М.: АСТ, 2012. – 640 с.

В 70-е годы происходит очередной виток в истории изучения самоорганизации систем, что приводит к становлению синергетики как нового научного направления. Область изучения самоорганизующихся систем, предложенная В.И. Арнольдом¹, Г. Николисом, И. Пригожиным и И. Стенгерс², Г. Хакеном³, С.П. Кудрямовым, Е.Н. Князевой и Г.Г. Малинецким⁴ и рядом других ученых была заметно расширена в рамках научного познания природы, общества и космоса.

В рамках качественного обзора существующих подходов в отношении изучения системной целостности наиболее интересна классификация Б.Г. Юдина: 1) элементаристский, 2) функционально-организменный, 3) структурно-реляционный, 4) монадологический.

1. В рамках первого, элементаристского, подхода было рассмотрено понятие «система» и обосновано, что ее основой является ряд совокупных элементов. При этом составляющие элементы этого ряда не подвергаются распаду и дальнейшему делению. Однако такая интерпретация системы демонстрирует определенные слабости и недостатки, которые выражаются в повторяемости и несогласованности утверждений, опирающихся на то, что основанием жизнеспособности системы становится качество «неделимости» составляющих ее частиц. Именно данное свойство может подрываться различными внешними воздействиями на систему, в результате чего целостность системы может быть нарушена. Несмотря на довольно далекие в историческом разрезе предпосылки развития данных идей, которые были описаны еще в трудах Эпикура, Демокрита и Платона, данный взгляд на

¹ Арнольд В.И. Указ. соч.

² Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. – М.: URSS, 2014. – 304 с.; Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. – М.: Мир, 1990. – 343 с.

³ Хакен Г. Синергетика: в 2 ч. Часть 1: Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в физике, химии и биологии. Часть 2: Перспективы и Приложения: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. – изд. 2, доп. – М.: URSS, 2015. – 880 с. (Ч. 1 – 448 с., Ч. 2 – 432 с.)

⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. – изд. 3, доп. – М.: URSS, 2010. – №20. – 256 с.; Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие // Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения / ред. Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 2002. – 480 с.

устройство системы стал базисом для разработки более современных подходов¹.

2. Второй функционально-организменный подход, Л.Ф. Берталанфи² рассматривает как целый ряд обстоятельств внешнего мира, а также внутреннюю целостность живого организма как единого начала определенной системы функций³. Функционалистский взгляд на систему строится на объединении всех знаний о внутреннем мире организма, на специфике объединения отличных друг от друга его свойств, которые утверждают свой собственный концепт взаимоотношений и выражают независимость при соприкосновении с внешним миром.

В рамках данного подхода рассматривается процесс взаимодействия с реальностью, и он представлен в виде цикличного принципа и предопределяет целостность системы. Обозначенные процессы протекают в условиях локализации и сдерживания внутренних процессов посредством внешних ограничителей, что впоследствии приводит к искажениям степени интегративности системы, возрастанию роли одних функций в ущерб другим, и, наоборот, в определенные временные промежутки.

Такие исторические дисбалансы, порождающие нестабильное преобладание тех или иных элементов и их функций, обусловленных противоречивыми процессами внутреннего и внешнего характера, интеграцию и разобщенность, ведут к временной целостности. Они не могут на данный момент удовлетворить намерения современного человека в процессе его познания, стремящегося гармонизировать человеческую цивилизацию и найти пути выхода из кризиса. Б.Г. Юдин говорит, что «функционально-организменное представление... несет в себе такое

¹ Поздняков А.А. Философские основания классической биологии: Механицизм в эволюционистике и систематике. – М.: URSS, 2015. – С. 23.

² Системный подход в современной науке / В.Н. Садовский, А.И. Уёмов, М.С. Каган и др. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 30–31.

³ Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978. – С. 118.

содержание, которое не дает возможности построения предмета, характерного для общественных наук»¹.

3. Основанием исследования полноты системы в рамках третьего, структурно-реляционного, подхода выступает понятие «структура», которое рассматривает корреляцию составных частей единого целого и впоследствии специфику выполняемых ими функций. Наибольшего уровня единства и реализации элементы системы достигают в форме «структурной организации». «Структура выражает лишь то, что остается устойчивым, относительно неизменным при различных преобразованиях системы»². В основе исследования системной реальности в рамках структурно-реляционного подхода находится равенство структуры. Это ведет к тому, что система может опереться на структуру как на четко установленный свод правил, которые регулируют взаимоотношения и сходство ее элементов³. Такой принцип существования, основанный на структуре и институционализированном единстве ее элементов, наиболее всего применим к социальным системам, которые находятся в гармонии с устремлениями всего человечества.

Структурно-реляционный взгляд на систему позволяет в процессе научного познания и исследования получать информацию, которая является источником для взаимодействия различных наук – общественных, естественных и технических⁴. Наиболее оптимальным вариантом реализации структурно-реляционного подхода и принципа подчиненности системных зависимостей становится предметная сущность «больших», «саморегулирующихся систем». «Большие системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая определяет

¹ Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 212.

² Овчинников Н.Ф. Структура // Философский энциклопедический словарь. – М.: 1989. – С. 630.

³ Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований ... С. 212–213.

⁴ Там же. – С. 213.

управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей»¹.

Стоит отметить, что в рамках структурно-реляционного подхода к анализу системы установлена прямая схема подчинения составных элементов целого структурному центру, что выражается во внешних проявлениях взаимосвязи части и целого и односторонней зависимости неравнозначных элементов. Впоследствии такое устройство приводит к формированию дисгармонии и конкурирующей борьбе внутри системы, что обусловлено сопротивлением отдельных элементов строгим правилам единообразия структуры². Одним из примеров такой рассогласованности и сопротивления действия элементов и структурного центра в современном мире, выступает феномен глобального терроризма, насыщаемый различными источниками.

В технических областях науки структурно-реляционная интерпретация системы реализовалась в так называемой реляционной модели баз данных, принципы которой были впервые сформулированы Е.Ф Коддом во второй половине 1960-х годов³. Современное понимание подхода отражено в книге К.Дж. Дейта⁴. В социальных науках структурно-реляционный подход оформился, прежде всего, в структурном функционализме Т. Парсонса⁵.

4. В рамках монадологического подхода представлен более точный образ системной реальности, в котором ее основой выступает внутреннее единство ее элементарных частей. Данная структура элементов изначально опирается на «системное качество» целого и бесконечно стремится к нему как к своему итогу. «Каждая монада специфическим, только ей присущим образом воспроизводит в себе систему в целом»⁶. Определяющей характеристикой системной целостности становится ее качественная определенность. «Качество есть в первую очередь тождественная с бытием

¹ Степин В.С. Синергетика и системный анализ // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М., 2004. – С. 59.

² Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. ... С. 118.

³ Кодд Е.Ф. Реляционная модель данных для больших совместно используемых банков данных // Системы управления базами данных. – 1995. – № 1. – С. 5–21.

⁴ Дейт К.Дж. Введение в системы баз данных. – М.: Вильямс, 2006. – 1328 с.

⁵ Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 539 с.

⁶ Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований ... С. 213.

определенность, так что нечто перестает быть тем, что оно есть, когда оно теряет свое качество. Количество есть, напротив, внешняя бытию, безразличная для него определенность»¹. Качество выступает в монадологической концепции как внутреннее начало, объединяющее в себе природные всеобщие свойства системного объекта, его специфику и способность к саморазвитию, устремленности к целостности. «Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность»².

Монадологическая концепция рассматривает все элементы системы как равные и одинаково важные, объединенные между собой качественным единством возникновения. Данное единство приводит их к формированию совместной целостности, в которой баланс общего ресурса структуры и индивидуальных элементов определяется единым целым. Более того, по мнению Г. Лейбница, каждая монада наделена не только возможностью отражения целого с учетом личных характеристик, но и повторения его системы устройства и взаимозависимостей³.

По мнению В.С. Степина, в методологии системного познания важнейшим аспектом исследования полноты и содержания универсума является сочетание противоположных принципов, которые направлены как на постижение основополагающих структур и элементов, так и на изучение объединяющих параметров⁴. В связи с этим в таком научном поиске можно усмотреть взаимосвязь монадологического понимания и элементаристского. Взаимосвязь данных позиций суммирует знания о природе составных частей

¹ Гегель Г.В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. Наука логики. – С. 216.

² Степин В.С. Синергетика и системный анализ ... С. 60-61.

³ Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме / Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 405.

⁴ Степин В.С. Синергетика и системный анализ ... С. 66.

и степени их интеграции, которые дают представление о потенциале к внутреннему саморазвитию и внешнему преобразению реальности.

В основе социально-философского познания можно найти целый ряд методологических принципов, которые составляют цельную модель для освоения содержательных характеристик системы. Этому служат принципы «целостности» и «структурности», «направленности» и «иерархичности», «самоорганизации» и «целесообразности», «саморазвития» и «историчности». Обозначенные принципы выстраивают логическую цепочку движения мысли в условиях конкретных исторических и научно-методологических предпосылок, в связи с изменчивыми процессами преобладания субъективного и объективного, внутреннего и внешнего потенциала бытия.

Специфика познания обусловлена требованиями «взаимоотрицания» и «взаимосвязи», «самотождественности» и «самоотрицания», а в логическом измерении претворяется в принципах «достаточного основания» и «тождества», «исключения третьего» и «противоречия», которые отрицают исключительно теоретические аспекты изучения системы и подталкивают к принятию во внимание диалектической природы окружающей действительности, что впоследствии может привести к более полному подлинному результату познания¹.

В итоге можно утверждать, что целостное системное восприятие предметов и явлений, и их взаимосвязей может быть воплощено в жизнь в полной мере в условиях реализации саморазвития как основания существования «органической целостности» как установленной нормы системной действительности, реализующей внутреннюю гармонию при условии внешнего разнообразия.

В разное время мыслители уже обращали внимание на принцип развития и условия существования целостного мира. И. Кант считал, что в

¹ Гореликов Л.А. Идея целостности в основаниях современной научной картины мира: социально-исторический подход: дис. ... д. филос. наук: 09.00.11, 09.00.01. – Великий Новгород: 2006. – 634 с.

основании целостного бытия лежит глубочайший ресурс разума, который наполняет и определяет систему: «Под системой же я разумею единство многообразных знаний, объединенных одной идеей. А идея есть понятие разума о форме некоторого целого, поскольку им а priori определяется объем многообразного и положение частей относительно друг друга. Следовательно, научное понятие разума содержит в себе цель и соответствующую ей форму целого»¹.

О закрытой природе саморазвития глобальной системы говорил и Гегель в ходе своих рассуждений в рамках спекулятивно-логической философии. «Сама процедура порождения новых уровней организации в этой системе, – характеризует В.С. Степин механизм саморазвития в системе Гегеля, – представлена им следующим образом: нечто (прежнее целое) порождает “свое иное”, вступает с ним в рефлексивную связь, перестраивается под воздействием “своего иного” и затем этот процесс повторяется на новой основе. Важнейшим моментом этого процесса является “погружение в основание”, изменение предшествующих состояний под воздействием новых (обогащение смыслов категорий)»². По мнению Гегеля, мировая система получает абсолютную целостность на основании самоотрицания своих частных потенциалов: в процессе самоотрицания система проходит ряд повторяющихся изменений и возвращается к исходному состоянию. Этот процесс приводит к внутренним изменениям и обогащению содержания без каких либо внешних посторонних воздействий. Основным положением саморазвития целостной системы Гегель считает закон самоотрицания, который направлен на достижение универсального единства противоположностей³.

К. Маркс, представивший материалистическое понимание общественной жизни, считал, что «общество является частью природы, которая существует и развивается в результате разумной целеполагающей деятельности людей.

¹ Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; ред. Ц.Г. Арзаканян и М.И. Иткин; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – С. 486.

² Степин В.С. Синергетика и системный анализ С. 63.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – М.: Мысль, 1970–1972 – Т. 1. – 501 с.

Именно сами люди творят свою общественную жизнь, а не какие-то внешние высшие силы»¹. При этом социальную систему автор видит целостным организмом, не разделяемым на сумму элементов, существующим по собственным законам развития.

Немецкий социолог Луман предложил совершенно новый взгляд на общество и систему. Он стремился создать «живую» теорию, которая бы комплексно трактовала и раскрывала суть существования систем. В рамках своей теории Луман рассматривает три этапа в развитии системного подхода²:

1 этап – общество есть определенная целостность, подобная живому организму. При этом считается, что социальное целое больше суммы своих частей, так как благодаря взаимосвязям между частями возникают качественно новые свойства системы.

2 этап – существуют явные различия между обществом как социальной системой и организмом как системой биологической. Об этом свидетельствует тот факт, что системы бывают закрытыми и открытыми.

3 этап – развитие системного мышления связано со способностью систем к самопроизводству.

Теория Лумана основана на утверждении реально существующей системы, и в отличие от прежних концепций система в ней не рассматривается как теоретическая идеальная конструкция. Все рассуждения Лумана основаны на положении «то, что есть – система»³. Именно поэтому, значимым является то, что система тесно взаимосвязана с окружающей действительностью, из которой она проистекает. Немаловажное значение здесь приобретает различие системы и общества, которое демонстрирует границу и масштаб взаимодействия со средой.

¹ Маркс К. К критике политической экономии – Предисловие. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – 2 изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 13. – 805 с.

² Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. – М: Логос, 2004. – 232 с.

³ Озирченко Д. Некоторые понятия системной теории Никласа Лумана // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 110.

Важными характеристиками системы, в отличие от внешней среды, являются высокая степень регламентации и разделение на уровни, приводящие впоследствии к тому, что система уменьшает интегративность окружающей действительности за счет селективной реакции на внешние сигналы. В результате Луман приходит к выводу, что система способна к самоорганизации. Этот процесс он представляет в виде определенного алгоритма, который основан на безусловной зависимости системы от окружающей действительности и невозможности существования первой без последней, но несмотря на это сама суть системы не определяется внешними процессами¹.

Также Луман вводит понятие новых характеристик системы, которая способна сама себя организовать и выстроить свой собственный порядок. По мнению автора, система является самовоспроизводящейся, то есть аутопойетической. По аналогии с биологическими законами существования живой клетки организма автор предлагает рассматривать и систему. Речь идет о возможностях клетки за счет химических внутренних процессов постоянно самовоспроизводиться и не зависеть от внешнего воздействия. Именно этот принцип Луман и переносит на аутопойетические системы, которые сами производят свои элементы при помощи действующей сети таких же элементов. В дальнейшем Луман говорил, что общество является одним из примеров подобной аутопойетической системы².

При исследовании общества как системы, Луман считал, что общей теории систем недостаточно для его анализа, поэтому предложил более сложную теоретическую иерархию подходов для изучения общества³: 1) общая теория; 2) теория социальных систем; 3) теория системы общества как особого случая социальных систем.

В рамках исследования общества Луман также обращает внимание на необходимость изучения отличительных качеств социальных систем и

¹ Луман Н. Указ. соч.

² Там же.

³ Луман Н. Указ. соч.

особенностей общества как одной из таких систем. Одним из важнейших качеств системы, по мнению Лумана является коммуникация, которая выступает основой общества и воспроизводит взаимосвязь в нем. Данная точка зрения отрицает предыдущие теории, которые отводили эту роль социальным действиям и социальным ролям. Природа самой коммуникации, по мнению автора, всегда социальна, так как определяется взаимодействием как минимум двух субъектов, а сам процесс коммуникации включает в себя акты различения информации, сообщения и понимания.

Луман рассматривает коммуникацию тоже как систему и так же как и общество относит ее к аутопойетическим системам. Это происходит благодаря тому, что все элементы коммуникативной системы существуют в своем закрытом пространстве и воспроизводятся через коммуникацию. Процесс коммуникации невозможен без участия сознания, которое тоже является закрытой системой. Однако сознание не является носителем коммуникации. Так же немаловажным качеством коммуникации является ее способность к самонаблюдению. Именно благодаря этому общество обладает уникальной способностью к самоописанию. На коммуникативном уровне происходит множество одновременных актов самоописания общественной системы, но нельзя какое-либо из них называть абсолютно верным или неверным. В условиях глобализации мировой системы и совершенствования средств коммуникации Луман усматривал тенденции к уходу от региональных обществ, а всю окружающую действительность называл единой мировой системой¹.

В итоге можно говорить, что изучение целостности происходит в основном в рамках системного подхода и базируется на методологическом принципе познания, построенном на делении целого на части. Такой подход отличает саму систему от целостности и позволяет сделать вывод о более высокой роли системы в иерархической цепочке понятий. Однако подобная

¹ Луман Н. Что такое коммуникация? / Пер. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.

точка зрения скорее относительна и зависит от целей исследования целостности или системности объекта, поэтому объективно ранжировать данные категории невозможно. В мировом масштабе целое и система взаимозависимы и определяют друг друга.

2.3 Системность и целостность общества как диалектические основания экономического поведения

Целостность наряду с функциональностью и динамичностью является неотъемлемым свойством системы. В то же время системный характер явлений (в нашем случае – экономического поведения) является фундаментом его целостности. Таким образом, системность и целостность общества можно рассматривать в качестве диалектических оснований экономического поведения.

Идея о диалектике части и целого (не сводимого к сумме частей) была высказана Платоном¹, чей идеализм, по наблюдению А.Ф. Лосева, относился к материализму Аристотеля так же, как диалектика к феноменологии². Тем не менее, идея несводимости целого к сумме его частей была потеснена сначала материализмом Аристотеля («Единое само по себе не сущность чего-либо. И это вполне обоснованно, ибо единое означает меру некоторого множества»)³, а затем механистическими концепциями Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка и французских материалистов XVIII в., в которых целое сводилось к сумме частей⁴.

Позднее, в русле диалектического материализма, К. Маркс, признавая вслед за Г.В.Ф. Гегелем⁵ несводимость целого к сумме его частей¹, сделал

¹ Лосев А.Ф. Бытие–имя–космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 375.

² Там же. С. 376.

³ Аристотель. Метафизика. – М.: Эксмо, 2015. – С. 114.

⁴ Блауберг И.В. Часть и целое / Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 476.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. ... Т. 2. Философия природы. – С. 498.

упор на категорию причинности, которая нашла свое выражение, например, в принципе движения от абстрактного к конкретному. Между тем, еще в немецкой классической философии (Ф. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель)² было показано, что вопросы первичности и причинности в развитии проблемы «части и целого» в известной мере противоречат принципу системности и, по большому счету, бесперспективны в плане теории, поскольку «целое без (до) частей немыслимо; с другой стороны, часть вне целого – уже не часть, а иной объект, так как в целостной системе части выражают природу целого и приобретают специфического для него свойства»³.

Диалектический метод позволяет конкретизировать категорию целостности, не противопоставляя его понятию системы и не отделяя его от него. Диалектическая природа *целостности* объясняет глубокий потенциал и актуальность этой философской категории. Не случайно «свойство интегративности» интерпретируется как базовая характеристика целостности (И.В. Блауберг)⁴. Интеграция как квинтэссенция целостности представляет собой «дихотомное единство дифференциации и сближения» (И.А. Савченко)⁵. В интеграции сосредоточена диалектика целостности, поскольку интеграция есть «постепенное увеличение различий между первоначально самостоятельными и однородными частями, которые все более становятся сплоченными и зависимыми друг от друга. Из интеграции и дифференциации складывается эволюционный жизненный процесс» (Г. Спенсер)⁶.

В ряде случаев такие содержательно близкие понятия *всеединства*⁷ и *социальной солидарности*⁸ подкрепляют категорию целостности положительной коннотацией. Так, основными характеристиками развития

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 4. – С. 302–304.

² Шеллинг Ф.В.И. Сочинения. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – С. 352; Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. ... Т. 2. Философия природы. – С. 527–529.

³ Блауберг И.В. Часть и целое ... С. 476.

⁴ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход ... С. 75.

⁵ Савченко И.А. Интегральные критерии классификации социокультурных отношений // Савченко И.А. Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 57–62; С. 61–62.

⁶ Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. – М.: Современный литератор, 1998. – С. 554.

⁷ Треушников И.А. Русская Духовность в межкультурной коммуникации сквозь призму философии всеединства // Соловьевские исследования. – 2010. – № 4 (28). – С. 48–57.

⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Наука, 1996. – С. 285.

современного общества стали глобализм и универсализация. По ряду параметров можно обнаружить признаки *целостности* в этих процессах. Главное, что объединяет целостность, с одной стороны, и глобализацию и универсализм, – с другой, – это диалектический характер обозначенных явлений. «Глобализация разобщает не меньше, чем объединяет, она разобщает, объединяя, – расколы происходят по тем же самым причинам, что и усиление единообразия мира... То, что для одних представляется глобализацией, для других оборачивается локализацией; для одних – это предвестник новой свободы, для других – неожиданный и жестокий удар судьбы» (З. Бауман)¹. Диалектический подход позволяет обнаружить в глобализме и универсализме «систему без солидарности» и, тем более, «систему без всеединства», что не позволяет определять глобальные процессы как ориентированные на целостность.

Продолжая тему глобализации и универсализации, отметим, что именно на их фоне проявили себя сложные противоречивые процессы современности – социальные и природные, субъективные и объективные, духовные и материальные. В ряду глобально значимых вопросов, генерированных возобладавшей (начиная с XIX века) технократично-рыночной направленностью развития человеческой цивилизации, можно выделить три ведущих:

1. Выживание человеческого рода в условиях появления все новых форм оружия массового уничтожения и опасности его попадания в руки фанатиков и террористов.
2. Угроза мировой природной катастрофы на фоне роста мирового народонаселения и растущей потребности мировой индустрии в сырье и ресурсах.
3. Самый важный вопрос, в котором так или иначе интегрированы предыдущие, связан с так называемым «современным антропологическим

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь Мир, 2004. – С. 7.

кризисом»¹, который обусловлен сложностью сохранения личностного начала в отдельном человеке и в обществе в целом в условиях роста и распространения разнообразных феноменов отчуждения².

Единое начало обсуждаемых вопросов отражает такие смыслообразующие диалектические единства, как личность и общество, человек и природа, культура и натура, прогресс и традиция, «сдержки и противовесы» и т.д.

Проблема существующих противоречий раскрывается в процессе рационального самоопределения человека в мире, его адресном осмыслении целостности объективной реальности при условии ее интеграции объективных и субъективных характеристик³. Открытая рациональность отличается от закрытой особой «познавательной позицией», которой свойственен «критический рефлексивный анализ» всего интеллектуального материала, на котором базируется позиция или даже парадигма. Такая открытая рациональность, как в сфере теории, так и в различных областях практической деятельности, предполагает перманентное развитие гностических возможностей человека, расширение горизонтов постижения действительности отдельной личностью⁴. Подобный подход к рациональности воплощается в системном методе, который, опять же, представляет собой реальную *целостность* человеческой мысли, ее идейную суть. Именно категория *целостности* позволяет постичь диалектику гносеологической *определенности и неопределенности* в постижении явлений материального, духовного и социального порядка⁵.

¹ Демиденко Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека: доклад XIX Всемирному философскому конгрессу, секция «Экология и будущее жизни на Земле». – Брянск: Очаг, 1993. – 50 с.

² Кутырёв В.А. Разум против человека: (философия выживания в эпоху постмодернизма). – М.: Directmedia, 2015. – 102 с.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с.

⁵ Дорожкин А.М, Доронин Д.Ю. Гносеологическая неопределённость в научной и мифологической рациональности // Вестник ННГУ. – 2012. – №1–3. – С. 35–46.

Социально-философское познание категории целостности основано на оптимальном сочетании разнонаправленных представлений о действительности.

Первый способ субъективно-логического осмысления выражается в исследовании сущностных характеристик индивидуального сознания. Реализация данного варианта понимания основана на алгоритме воплощения в жизнь целостности как определенного примера для реализации ее логической схемы в субъективных образах сознания. Однако стоит учитывать, что выбор основных и второстепенных характеристик целостности основан также на индивидуальной специфике самосознания¹.

Кардинально отличным и более продуктивным способом понимания целостности является *второй подход* – объективно-исторический, который основан на изучении всеобщего самосознания, а не индивидуального. Именно поэтому в рамках данного взгляда сформировано представление, что признаки целостности необходимо искать в коллективной практике всего человеческого сообщества². В связи с этим В.Н. Сагатовский в своих теоретических изысканиях утверждал, что сущностным и определяющим центром неповторимой природы мировой целостности является бесконечная мощь божественного Абсолюта (образа, вдохновлявшего Гегеля и Шеллинга³), который не зависит от логики индивидуального самосознания и утверждает его границы⁴. «Абсолют как безусловное в-себе-бытие есть положительное ничто... Переживание присутствия Абсолюта, того, что он Есть (“эффект присутствия”) – это глубинное общение с Абсолютом, которое, как и сам Абсолют, существует, но остается непостижимым и невыразимым... Единственное общее знание об Абсолюте есть ”знание о незнании”»⁵. Здесь обнаруживаются явные параллели с концепцией

¹ Гореликов Л.А. Указ. соч.

² Там же.

³ Кричевский А.В. Образ Абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. – М.: ИФ РАН, 2009. – 198 с.

⁴ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁵ Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (философские основы мировоззрения) ...С. 179.

«философской веры» К. Ясперса¹, которая интегрирует «знающих о своем незнании» и становится таким образом условием внутриличностной и общественной целостности².

Особенность познания специфики и масштабов Абсолюта в рамках человеческого самосознания предопределяет наличие в его содержании разнонаправленных характеристик и потенциалов, которые выражаются впоследствии в его бесконечной непостижимости. Из этого следует, что целостность является основой для реализации абсолютного в реальной действительности и становится базовой характеристикой всеобщности³.

Качественное исследование базовых характеристик мировой целостности показывает, что она, в первую очередь, не характеризует какие-либо конкретные объекты, а скорее определяется в зависимости от условий конкретного исторического периода, научных принципов и стиля мышления⁴.

В связи с этим важно рассмотреть подход И.В. Блауберга в отношении взаимосвязи свойств целостности и противоречивой сущности системной реальности. Автор впервые обозначил определяющее место целостности при формировании системы в целом и ее отдельных свойств в отдельности. И.В. Блауберг говорит, что целое представляет объект, способный к объединению характеристик⁵. Понятие «целостность» (*wholeness, die Ganzheit, la integrite*) в отличие от «целого» характеризует внутреннее содержание и творческое основание конкретного объекта как завершенного целого. По мнению И.В. Блауберга, целостность выступает в качестве цели и условия осмысления целостных объектов. Такие возможности целостность приобретает благодаря

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во политической литературы, 1991. – С. 26, 47, 430, 465.

² Савченко И.А. Интегральная идентичность и тестовый метод // Обучение, тестирование и оценка. – Н.-Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. – С. 135–139; 139.

³ Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения) ...С. 179.

⁴ Там же. – С. 184.

⁵ Гореликов Л.А. Указ. соч.

характеристикам устройства, основанного на двухступенчатой структуре, включающей в себя актуальное и потенциальное знание¹.

Изучая иерархию свойств целостных объектов, И.В. Блауберг на ведущую позицию помещает «интегративность». В данном понятии целостность находит специфическую возможность приобретения новых отличительных характеристик, не свойственных ее отдельным элементам, а возможным в своем проявлении только при условии соединения и взаимодействия². Смысл целостности выступает как единство противоположностей. Стоит отметить, что логическое построение и постижение конкретной целостности проходит определенные этапы, выражающиеся на начальной стадии осмысления категориями части и целого, которые определяют вектор социально-философского познания. На последующем этапе происходит обращение к изучению части и целого по отдельности, что дает возможность на завершающем этапе соединить все результаты познавательного процесса и вычленить «конкретное целое»³. Целостность благодаря способности «соединять» становится основой для реализации потенциалов саморазвивающегося конкретного целого. В связи с этим для научного познания становится важным вопрос трактовки категорий части и целого⁴.

Используя в качестве историко-философского критерия преобладающую в ту или иную эпоху интерпретацию проблемы части и целого, можно выделить три продолжительных периода: «нерасчлененное восприятие целого», свойственное Античности, аналитическую стадию (Новое время; до середины XIX в.), синтетическую стадию (XIX–XX вв.)⁵.

Философия Нового времени демонстрирует своим методологическим содержанием равноправное сочетание противоположностей, в контексте которого рационализм находит свои основания в категориях целого, а

¹ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход ...С. 159.

² Там же. – С. 75–76.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Тарасюк Л.С. Осмысление проблемы целостности через категории «часть» и «целое» // Грані: Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – 2014. – № 7. – С. 17.

эмпиризм исходит из положений частного. Немецкая классическая школа избегает такого жесткого разделения в научном поиске и пытается объединить полярные взгляды в одном подходе, который также видит основой и сущностью целостности способность к саморазвитию. Как отмечал Гегель, природа может выступать базисом для формирования исключительно ограниченной целостности, а базисом универсальной целостности может выступать духовная жизнь человеческого общества, которая утверждается как всеобщность и метод реализации саморазвивающейся органической целостности¹.

С точки зрения И.В. Блауберга и Э.Г. Юдина, «часть и целое характеризуют роль данных категорий в сумме предметов и явлений, а также связь, которая соединяет эти предметы, что в последствии проявляется в возникновении новых качеств, не характерных предметам в условиях их изоляции»². Подобная скореллированность предметов, обладающих необходимым ресурсом внутреннего единства, и обозначается понятием «система». Понятие «система» совершенно по-другому позволяет взглянуть на взаимоотношения целостности и целого. Оно позволяет представить их в равнозначном поле как взаимодействие «органических» и «суммативных» систем, которые рассматривают взаимосвязь целого и частного в открытой форме, способной продемонстрировать сущностное содержание целостности посредством множественности внешних функций частей и их умения саморазвития³. Категория системности рассматривается как способность к интеграции и иллюстрирует отношение к системе без дальнейшей дифференциации⁴.

По мнению И.В. Блауберга, взаимоотношения системности и целостности по природе своей диалектичны и соотносятся как явление и сущность, как локальное и универсальное единство противоположностей⁵.

¹ Гореликов Л.А. Указ. соч.

² Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании ... С. 16.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Блауберг И.В., Юдин Б.Г. Понятие целостности и её роль в научном познании ...С. 18.

⁵ Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход... С. 80.

В.Г. Афанасьев объясняет и рассматривает их взаимодействие в другой плоскости. Он описывает «системность» как более масштабный объект по сравнению с целостностью¹. Однако И.В. Блауберг предъявляет более жесткие требования к сущности системной реальности и определяет, что отличительными характеристиками системных образований, выступает тесная и отрегулированная взаимосвязь между его элементами, которая становится основой целостности². В связи с этим, простое сложение отдельных элементов в единую систему, по его мнению, не является гарантом полноты и чистоты системы.

Иной взгляд на категории системности и целостности предлагает Г.А. Югай, который делает акцент на близости и тесной взаимосвязи данных элементов. Однако стоит отметить, что обозначенные взаимосвязи могут носить разнородный характер, а сущность целостности выражается в неделимости, и внутреннем единении элементов³. «Система есть связь элементов. Что касается целостного характера системного образования, то это положение требует существенного уточнения, так как... целостность присуща не всякому системному образованию. Системы могут быть целостными и нецелостными, любое целое есть система, но не всякая система есть целое».⁴

С точки зрения М.И. Сетрова, системность является сущностной характеристикой целостного подхода, который только поверхностно может рассматривать реальность на основании субъективных предпосылок. По мнению автора, процесс рационального мышления основан на замещении несодержательной категории целого сущностным глубоким понятием системы. В дополнение М.И. Сетров утверждает, что базисом существования системной реальности выступает категория «организация», которая

¹ Афанасьев В.Г. Проблема целостности в философии и биологии. – М.: Мысль, 1964. – С. 8.

² Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход ... С. 75–76; С. 136.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Югай Г.А. Диалектика части и целого. – Алма-Ата: Наука, 1965. – С. 96.

объединяет целостность и системность в более емкое образование – органическую целостность¹.

Необходимые характеристики системной реальности были проанализированы В.Н. Садовским, распределившим их по трем группам – основные свойства (группа А), специфицирующие (группа В) и поведенческие (группа С). В группу «А» В.Н. Садовский включил признаки, с помощью которых можно описывать внутреннее наполнение системы. Ко второй группе В.Н. Садовский отнес признаки, обрисовывающие особенные системные свойства. В третьей группе «С», по мнению автора, находятся признаки, относящиеся к поведению системы². Свойство целостности относится к третьей группе системных признаков, определяющей ее поведенческие возможности.

Таким образом, концепция целостности утверждается в социально-философском познании наряду с эволюцией системной методологии и является ее творческим основанием³.

В современном обществе наблюдается некоторый поворот к пересмотру исходных классических научных представлений о предпосылках и факторах целостности и системности. Это связано во многом с социально-коммуникационным поворотом в развитии обществоведения. В этом случае исследователи стали больше внимания уделять коммуникативной реальности и ее роли. Для С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, А.Ф. Лосева, М. Хайдеггера⁴ примером подлинной реальности, демонстрирующим в реальном мире смысловую «цельность» всякого существования, обладает Язык. Поэтому отличительные черты языковой реальности способны к адекватному усвоению индивидуальным сознанием только в рамках системной методологии. Данный подход обеспечивает возможность эффективно

¹ Сетров М.И. Организация биосистем. Методологический очерк принципов организации живых систем. – Л.: Наука, 1971. – 275 с.

² Садовский В.Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем ... С. 35–54; С. 41.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

⁴ Булгаков С.Н. Философия имени. – М.: Наука, 2008. – 448 с.; Флоренский П.А. Имена. – М.: Азбука; Авалон, 2011. – 367 с.; Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология // А.Ф. Лосев. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.; Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет. – М.: Академический проект, 2015. – 447 с.

осмыслить разумом «системное целое», а также способствует саморазвитию, претворяющему разнообразие собственных характеристик на основе их внутреннего согласия. Язык как целостность не только специфичен, но и всеприменим, и в этом его двойственная природа. Философская традиция, в русле которой язык рассматривается как дихотомный фактор целостности общества, продолжается и развивается и в наши дни¹.

В эпоху глобализации язык выступает в качестве средства маскировки, камуфляжа неопределенности, невнятности в сфере экономики и политики. «Мы действительно живем в некой усредненной и смутной понятности бытия», – говорит Хайдеггер². Но эта бытийная понятность, по его мнению, лишь демонстрирует непонятности, ибо смысл бытия в ней окутан тьмой. Здесь лежит загадка, которая доказывает необходимость проникновения в тайну бытия³.

Булгаков находил определенные упущения в формировании целостного философского миропонимания в том, что «вся новейшая философия, кроме Лейбница, прошла мимо языка, можно сказать, не заметив проблемы слова. Ни Кант, ни Фихте, ни Гегель не заметили языка и потому неоднократно являлись жертвой этого неведения»⁴. Для С.Н. Булгакова «имя» – интегральная единица, обеспечивающая целостность знаний о мире. Речевой этос, названия вещей, имя (в целом, всеобщем) – это то, что этому негативизму и отрицанию бытия в целом еще сопротивляется.

У Павла Флоренского «имя» выступает как внешнее определение целостности и характера личности, предмета или явления. Диалектика формы и внутреннего содержания имени формирует его целостность и нераздельность. Изменение имени может трансформировать целостность и сущностные характеристики личности, предмета или явления⁵.

¹ Образование. Культура. Язык... С. 259–264.

² Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет... С. 3–4.

³ Моторина Л.Е. Фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера // Вестник ВятГУ. – 2007. – №18. – С. 20.

⁴ Булгаков С.Н. Философия имени. – М.: Наука, 2008. – 448 с.

⁵ Флоренский П.А. Имена... С. 12.

«Философия имени» А.Ф. Лосева (которая в рабочем варианте имела название «Диалектика имени»)¹ являет собой диалектически сконструированную целостную систему философии языка. Философ рассматривает концепцию *Имени* диалектически, как способ живой социальной интеракции. Представляя диалектику наилучшим методом постижения сущности Имени, Лосев считает ее «ритмом самой действительности», поскольку она дает «абсолютную ясность и строгость мысли»².

А.Ф. Лосев культивирует идею диалектики *самосознания* («бытия-для-себя») и *бытия*, получающих целостность в слове как *эйдосе* вещи. Лосев пишет: «Материалисты прекрасно знают, что существует и сознание, и душа, но только они хотят сознательно удушить и сознание, и душу. Не логика, очевидно, приводит их к этому, но определенный злобный аффект вопреки всякой логике и при сознательном игнорировании всякой логики»³.

М. Хайдеггер⁴ в своих теоретических изысканиях осуществлял поиск в языке всеобщего средства целостного восприятия, отражения и понимания действительности, что в итоге привело его к выводу, что язык выступает «домом бытия». Однако симпатии Хайдеггера по отношению к феноменологии и отсутствие в его концепции демонстративного интереса к диалектике создают впечатление, что «Хайдеггер не замечает головокружительной бездны диалектического процесса: нет критерия истины, постепенно настроенного в процессе болезненных опытов; этот критерий сам связан в процессе, подрываемом снова и снова»⁵. Несмотря на это, многие исследователи находят в работах Хайдеггера характеристики целостности и диалектики: «Бытие-сознание функционирует так, что имеет дело с авторефлексивностью, с антиномичными формами скрытого

¹ Ильиных В.С. Концепция диалектики в философии А.Ф. Лосева // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 7. – С. 21–23; 22.

² Лосев А.Ф. Философия имени... С. 181–182.

³ Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология... С. 214–298; 228.

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет... С. 199.

⁵ Жижек С. Гегель против Хайдеггера: дно делится на два: Негативность, Диалектика и Отклонение // Г.В.Ф. Гегель. Тексты и комментарии. – URL: <http://www.hegel.ru/zhizhek1.html> (дата обращения: 07.11.2017).

существования (смысловых) объектов. Но так как бытие-сознание включено, по Хайдеггеру, в бытие вообще, скрытое существование объектов подлежит раскрытию во времени, то есть потаенное становится непотаенным по ходу времени. В этом и состоит суть подлинной диалектической логики»¹.

В диалектических умозаклчениях Хайдеггера находятся очевидные парадоксы неотвратимости прогресса и сопровождающих его духовных потерь, а также признаки интегрирующего и дезинтегрирующего воздействия глобального рынка на человечество. Можно сказать, что диалектическая логика Хайдеггера – это оригинальный способ объединения феноменологии с диалектикой с целью преодоления «недостатков старой философии» (главным идейным оппонентом Хайдеггера, как мы знаем, был Гегель) и поиска пути сохранения человеческого рода как целостности в условиях технологизации, глобализации и рыночной культуры.

Идею о целостности как сущностном, креативном фундаменте мировой реальности, определяющем ее системные характеристики, рассматривает В.Н. Сагатовский. В своих исследованиях автор делает попытку поиска определяющих понятий бытия. Универсум в данном контексте выступает в качестве парадоксальной интеграции целого и частного. «Кроме элементов и структуры в нем есть некая неразложимая целостность, и именно во взаимодействии с ней любая часть мира, изначально не будучи абсолютно изолированной, порождает свои эмерджентные (не сводимые к свойствам элементов состава и отношения между ними) качества»².

Идея целостности, описывая сочетание в сущностном основании в одной действительности конечного и бесконечного планов бытия, показывает спутанность, парадоксальность сущего³. Данные парадоксы мышления обретают свою допустимость в аргументах единства противоположностей всеобщих законов бытия, устанавливающих качественные границы беспредельной действительности. «Форма

¹ Антипенко Л.Г. Диалектическая логика в свете фундаментальной онтологии М. Хайдеггера // Институт философии РАН. Официальный сайт. – URL: <https://iphras.ru/page49752799.htm> (дата обращения: 07.11.2017)

² Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения) ...С. 23.

³ Гореликов Л.А. Указ. соч.

всеобщности, – по определению Ф. Энгельса, – есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности... Форма всеобщности в природе – это закон»¹. В основании любой целостности лежит закон творчества, который позволяет реализовать сущностную природу через объединение двух сил, выраженных через способность создателя и создаваемого. «"Творящее" и "тварное" начало не разложены по полочкам, они присутствуют в любом сущем и в любом состоянии "всего мира", "мира в целом"... Мир, следовательно, в принципе сверхсубстанционален – в этом суть его открытости»².

Из вышесказанного следует, что базисом целостности бытия выступает диалектическая интеграция противоположностей, которая существует в условиях сложноустроенности окружающей действительности. По мнению В.Н. Сагатовского, бытие может приобретать различные формы существования, от относительной до абсолютной. Автор называет данные формы «коррелятом и абсолютном...». При этом «коррелят» В.Н. Сагатовский рассматривает в виде двух форм, которые могут проявляться в объективной однолинейной и субъективной полиинтерпретируемой³. Для нас это важно в том аспекте, что постмодернистская теория познания, ориентированная на исследование субъективных форм социального бытия, может в более полной мере отразить социальную действительность, направленность развития и особенности влияния человеческого поведения на целостность общественной системы.

Постмодерн в отличие от классической теории, опирающейся на линейный детерминизм, обращается к новым цивилизационным характеристикам и тенденциям. Кардинально меняются представления о системности, целостности и эволюции развития общества. Социум XXI вв. выступает в виде многообразного фрагментарного феномена. «В условиях позднеиндустриального общества преобладает культурный процесс

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О диалектическом и историческом материализме. – М.: Политиздат, 1984. – С. 189.

² Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии: (филос. основы мировоззрения) ... С. 58.

³ Там же. С. 60.

постмодерна, предполагающий разрушение целостности мировоззренческих систем, что затрудняет их диалог и ведет не к синтезу, а к хаотическому смешению, чреватому мировоззренческой дезорганизацией и социально-политической непрочностью»¹.

Ж.-Ф. Лиотар², анализируя постмодернистское состояние общества, говорит, что в нем приняты открытость, отсутствие жестких иерархий и противопоставлений. Роль субъекта также пересмотрена, так как, несмотря на то, что он позиционируется более независимым и автономным, в реальности индивид становится «фрагментированной», не целостной личностью, для которой характерна не только реальная, но и символическая деятельность. Интерпретаторы постмодерна утверждают, что общество переходит к новым принципам существования – от способа производства к обществу, контролируемому кодом производства. В современном обществе господствуют символы и знаки (Ж. Бодрийяр)³.

Постмодерн отвергает возможность прогнозирования будущего состояния социума и его эволюции. В большей степени это связано не с разнообразием альтернатив, а, скорее, с их отсутствием по причине отрицания целостности и системности общества и впоследствии индивида. С точки зрения Т.А. Алексеевой, «рождение постмодернизма связано с кризисом современности. Глубокое разочарование в ценностях «проекта Просвещения»⁴, падение любых авторитетов сопровождается параллельным «околдовыванием» общества идолообразующей, гедонистической культурой потребления»⁵. Действительно, новая идеология, рассматривая основные проблемы развития современного общества, указывает на тотальное потребительство и формирование им «выбрасывающего общества»⁶. При

¹ Россия и мир в 2020 г. / ред. и послесл. А. Шубина. – М.: Европа, 2005. – С. 202.

² Lyotard J.-F. La Condition postmoderne: rapport sur le savoir. – Paris: Minuit, 1979. – 109 p.

³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

⁴ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецов. – М.–СПб: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

⁵ Алексеева Т.А. Лики российского постмодернизма // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – № 4. – С. 23.

⁶ Ирхин Ю.В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. – 2006. – № 4. – С. 148.

этом потребление приобретает признаки цикличности в зависимости от моды, предпочтений, стиля жизни и социального статуса.

Зигмунт Бауман в контексте описания трансформаций общественной системы и культуры обращает внимание на важные проблемы переориентаций в системе управления социумом, смещение от центра к разрозненным контролирующим источникам. Автор говорит, что «...постсовременность отличается нестабильностью и ощущением ненадежности, свертыванием роли государства и торжеством глобального рынка, который обещает свободу выбора, но заставляет людей опасаться за свое будущее, подозрительно относиться ко всему рациональному, особенно к экспертам, которые утверждают, что они лучше, чем кто-либо, понимают происходящее. Для постсовременности характерна тенденция к замене контроля государства контролем потребителя, испытывающего при этом все соблазны консьюмеризма; характерна необходимость жить в мире полном двусмысленностей и неопределенности»¹. Главным источником реальной власти в современном обществе Бауман называет рынок, что говорит о преобладающей роли экономического поведения в социальных отношениях, которое, с точки зрения постмодернистов, перестало быть инструментом чистого экономического обмена, а приобрело новые характеристики и значение. 3. Бауман, характеризуя особенности «постмодерна», рассуждает о взаимосвязи «власть – рынок – потребитель». «Регулярность человеческих поступков, сохранение и воспроизводство рутины современной жизни превосходно обходятся сегодня без мелочного вмешательства государства. С насущными нуждами, которые некогда требовали трудоемкого обеспечения общего согласия с помощью устрашения попеременно с идеологической индоктринацией, теперь справляется рынок, который ничего так не боится, как единообразия склонностей, вкусов и верований. Вместо нормативного регулирования поведения обывателя – соблазнение потребителя; вместо насаждения идеологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры

¹ Bauman Z. Postmodernity and Its Discontents. – Cambridge: 1997. – P. 12.

и пресс-бюро»¹. Все описанные процессы свидетельствуют, что роль индивида возрастает, перераспределяются роли в социальной системе, поведение становится источником не только информации, но и действенным механизмом социальных процессов.

Однако интерпретаторы постмодерна в данном вопросе весьма скептически относятся к усиливающейся роли человека, так как считают, что его мышление подвержено воздействию кода сигнификации (смысла) (Ж. Бодрийяр), осуществляющего контроль как над предметами, так и над индивидами общества. «Потребление... – пишет Бодрийяр, – является систематическим актом манипуляции знаками... чтобы стать предметом потребления, предмет изначально должен стать знаком»². На основе данных наблюдений автор приходит к выводу, что основой социальной дифференциации становятся потребляемые знаки. По мнению Бодрийяра, символический обмен становится основополагающей универсалией современного потребительского общества. Происходит отмирание социальных правил, регулировавших человеческие отношения, наступают антирационалистические патологии. Наблюдается ценностный перекося в сторону гедонизма и индивидуализма, что также влияет на целостность личности и ее роль в социальном эволюционном процессе.

В результате нельзя утверждать, что постмодерн в полной мере может объяснить диалектические основания системности общества и их проявления в экономическом поведении, но он достаточно широко рассматривает проблемы кризиса и непредсказуемости социальной системы, индивидуализированного и фрагментированного индивида. Новый подход иллюстрирует, что развитие человеческой цивилизации идет в направлении утверждения мира симуляций и симулякров, которые буквально распространились на все сферы общественной жизни³. Выделен возможный вектор позитивного развития, основанный на формировании гуманизма,

¹ Бауман З. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 73–74.

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – С. 52.

³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. – М.: Постум, 2015. – С. 56.

либерализма и воспитании действующего творческого индивида-интеллектуала.

Из вышесказанного следует вывод, что диалектическое родство между параметрами системы и целостности присутствует. Целостность социальной системы определяет ее развитие и сопровождает процесс формирования. Особое значение здесь приобретает целостность информационно-знакового структурного уровня социальной системы, на котором зарождается новая цель существования системы и который является итогом коллективной деятельности людей. Эта целостность на сегодняшний день все более разрушается и дезориентируется. Присутствие структурной целостности (зачастую утрачиваемое) позитивно сказывается на сохранении компонентной целостности, то есть на продуктивном взаимодействии между отдельными подсистемами общества.

Целостность личности в современном обществе подвергается трансформации и дроблению, взаимодействие приобретает новые формы, основанные на символическом обмене, преобладающей формой поведения становится потребительство. Модерн закрепостил личность, отрицал ее свободу, индивидуальность и внутренний потенциал самореализации. Постмодерн создает иллюзию свободы и индивидуализации, творчества, заменяя их символами и виртуальной реальностью, манипулирующей сознанием индивида. Все эти процессы напрямую влияют на эволюцию социальной системы и на ее целостность.

Немаловажным фактором выступают прогресс социальной системы и его влияние на ее структурное состояние. Если развитие принимает экстенсивно-экспансивную форму, это может приводить к нарушениям целостной социальной системы по причине внешнего воздействия. Иная ситуация характерна для интенсивно развивающихся социальных систем, которые переходят от одного целостного структурного состояния к другому более высокому уровню развития и в итоге прогрессируют.

Глава 3. Интеграция социального и индивидуального в экономическом поведении

3.1 Между открытостью и однородностью: две концепции целостности

Современная цивилизация проходит путь коренных преобразований, которые направлены на качественный скачок на новую ступень своего развития, выраженного в постиндустриальной форме. В новых условиях первоочередное значение приобретают глобализация, креативность и инновации как фактор интенсивного производства¹.

На первый план выходит изучение перспектив общественного развития, особенностей поведения, менталитета и духовного содержания человека в современном мире. Исследование активного взаимодействия человека с окружающим миром и природой, несмотря на глобально унифицирующие тенденции, может способствовать сохранению культурной уникальности различных народов и государств в контексте мировой интеграции.

Первопричину глобального кризиса современного мира и происходящих коренных изменений многие ученые видят в конфликте человека и природы, что в итоге может выразиться в виде техногенной катастрофы и стать угрозой для всего живого на земле. Согласно исследованиям академика С.П. Капицы «мир находится на пороге грандиозного качественного скачка»², но возникает закономерный вопрос – будут ли способствовать эти качественные изменения прогрессу общества и

¹ Ерофеев И.В. Постиндустриальное общество: становление новой социальной реальности в контексте отечественной модернизации: автореф. дисс... канд. филос. наук: 09.00.; Твер. гос. ун-т. – Саранск, 2008. – С. 3.

² Капица С.П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле: Очерк теории роста человечества. – М.: Изд-во Ин-та физ. проблем, 1999. – С. 86.

его реорганизации в рамках гуманистической культуры, основанной на человеческом разуме.

Высказанные опасения по поводу современных общественных процессов обусловлены двумя разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, они выражены глобализацией как инструментом интеграции различных обществ, культур и рынков в единое унифицированное пространство. С другой – постмодерном как социокультурным периодом¹, основанный на дезинтеграции и хаосе, при котором формируются потребительские практики, утрачиваются и разрушаются механизмы единства и целостности общества.

Теория систем в данном противостоянии выступает определенным компромиссом и позволяет сформировать представление о порядке, формирующемся из хаоса². По этому поводу В.А. Кутырев в своей работе «Борьба миров» высказывает опасения за будущее человечества вообще, так как «люди по своему образу жизни будут – уже начинают – существовать в разных мирах: ориентированном на природу и культуру, с одной стороны, и на технику и информацию – с другой. Культура организует естественное, опирается на него, технический мир по своей сути – искусственный. Эти миры все больше обособляются и вступают в конфликт друг с другом, между ними идет борьба за влияние, за превращение во всеобщность. Борьба идейная и практическая»³. Рассматриваемый конфликт проявляется не только на социальном уровне, но и на личностном. Противоположные векторы развития формируют искаженное восприятие реальности, фрагментируют и размывают целостность и индивидуальность личности.

Проблема целостности во всех ее проявлениях, как в естественнонаучных, так и в социальных системах, выступает важнейшей детерминантой становления и сохранения их устойчивого развития, так как нецелостная система не способна к сколь-либо длительному существованию.

¹ Савченко И.А. Многоэтничное общество: в поисках маршрута интеграции. – М.: Инфра-М, 2011. – С. 98.

² Пригожин И.Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса. – М.: Прогресс, 1986. – С. 86.

³ Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. – М.: Директ-Медиа, 2014. – 295 с.

Анализ глобализационной стратегии современного мира показывает, что стремление поглотить и использовать для своего существования всевозможные рынки, товары и услуги выступает не единственной целью. На первый план выходит влияние на индивида и совокупность его различных потенциалов с целью встраивания его в систему глобализма. При этом контроль осуществляется в основном в рамках экономической сферы, которая задает тенденции и диктует образцы поведения, транслируемые на всю жизнедеятельность человека. Это впоследствии не дает человеку возможности проявлять в полной мере свою человеческую сущность и быть полноценной частью целостного мира. Данная ситуация приводит к необходимости переосмысления принципов протекания современных социальных процессов посредством применения поведенческого подхода и системы различных взаимосвязей.

Поэтому идея единого мира может быть реализована только при условии целостности не только общества, но и самого человека. В.С. Степин отмечает, что «длительное время идея этого единства существовала как идеал. Но в последней трети XX века возникли реальные возможности объединения представлений о трех основных сферах бытия – неживой природе, органическом мире и социальной жизни – в целостную научную картину на основе базисных принципов, имеющих общенаучный статус»¹. И такой подход к человекопониманию может способствовать выработке концепции гармоничного будущего для человечества в сочетании индивидуального и целостного бытия. Такое понимание единого мира значительно расходится с сущностью процессов современной глобализации и унификации, ориентированных на консьюмеризм. С точки зрения В.Е. Кемерова, «Без учета индивидной структуры социальности невозможно продуктивное решение задач интенсивного развития общества и, соответственно, качественного использования всех его ресурсов»².

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 641.

² Кемеров В.Е. Гуманитаризация обществознания: методологические перспективы // Социоемы. – 2005. – № 11.

Целостность современного общества, по мнению С.А. Лебедева, в истории философии трактуется в рамках двух тенденций. С одной стороны, целостность понимается как всеобъемлющая достаточность, которая сочетает в себе все элементы целого и их взаимосвязи, а с другой – целостность представлена в виде свойства, характеризующего внутреннее содержание и особенности объекта. При этом всестороннее изучение целостности как объекта приобретает особенный смысл в условии необходимости извлечения комплексного знания о нем с учетом структуры и противоречивости¹.

Анализ философских концепций XX века позволяет обнаружить два основных направления в исследованиях категории целостности и, соответственно, две философские парадигмы осмысления данного явления – структурно-функциональную и конфликтологическую.

В контексте структурно-функциональной парадигмы целостность – это единство гармонического взаимодействия различных структур и функций. Как отмечает Т. Парсонс, центральным понятием изучения социальной системы выступает «структурированный нормативный порядок, посредством которого организуется коллективная жизнь популяции. Как порядок, он содержит ценности, дифференцированные нормы и правила, причем все должно соотноситься с культурой для того, чтобы быть значимым и легитимным»². Из определения социальной системы становится очевидным несоответствие современной реальности выдвинутым положениям Т. Парсонса, то есть ценностным и культурным основаниям нормативного порядка. Дисгармония социума проявляется в гипертрофировании материальных ценностей, гедонизма, массовой культуры.

В рамках конфликтологической парадигмы общество рассматривается как целостная система, для которой характерны постоянный конфликт и высокий уровень рискогенности. К. Маркс представляет «общество как структурно-интегрированное целое. Любой аспект этого целого – будь то

¹ Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. – М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.

² Парсонс Т. Общий обзор / сокр. пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского; ред. и вступит. ст. д-ра филос. наук Г.В. Осипова // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 371.

своды законов, системы образования, религия или же искусство – не может быть понят сам по себе»¹. Причем экономический аспект в более ранних его работах является наиболее приоритетным, а в более поздних – становится в один ряд с другими. «Политическое, правовое, философское, литературное и художественное развитие зиждется на основе экономики. Но все они действуют друг на друга и экономический базис. Не следует считать, что экономическое положение является единственным активным фактором, а все остальные факторы оказывают лишь пассивное действие. Скорее следует считать, что существование взаимного воздействия в области экономической необходимости в конечном итоге всегда доказывает свою правомерность»².

Г. Зиммель также рассматривал понятие целостности, которое распространилось и на целостность общества, и на целостность человека. «Каждая из областей есть часть жизни, в меняющихся комбинациях, как главное и второстепенное, они составляют в своей совокупности единство целого индивидуального или общественного бытия. Но каждая из них есть и целый мир»³. Как представитель конфликтологической парадигмы Зиммель считал, что взаимное «отталкивание» помогает сохранять целостность социальной системы, устанавливая равновесие между ее различными группами⁴. В данном контексте разделение мира индивидуального и мира социального вполне обоснованно и действительно несет в себе гарантию полноты данных элементов. Однако в современных условиях можно наблюдать проблемы, возникающие как на уровне стремления индивида к индивидуальной завершенности, так и на уровне его взаимодействия с социумом, постоянно стремящемся его поглотить и манипулировать им.

Развивая идею рискогенности общества в рамках конфликтологического подхода, Э. Гидденс утверждал, что в условиях

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Гос. изд. полит. лит. 1954–1966. – Т. 6. – С. 442.

² Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании. Сентябрь 1844 – Февраль 1846 / Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1952. – С. 304.

³ Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2. – С. 256.

⁴ Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – С. 54.

социума риск проявляет себя не только в период трансформаций и нестабильности, а также во времена покоя. Образованная «среда риска» отражается в угрозе насилия, бездуховности, отсутствии смысла и развития человеческой реальности¹. Данные характеристики вполне можно отнести к современному социуму и описать его как «рискогенное», что говорит о необходимости снижения рисков и причин, их стимулирующих.

Проблема динамического характера общемировой целостности накладывает определенный отпечаток на требования к современному философскому дискурсу. С.Л. Катречко отмечает: «Особенностью философской деятельности, в отличие от науки, является работа с особыми, нефизическими объектами – целостностями, которые конституирует философ»². Зиммель пришел к выводу, что философом может быть только та личность, которая способна видеть и рефлексировать целостность современного мира. При этом Зиммель акцентировал свое внимание на том, что человеку необходимо переключать свое внимание с мелочей на более глобальные вопросы бытия³. Автор отмечает, что «...какого бы специального вопроса логики или морали, эстетики или религии ни касается философ, он делает это потому, что в вопросе этом обнаруживается связь с целостностью бытия»⁴.

Другим важным аспектом в процессе осознания принципа целостности является диалектика противоположностей личного и общественного, которая была отмечена М. Хайдеггером. М. Хайдеггер определяет специфику бытия человека в мире словами Новалиса: «Философия – это ностальгия, тяга повсюду быть дома»⁵. Именно утрата целостности человека послужила причиной множества социальных разладов и рисков. По мнению Х. Ортега-

¹ Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity, 1990. – P. 102.

² Катречко С.Л. Рефлексивный подход к исследованию феномена целостности / Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты (философия). – М.: Фонд Сороса, 1996. – С. 152.

³ Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни ... Т 2. – С. 567.

⁴ Там же. – С. 565.

⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 141.

и-Гассета, человек повсюду обнаруживает свою нецелостность: «Его бытие – это вопль калеки, утратившего свою целостность, его тоска по отнятому»¹.

Внутренне согласованный, целостный и интегрированный индивид, успешно вписывающийся в требования системы, представляет собой сформированную личность, устроенную из элементов и взаимосвязей, действенных в условиях социального устройства. М.С. Каган считает, что целостность объединяет субстратный («всесторонность») и структурный («гармоничность») аспекты личности².

Источником целостности личности может быть развитие системного мышления, которое бы позволило содержательно приблизиться к осознанию и обретению мировой целостности. Современный научно-технический прогресс позволил человечеству шагнуть далеко вперед по сравнению с предшествующими поколениями в области развития технологий, науки, экономики и производства, и эти факторы обусловили формирование определенного типа личности, который адаптирован не к целостной научной картине мира, а только к ее узким сферам, в частности к экономической. Финский исследователь И.У. Мяки говорит, что «...Мы можем думать об экономическом мире как отличающемся от других миров (физический мир, биологический мир, мир эстетики) на основании того, что он состоит из специфических объектов или свойств»³. Впоследствии «экономический мир» порождает специфические черты современного человека, которого обвиняют в одномерности мышления, излишнем потреблении, эгоизме и отрыве от природы.

Целостный подход к формированию гармоничной личности предполагает наличие определенных свойств, которые необходимо интегрировать. В.С. Ильин отмечает, что, «с одной стороны, культурная сущность человека является системообразующим компонентом его целостности, с другой – целостность личности характеризуется в связи с этим

¹ Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / пер. с исп. А.М. Руткевич. – М.: Весь мир, 1997. – С. 164.

² Боротко Н.М. Пространство воспитания: образ бытия: монография / науч. ред. Н.К. Сергеев. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 35.

³ Mäki U. The What, Why, and How of Economic Ontology ... P. 3–14.

строгой иерархией, упорядоченностью, системностью ее основных компонентов и подструктур... Система внутренних противоречий целостной личности – это зарождение, утверждение, становление внутри функционирующей целостности новой, более совершенной целостности»¹. Это говорит о том, что в человеке необходимо формировать весь спектр необходимых качеств, которые имеют отношение не только к сфере экономических знаний и навыков. А впоследствии данные качества еще должны находиться в гармонии и развитии.

Целостность как свойство социальности отражается в общественной природе человеческой личности. Основной ее ролью становится объединение различных составляющих при становлении отдельной личности и адаптация к внешним факторам окружающей действительности². При этом целостность наделяет объекты способностью индивидуального анализа бытия³. Социальность личности можно изучить и осмыслить через простые акты и поведение людей, которые отражают современное состояние общества как работающей целостной системы и определяют место человека в этой системе. Организующей силой поведения современного индивида является индивидуальный эгоизм и экономическая выгода. Поэтому признаки преобладающего влияния экономики мы находим не только на индивидуальном, но и на социальном уровне существования человека. А. Смит при анализе экономической реальности обратил внимание на то, что подобная мотивация направлена на повышение социального статуса. При этом поиск выгоды характерен практически для каждого человека в любых обстоятельствах, и наиболее привлекательной целью люди считают «увеличение богатства»⁴. В связи с этим Ю. Хабермас отмечает, что в современном мире рационализация и духовность приобрели

¹ Ильин В.В. Новый миллениум для России: Путь в будущее. – М.: МГУ, 2001 – С. 40.

² Мельник Л.Г. Фундаментальные основы развития. – Сумы: Университетская книга, 2003. – С. 8.

³ Савкин Н.С. Образ жизни, формирование, воспроизводство и регулирование. – Саратов: СГУ, 1984. – С. 147.

⁴ Смит А. Исследование о природе и причине богатства народов... С. 7.

противоположные векторы развития¹, а сам разум «раскололся на множество ценностных сфер и уничтожил собственную универсальность»². Данные процессы влияют как на общество в целом, так и на его развитие и устойчивость.

Изучая рационализацию современного общества, В.С. Стёпин в историческом генезисе новоевропейской науки выделил три типа рациональности – классический, неклассический и постнеклассический, и отметил существенную связь последнего с ценностями культуры, определяющими способность общества к саморазвитию³. Именно в этой способности можно усмотреть ключ к преобразению современного поведения человека, в том числе и экономического. Современное поведение характеризуется множеством негативных тенденций: и ориентацию на потребление, гедонизм, трансляцию унифицированных символов, и отсутствие собственного стиля мышления. Единственным вариантом исправления обозначенных тенденций, преобразования духовной составляющей жизни человека и переориентации экономических практик с потребительских на производящие, становится развитие индивидуальности. Именно индивидуальность может выделить личность в массовых процессах подражания, способствовать развитию критического мышления, переориентировать ценностные основы с экономической сферы на духовную. Примеры эффективности индивидуальности можно найти даже на фоне современных процессов монопольного поглощения рынков транснациональными корпорациями. Данным процессам практически никогда не могут противостоять ни крупные, ни средние компании. Однако самые мелкие предприниматели, основываясь на оригинальной и самобытной идее, продолжают поддерживать постоянный спрос у своего потребителя⁴. В связи с этим становится понятным, что, несмотря на рыночные процессы,

¹ Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / РАН. Ин-т философии. – М., 1999. – С. 90.

² Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 45.

³ Стёпин В.С. Синергетика и системный анализ ... С. 11.

⁴ Ariely D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. – NY: HarperCollins, 2008. – 308 p.

ценностную трансформацию и влияние массовой культуры, целостная, гармоничная личность вполне может противопоставить свою индивидуальность глобальным тенденциям.

В рамках синергетической школы рациональность рассматривается достаточно широко, в том числе и в постнекласических практиках, и в контексте всего социума. Как показал В.И. Акунов на примере исторического развития технических систем, самоидентичность развития, несмотря на преобразование систем, сохраняется из-за действия закона соответствия между информационным, энергетическим и субстратным компонентами целого¹. Такой подход предполагает, что человек действует в рамках процесса самодетерминации, причем на двух уровнях – внешнем и внутреннем. На внешнем уровне человек взаимодействует со средой и испытывает всевозможные ее влияния, а на внутреннем уровне на человека воздействуют осознаваемые и неосознаваемые явления его собственного внутреннего мира, объединенные в целое. Так, рациональные причинные действия человека всегда сопровождаются неконтролируемыми иррациональными скрытыми парсическими влияниями условий. Но нельзя утверждать, что «парсические» влияния полностью определяют поведение человека, потому что человеку постоянно приходится принимать решения и делать выбор на внешнем уровне (и именно в этом случае проявляются рациональность и иррациональность поведения), что влияет на внутренний уровень и на будущее целостное гармоничное состояние системы. Поэтому основная задача поведения человека как части системы – быть центром гармонизации своих действий с миром. В синергетическом подходе такое соотношения человека и среды называется сизигийность.

Таким образом, на место классических и неклассических практик, исходящих из противостояния человека и среды, постнекласические практики ставят во главу угла сизигийность, совозможность, соответствия

¹ Акунов В.И., Чечик А.Л. Математическое моделирование больших систем преобразований потоков вещества, энергии, информации // Эволюция открытых систем. – Киев: 2003. – С. 3.

человека и среды, человека и мира, как это было впервые рассмотрено в философии Востока. Это открывает новые перспективы и позволяет получить объяснение ряда проблемных вопросов и сложных явлений, к которым и относится экономическое поведение¹. По итогу целостность личности может быть проанализирована с точки зрения уровня завершенности, комплексности, взаимопроникновения и согласованности основных элементов.

Параметры целостности находятся в тесной взаимосвязи с параметрами устойчивого развития, и эта взаимосвязь раскрывает сущность функционирования сложных систем, которыми являются человек и общество. В концепции структурного функционализма Т. Парсонса можно выделить два ответа на вопрос о достижении целостности устойчивого развития. Первый заключается в том, что индивиды в процессе своей жизнедеятельности достигают достаточного уровня единства в понимании социальных норм и ценностей благодаря социализации. Во втором случае в системной теории Т. Парсонса социальный порядок рассматривается сквозь призму эффективной функциональности социальной системы².

Но разделение общества на подразделы и функции, которое было предложено Т. Парсонсом как метод изучения целостности и развития, не отражает специфику целостности. Невозможно воссоздание целостного механизма во всем его многообразии из изолированных фрагментов и процессов. Это относится и к экономическому поведению. Существуют разные типы поведения, и, как ни старайся, целостность, созданная на их основе, всегда будет неполной, ускользающей. Но целостность создавать обязательно нужно с упреждением на указанную неполноту. Как подчеркивает В. Визгин, «...функционирование системы только в простейших случаях может быть «разобрано» на отдельные связи и описано

¹ Кизима В.В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление // Вопросы философии. – 2010. – URL: <http://vphil.ru/index.php?option=comcontent&task=view&id=110&Itemid=52> (дата обращения: 23.07.2017).

² Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 6–34.

в аналитических понятиях. Расчленение нарушает именно ту предпосылку – целостность системы, – на которой базируется анализируемое поведение»¹.

Таким образом, целостность не может являться результатом интеграции множества, так как изначально целостность больше чем множество. Данный тезис был использован в качестве методологического основания работ И.З. Цехмистро, который показал необходимость рассматривать корреляцию устойчивого развития с целостностью, но не с множественностью. Как отмечает автор, такая целостность характеризуется «уникальным свойством неделимости и неразложимости на множество каких-либо элементов, и мы определим ее как собственно, или подлинно, целое»².

Немаловажным фактором развития системы и ее целостности является требование разнообразия элементов, ее составляющих. По мнению И.Р. Пригожина, «Структурно-функциональное соответствие, достигаемое на пути повышения структурного разнообразия, совпадающего с направлением градиента структурогенеза продуцирования так называемых диссипативных структур, означает доминирующую линию прогресса»³. Требование разнообразия позволяет нам говорить о наличии у систем параметра гетерогенности. Если система «состоит из однородных элементов (соответственно, структур) – в том смысле, как задан концепт, – то эта система гомогенна (по субстрату или по структуре). В противном случае система гетерогенна»⁴. Но именно гетерогенная система имеет высокий потенциал для развития, гомогенная система таких потенциалов практически лишена⁵.

Из этого следует, что экономическое поведение как целостная система действий, целостность личности как субъекта экономического поведения и

¹ Визгин В.П. Традиции и инновации (взгляд историка науки) // Традиции и революции. – М.: Политиздат, 1991. – С. 187.

² Цехмистро И.З., Штанько В.И. Концепция целостности. – Харьков: Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1987. – С. 168.

³ Пригожин И.Р., Стенгерс И. Время, хаос, квант С. 84.

⁴ Уёмов А.И., Сараева И.Н., Цофнас А.Ю. Общая теория систем для гуманитариев. – Варшава: Uniwersitas Rediviva, 2001. – С. 66.

⁵ Савченко И.А. Интегральные критерии классификации социокультурных отношений... С. 61.

целостность общества, обладающая необходимым для развития потенциалом – гетерогенностью, – вот три взаимосвязанные и взаимозависимые переменные, обуславливающие друг друга.

В связи с этим представляет научный интерес корреляция между устойчивым развитием, целостностью и детерминированностью: «Такого типа системы, в которых некоторых элементов достаточно для обнаружения других элементов, называются детерминирующими. Если же ни один элемент не предопределяет существования других элементов, то система недетерминирующая»¹.

Корреляция между устойчивым развитием и целостностью возникает не сама по себе, а как часть комплексного сложного процесса взаимосвязей различных параметров социальных систем. Одним из наиболее важных критериев является открытость. По отношению к обществу открытость предполагает возможность изменения, включения новых элементов в социальные системы и возникновения новых форм общественных отношений под влиянием взаимодействия между системами.

Новое понимание целостности как открытости позволяет показать неразработанные ранее возможности исследования. Ранее целостность воспринималась как некоторый принцип однородности общества, отсюда перспективу устойчивого развития видели в унификации, в закрытости как средстве против проникновения чужеродных элементов, нарушающих единство социальной системы.

Приоритетом развития общества и человека становится развитие у людей творческого начала как источника индивидуальности. Именно творчество, предполагает увеличение степени целостности общества, так как творчество – главное условие социальной жизнеспособности в изменяющихся социально-экономических условиях. Трансформирующееся экономическое поведение как индикатор перемен в обществе и тип

¹ Уёмов А.И. Общая теория систем в анализе перспектив социального развития // Współczesne problemy universalizmu: Materiały Konferencji, 1996. – Warszawa: Wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Universalizmu, 1996. – С. 112–116.

поведения, который в современных условиях глобализации преобладает над другими видами социального поведения, становится источником дополнительных знаний о содержательных процессах поведения личности, об алгоритме раскрытия человеческого потенциала как источника целостности и открытости социальных систем.

3.2 Эпистемологические основания диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении

Основным объектом исследования эпистемологии становится знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. «Будучи философской дисциплиной, эпистемология, – подчеркивает Поль К. Мозер, – является наукой о природе знаний и, в особенности, их обоснования; наукой об определении их компонентов, существенных условиях и источниках знаний, о границах знаний»¹.

Значительная популяризация эпистемологии является отражением повышения качества исследований и свидетельствует, что на данный момент сформирована потребность в научной самоорганизации в сфере критического анализа классических подходов, а также в понимании продуктивности новых – объективистских и субъективистских². Новое научное видение представляет современную реальность в качестве многомерного пространства, которое включает в себя потоки мнений и смыслов, отношений дополненности и взаимосвязи³.

Изучением данного подхода занимаются различные исследователи, среди которых можно отметить специалистов в области философии, В.А.

¹ Paul K. Moser ed. The Oxford Handbook of Epistemology. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 4.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека // Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия, психология, педагогика. – 2015. – Т. 15. – Вып. 1. – С. 44.

³ Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – С. 128.

Лекторского, И.П. Меркулова, Е.Н. Князеву, Б.И. Пружинина, М.А. Розова¹; в социальной эпистемологии – И.Т. Касавина, Ю.С. Моркину, Л.А. Маркову, В.А. Колпакова, М. Фуко²; в экономической теории познания – М. Блауг, П. Миrowsки, Л. Боланда, О.И. Ананьина, П.А. Отмахова, В.С. Автономова³.

Повышенный интерес к пониманию эпистемологических установок связан, прежде всего, с парадоксальностью обстоятельств, которые складываются вокруг философии. «С одной стороны, для них характерен глубокий кризис, с другой – не менее впечатляющий подъем и развитие»⁴. С точки зрения В. Лекторского, специфика традиционного познания основана на базовых принципах познания. Среди них можно выделить критицизм, базирующийся на устремленности анализа различных систем и объектов с точки зрения конкретных идеалистических представлений. Также к базовым принципам относится фундаментализм и нормативизм как условия подтверждения идеальности конструкции знания и ее нормативного закрепления в конкретных формах. Не менее важным принципом является субъектоцентризм, символизирующий принятие факта бытия субъекта как основы для процесса познания⁵.

¹ Лекторский В.А. Эпистемология. Классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.; Меркулов И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). 1, 2 т. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – 472; 416 с.; Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред., сост. Е.Н. Князева. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 704 с.; Пружинин Б.И. Наука и эпистемология в «цивилизации знания» // Эпистемология: перспективы развития / под общ. ред. В.А. Лекторский. – М.: Канон+, 2012. – С. 189–198.; Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. – М.: 2008. – 352 с.

² Касавин Т.И. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон +; Реабилитация, 2009. – 1248 с.; Моркина Ю.С. Social Epistemology: обзор дискуссий // Epistemology & Philosophy of Science. – Vol. 25, No. 3. – 2010. – P. 95–104; Маркова Л.А. Социальная эпистемология, ее истоки и настоящее // Epistemology & Philosophy of Science. – No. 2 (40). – 2014. – P. 59-73; Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания: экономическая наука эпохи перемен / В.А. Колпаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Канон+; Реабилитация, 2008. – 207 с.

³ Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. – М.: Вопросы экономики, 2004. – 416 с.; Abu Turab Rizvi S. Philip Mirowski as a Historian of Economic Thought // Steven G. Medema, Warren J. Samuels (eds.): Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory. – Routledge, London/New York: 2001. – P. 209–222.; Boland L.A. Conventionalism and economic theory // Philosophy of Science, 1970. – P. 239–248.; Ананьин О.И. Философия и методология экономической науки // Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2006. – С. 353–436; Отмахов П.А. Современная американская политэкономия: (вопросы методологии) / МГУ им. М. В. Ломоносова, Экономический факультет. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 86 с.; Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. – М.: Наука, 1993. – 176 с.

⁴ Розин В.М. Современные проблемы эпистемологии (по следам чтения книги «Эпистемология: перспективы развития») // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXI. – № 1. – С. 238.

⁵ Лекторский В.А. Указ. соч.

При этом осмысление основополагающей методологии эпистемологии весьма разнится и тяготеет либо к классической эпистемологии, либо к неклассической, взаимоисключая друг друга. Однако подобные расхождения могут реализоваться только в рамках научного обсуждения и с целью соответствия социально-философского поиска не только духовным, но и материальным интересам социального развития.

На протяжении всей истории европейской культуры отмечается преобладание и влияние на научное познание субъектно-объектной гносеологии. Ведущими исследователями в рамках данного подхода являются Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант¹. Этот подход определил развитие и формирование различных теоретических направлений и методик в сфере образования. Основой субъектно-объектной гносеологии выступил анализ рациональности, которая была представлена центральной темой и выступила мерилom «научности». Отношения, выстроенные на других принципах, то есть не субъектно-объектного взаимодействия, переходили в разряд иррациональных².

В рамках классической методологии экономическая сфера представляется в виде объективной реальности, которая противопоставляется субъективизму исследователя. Такой взгляд на действительность предусматривает формирование единого и неоспоримого воззрения на существование, структуру и функции экономики в целом и отрицает всяческие предпосылки субъективности в научном поиске. Подобная принципиальная позиция классической методологии дает основания для углубленного анализа, который опирается на восприятие единого правильного варианта действительности, устроенной в рамках четких

¹ Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках, и другие философские работы: пер. с лат. – М.: Академический проект, 2011. – 335 с.; Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2. – 734 с.; Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

² Микешина Л.А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция. МПСИ. Флинта, 2005. – С. 21.

теоретических императивных конструкций и представлений классических авторов¹.

При анализе социально-экономической действительности учитываются явления, основанные на рациональности, историческом опыте, объективных фактах и реальных взаимодействиях индивидов. При этом из поля зрения выпадают повседневные intersubjective коммуникации. По итогу в рамках классического методологического анализа процедура освоения специфики экономической реальности и экономического поведения представляется однолинейно, в силу того что субъект познавательной активности способен в полной мере осознать социальную реальность².

В свою очередь, отношение к субъекту познания представлено в различных формах. С одной стороны, он выступает в качестве индивидуального эмпирического субъекта, который наблюдает за динамической реальностью, передает чувственные впечатления в процессе освоения действительности и ее трансляции. С другой стороны, субъект выступает в качестве разума, представленного в виде беспредметной конструкции, не отягощенной личными сенсуальными и временными параметрами³.

С точки зрения Гегеля, методология познания в своих базисных установках рассматривает динамику развивающегося духа в его абсолютности и всеобщности, которая опирается на логику беспредметности субъекта познания и приравнивание сущности индивида к духу – сознанию и самосознанию⁴. В исследовании К. Маркса представлено отрицание анализа сознания с точки зрения незыблемости естественной способности человека. Автор предполагает, что центральным вопросом изучения процесса познания

¹ Гносеологические установки «классической научной рациональности» в учениях естественно-правовой и исторической школ права. – URL: http://blog.pravo.ru/blog/Methodology_of_science_and_jurisprudence/7096.html (дата обращения: 17.04.2014).

² Савченко И.А., Агеева Н.А., Родзиковская Т.А. Экономические знания и экономическое сознание // Власть. – №. 4. – 2018. – С. 84–89.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ...С. 45.

⁴ Нешатаев И.Г. Развитие понятия свободы личности в философии Гегеля // Вестник МГТУ. – 2000. – № 3. – С. 425–436.

является исследование социально-исторического опыта человечества¹. Стоит отметить, что возникновение и продолжительное влияние классической методологии на социально-философское познание плодотворно сказалось на развитии эпистемологии. Это в итоге дало возможность укоренить ряд важнейших методологических принципов и постулатов, основанных на абстрагировании, рационализации идеального представления познавательной деятельности и самого знания².

Неклассическая методология познания начинает свой исторический отсчет с начала XX века и формируется на основе нового подхода к познанию и знанию в рамках научных и культурных трансформаций того времени. Фундаментальное переустройство социокультурных и ценностных факторов познания подтолкнуло к модификации центральных принципов и дополнения их герменевтическими теориями³. Современный подход выразился в трансформации научно-теоретического базиса, и исследователи на данный момент отвергают применение прежней терминологии, такой как «теория познания» и «гносеология». В результате критики К. Поппера⁴ и сравнения им классической теории познания Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, И. Канта⁵ с «философией веры», наиболее применимым к подобного рода исследованиям становится понятие «эпистемология» как научное познание роли человека в современной повседневной жизни⁶.

¹ Ананченко А.Б. Маркс и всемирная история // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2018. – № 4. – С. 24–35.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 45.

³ Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А.Л. Вольского; науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.; Писарчик Л.Ю. Проблема специфики «Наук о духе» в методологии гуманитарного познания В. Дильтея // Вестник ОГУ. – 2012. – № 1 (137). – С. 56–66.

⁴ Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост.: Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский и В.К. Финн; пер. с англ. Д.Г. Лахути; вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Садовского; послесл. В.К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.

⁵ Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2. – 734 с.; Беркли Дж. Сочинения. – М.: Мысль, 1978. – 556 с.; Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; свер. и ред. Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.; Васильев В.В. Методология Юма и его наука о человеческой природе // Историко-философский ежегодник (2012). – М.: Наука, 2013. – С. 62–115.

⁶ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 46.

В. Лекторский¹ выделяет ряд характеристик, которые отражают неклассический взгляд на эпистемологию. В первую очередь, для нее характерно отрицание всеобщего критицизма, которое влечет за собой способность в условиях критики доверительно оценивать познавательные традиции, рассматривать итоги научной деятельности других, что является основой для научного сотрудничества и развития научной мысли в направлении подлинного знания. Также неклассическая эпистемология с иной точки зрения рассматривает принцип субъектоцентризма, так как субъект выступает результатом воздействия коммуникаций, межсубъектного сотрудничества в ситуации всеобщих научных и повседневных условий. При этом новая методология рассматривает различные виды познания в одном ряду с научным. Из этого следует, что неклассическая эпистемология предстает в качестве нового метода анализа и осознания реальности и человека².

В последние годы активно развивается социальная эпистемология. Основанием для ее развития становится принцип социальной обусловленности познания общественных процессов. Социальная методология рассматривает процесс познания во взаимосвязи с человеческой деятельностью и поведением на основе признания дискурса и интерсубъектности. В рамках социальной эпистемологии в ином виде представлена связка центральных понятий классической методологии «субъект–объект», в которой подлинным субъектом признается «мыслительный коллектив»³. При таком ракурсе исследования актуализируются новые стороны бытия человека, становится важным вопрос о его целостности, роли степени свободы субъекта в различных общественных подсистемах, в частности в политике и экономике.

На основе этого можно утверждать, что познание не во всех случаях играет референтную роль и включает в себя творчески созидательный

¹ Лекторский В.А. Указ. соч.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 46.

³ Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / под ред. И.Т. Касавина. – М.: Канон, 2010. – 712 с.

элемент, гипотетико-проблемные методы изучения социальной действительности, которые сформированы на эффективном воображении, intersubъективном сотрудничестве, социокультурных компонентах, личном и групповом жизненном опыте.

Многочисленные исследования ведущих западных специалистов в области эволюционной эпистемологии, таких как К. Лоренц, Д. Кэмпбел, Г. Фоллмер¹ представляют биопсихосоциальную природу индивида и считают, что целостный человек синтезирован в триедином измерении. Эта человеческая специфика, основанная на сложноустроенном механизме жизнедеятельности, приводит к тому, что индивид становится объектом познания параллельно материального и духовного мира. В итоге можно утверждать, что принципы эволюции и самоорганизации сложных систем можно использовать в познавательной деятельности человека, исследуемой в условиях коэволюции².

Большинство российских исследователей рассматривают широкие возможности неклассического подхода к познанию социального взаимодействия в процессе реализации активной деятельности в условиях действительности. С точки зрения П.М. Петровского, новый философский подход направлен на установление системы методологических установок, которые дают возможность с разных сторон, более основательно и широко взглянуть на общественное бытие и личность как сложную ценностную модель. Познавательные и ценностные стороны нового методологического подхода рассматриваются в сумме с деятельностными, коммуникативными и творческими возможностями каждого человека³.

Идейным истоком экономической эпистемологии стало преобразование закономерностей развития экономической мысли на основе

¹ Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с.; Поппер К. Кэмпбелл об эволюционной теории познания // Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – М., 2000. – С. 147.; Фоллмер Г. Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / пер. с нем. А.В. Кезин. – М.: 1998. – 165 с.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 46.

³ Петровський П.М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування // Філософські дослідження: Зб. наук. пр. – Луганськ, 2011. – Вип. 14. – С. 216–220.

постпозитивистских концепций Т. Куна и И. Лакатоша¹. Также немаловажную роль в формировании экономических идей сыграла теоретическая конструкция Н. Картрайт, в которой были рассмотрены специфика представлений об экономической реальности, отраженных в экономической теоретической мысли. По мнению автора, в условиях ограниченных вариантов исследования основополагающих факторов и анализа социальной обстановки, без возможности раскрытия взаимосвязей целью познания выступает обнаружение сущности вещей. Достижение данной целевой установки может быть реализовано посредством выявления характеристик вещей и способов реализации потенций для извлечения максимальной пользы².

Новый взгляд, основанный на данном утверждении, обращает внимание на реализацию скрытого потенциала экономической реальности для удовлетворения интересов индивида, что в результате может стать основой для индивидуального и социального прогресса. Путь к современной форме экономической науки включал несколько этапов. Во времена Древней Греции экономика рассматривалась как учение о домашнем хозяйстве. Эпоха Средневековья наделила экономическую сферу императивной функцией и набором непреложных правил для индивида. Во времена «политической экономии»³ пристальное внимание было сосредоточено на рынке и капиталистических благах, что в итоге привело к появлению термина – «экономика»⁴.

¹ Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 50 с.

² Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines // The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics. Cambridge University Press. 2001. – P. 175–293.

³ Слудковская М.А. Политическая экономия Антуана де Монкретьена (к 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 107–118.

⁴ Нуреев Г.Р. Предпосылки новой экономической парадигмы // Вопросы философии. – 1993. – Вып. 4. – С. 131.

Позже в экономических теориях, разработанных А. Маршаллом, Дж.М. Кейнсом и М. Фридманом¹, в первую очередь рассматривалось рыночное противоборство, идея «государства всеобщего благоденствия», что в итоге привело к попыткам синтеза в рамках экономического поведения рационализма и прагматизма².

Современное институционально-социологическое направление в экономике в лице Т. Веблена, У.К. Митчела и Дж.К. Гэлбрейта³ направлено на исследование реально действующего индивида в системе подлинных социальных институтов. Для того чтобы в полной мере изучить и представить роль индивида в социуме и в условиях рынка, по мнению авторов необходимо дополнительно учитывать ряд факторов, которые возможно установить при условии привлечения к исследованию экономических явлений социологов, политологов, психологов, философов.

Многие исследователи в рамках современной эпистемологии обращают внимание на то, что, несмотря на широкие теоретические возможности научного познания, которое может в полной мере предоставить информацию о социальной и экономической реальности, существует ряд ограничений. Данные ограничения выражаются в недостатке систематического отслеживания реального состояния объекта исследования. Н. Картрайт, изучая специфику эпистемологии, пришла к выводу, что теоретическое моделирование, создание искусственных конструкций не могут быть напрямую связаны с подлинным положением вещей⁴. К таковым теоретическим конструкциям можно отнести «аналоговые экономики»⁵

¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т. 1. – 415 с.; Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 204 с.; Фридман М., Фридман Р. Свобода выбирать: Наша позиция: пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 356 с.

² Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 47.

³ Веблен Т.Б. Теория праздного класса: пер. С. Сорокина. – М.: Либроком, 2011. – 368 с.; Митчелл У.К. Рациональность экономической деятельности / пер. А.А. Оганесян // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 96–108; Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. – М.: Прогресс, 1976. – 405 с.

⁴ Cartwright N. Ceteris paribus laws and socio-economic machines... P. 175–293.

⁵ Lucas R.E. Econometric policy evaluation: A critique // Studies in Business Cycle Theory. – Cambridge (Ma): MIR Press, 1981. – P. 104–130.

Роберта Лукаса, «правдоподобные миры»¹ Роберта Сагдена, «притчи»² Ариэля Рубинштейна³.

Д. Норту принадлежит открытие основного слабого места в институциональной парадигме экономической теории, которое выражается в отрицании интерсубъектного характера экономического поведения. Игнорирование данного фактора приводит к тому, что исследование не рассматривает характер индивида, его менталитет и исторический опыт, культурные ценности и установки в отношении социальной действительности. Все перечисленные детерминанты предопределяют процесс выбора вариантов разумных действий при реализации личных устремлений в условиях конкретного социума⁴.

В условиях постмодерна процесс научного поиска располагает более широкими возможностями для анализа существующих видов экономического поведения при условии учета интерсубъектного характера усвоения знания, стереотипов и правил социальных взаимосвязей. В методологическом аспекте постмодерн не соглашается с возможностью научного поиска путем освоения законов функционирования и развития объективной реальности. Причинами этого становятся непостижимость и неустойчивость объекта и неизменная односторонность – особенность нового восприятия субъекта познания⁵. Субъект как бы растворяется в перманентном универсальном дискурсе, посткоммуникативном процессе интерсубъектности, а сам этот процесс является неотъемлемой частью реальности, которая становится для индивидуального субъекта такой же объективной, как и материальная⁶.

¹ Сагден Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке / Философия экономики. Антология / под ред. Д. Хаусмана. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 518 с.

² Рубинштейн А. Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 62–80.

³ Ананьин О.И. Философия и методология экономической науки ... С. 2.

⁴ Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – С. 7.

⁵ Ананьин О.И. Философия и методология экономической науки... С. 39.

⁶ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 47.

В связи с этим подробно рассматривается концепция рационального выбора, которая распространяется на все области социальной жизни. Она основана на том, что в своем поведении человек реализует определенную закономерность и практически во всех случаях выбора предпочитает наиболее выгодную позицию, гарантирующую результат. Однако в процессе реального выбора индивид рассматривает и внешние воздействия, и внутренний потенциал. В итоге рациональность формируется с учетом воздействия множества условий, которые личность осмысливает и принимает в зависимости от индивидуального личного и общественного опыта в конкретной культуре¹. С учетом данных обстоятельств невозможно утверждать, что в процессе реализации экономического поведения можно выявить ряд универсалий и зафиксировать их для дальнейшего анализа, применяя единообразно во всех случаях наблюдения. Социальная реальность исключает существование однородности, которую популяризируют в рамках теории «экономического империализма»².

Социальная эпистемология рассматривает экономическую рациональность как широкое понятие и не ограничивается получением личной выгоды. Понимание рациональности представляется как сложноустроенное соотношение личных интересов и социальной оценки, устремлений и средств достижения, основанных на культурной специфике общества³.

В новом понимании экономического поведения и экономической рациональности присутствуют дополнительные факторы, которые выражаются в увеличении количества экономических субъектов, настроенных на благотворное взаимодействие, взаимные уступки и договоренности⁴.

¹ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека... С. 48.

² Любченко В.С. Указ. соч.

³ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 48.

⁴ Сорос Дж. Кризис глобального капитализма ... С. 248.

В. Зомбарт рассматривает человека экономического с критической позиции и утверждает, что духовная составляющая личности находится в упадке и это приводит к поверхностному типу мышления, детской психологии. Автор представляет набор «детских ценностей», характерных для человека экономического. Для него становится обычным количественное измерение ценности окружающих объектов, восприятие явлений с точки зрения скорости получения результата, постоянный непреодолимый интерес к новому и «чувство могущества», «радость от того, что имеешь возможность показать свое превосходство над другими»¹. Описанные В. Зомбартом характерные черты человека экономического в современном обществе уже утратили свою уникальность и стали частью мышления и стиля жизни многих социальных групп и индивидов. Это говорит о произошедшей трансформации человека экономического в человека рыночного.

Формирование нового типа характера человека рыночного описал в своей работе и Э. Фромм. В данном отношении автор делает акцент на том, что человека рыночного интересует в основном его собственная цена на рынке, которая зависит от степени его адаптации и спроса в сравнении с другими индивидами в условиях конкретного рынка. В связи с этим данный тип личности характеризуется отсутствием собственного «я», которое зависит от требований рынка и внешней среды². В данных рассуждениях Э. Фромм в отличие от В. Зомбарта представляет человека рыночного не просто регрессирующей личностью, а считает его несообразной личностью, которая придает наибольшее значение миру вещей и техники³.

Дж. Дж. Фокс в своих исследованиях в сфере эффективного менеджмента рассматривает типаж современного рыночного человека и актуализирует проблему посредственности как формы поведенческой модели, которая нарушает творческую самореализацию человека и

¹ Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека... С. 111.

² Фромм Э. «Иметь» или «быть». – М.: АСТ, 2007. – С. 272.

³ Там же.

подменяет его устремления, что приводит в итоге к инертности¹. По этому поводу создатель теории менеджмента говорит, что для того «чтобы от уровня некомпетентности подняться до удовлетворительного уровня, нужно потратить намного больше сил и труда, чем на скачок от первоклассного выполнения работы до безукоризненного»².

Переустройство рыночной системы и рыночного человека к новой поведенческой модели «посредственности», а в последующем от нее к «перфекционизму», представляет собой ряд видоизменений в мировоззренческой и ценностной структуре человеческого духа³.

Методология постмодерна меняет свой взгляд не только в отношении субъекта и его роли в научном познании. Современные социальные теории рассматривают исторический процесс развития общества с точки зрения уникальности и говорят об отсутствии в нем объединяющего начала, что в итоге приводит к разъединению и распаду социума. При этом пересматривается господствующая роль экономической и политической сферы. Новая методология отклоняется от традиционной, становится больше похожа на творческий процесс, мир искусства. На основе поиска факторов общественного развития происходит активное внедрение в научный арсенал новых понятий. К таковым можно отнести терминологию интерпретаторов теории постмодерна: «гиперреальность», «симулякр», «транс-политику» Ж. Бодрийяра, «макдональдизацию» Дж. Ритцера, «играизацию», «играизированного индивида» С.А. Кравченко, «логоцентризм» Ж. Деррида и др.⁴.

Однако при всей новизне постмодерна И.Ф. Деятко полагает, что к началу XXI в. «постмодернизм исчез как популярная версия эпистемологического релятивизма, как влиятельная антисциентистская

¹ Фокс Дж.Дж. Как стать первоклассным руководителем: правила привлечения и удержания лучших специалистов. – М.: Альпина Паблишер, 2009. – С. 23.

² Друкер П. Классические работы по менеджменту. – М.: Московская школа управления «Сколково»; Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 17–18.

³ Савченко И.А., Агеева Н.А. «Человек экономический», «Человек рыночный» и колебания буржуазной морали // Власть. – 2016. – № 5. – С. 103–106.

⁴ Платонова С.И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 45.

позиция»¹. Такая критика поддерживается многими исследователями, однако, по мнению В.А. Колпакова, «некоторые наблюдения постмодернистов характеризуют подлинные изменения в практическом предназначении науки... Общество действительно серьезно пересматривает многие принципы и нормы... При этом знание не сводится только к науке, а включает в себя вненаучные практические формы, влияющие на выбор проблем, которыми занимается наука»². Речь идет не только о смене научного вектора, но и об отношении к самой науке, ее доступности и роли в жизни обычного человека.

Анализируя современное общество XXI века З. Бауман выделяет две основные характеристики. Первая связана с несостоятельностью идеи о совершенном предсказуемом и контролируемом общественном порядке. И она в большей степени касается социального уровня³. Вторая – относится к уровню индивидуальному и говорит о либерализации человеческих практик, отсутствии социального контроля и моделей поведения⁴.

Описывая новый социальный уклад З. Бауман говорит об отсутствии четкого вектора развития и фрагментарном контроле. В связи с этим, по мнению ученого, классическая методология основывалась на «системном представлении и характере социального состояния, которое обладает предельной степенью сплоченности, уравновешенностью своих частей и функциональной взаимозависимостью элементов. Напротив, социология постсовременности рассматривает социальное состояние как в принципе никогда не уравновешиваемое, а сами элементы как обладающие достаточной степенью автономии. Социальный порядок, имеющий тотальный характер в ортодоксальной социологии, становится локальным, возникающим и преходящим феноменом»⁵.

¹ Девятко И.Ф. Состояние и перспективы развития социологической теории в мире и России // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 37.

² Колпаков В.А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. – М., 2008. – С. 68.

³ Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. – М., 2002. – С. 131.

⁴ Там же. – С. 132.

⁵ Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. – М.: 1999. – С. 328.

Ж. Бодрийяр более радикально представлял общественные изменения и утверждал, что наступила эпоха «конца социального»: «когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным»¹. По мнению Бодрийяра, меняется не только характер социального, но и основные типы взаимоотношений в социуме. В экономической сфере автор находит противоречие между бесконечной производительностью и необходимостью сбыта товаров. При этом функции самого товара трансформировались из удовлетворения потребности в символизацию и репрезентацию потребности².

В итоге, начало XXI века в контексте нашего исследования характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических реалий, а с другой – все более явной фрагментированностью человеческого существования. Противоречие между этими процессами и составляет основную проблему современного общества³. В рамках новой методологии укрепляются представления о равносубъектном научном дискурсе, взаимодетерминации субъекта и объекта, правила социально-институциональной предопределенности поведения личности. При этом особое значение здесь приобретает принятие сложного устройства социальной действительности, построенной на основе intersubjectной коммуникации, и разносторонней специфики социально-экономической рациональности, которая выступает основным побудителем к деятельности⁴.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла: пер. с фр. – М., 2012. – С. 11–12.

² Платонова С.И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ... С. 44.

³ Иноземцев В. Зигмунт Бауман и его «Индивидуализированное общество» // Высшее образование в России. – 2004. – № 1. – С. 143.

⁴ Негруль (Михайлова) В.В. Эпистемологические подходы к пониманию экономического поведения человека ... С. 48.

3.3 Прошлое и настоящее российского общества: оппозиции индивидуализма и массовости в формах экономического поведения

Различные типы социального взаимодействия, в том числе и экономического, напрямую зависят от духовно-нравственных и социальных ценностей, традиций и кодексов поведения. Экономическая сфера за многие столетия накопила в себе огромный пласт убеждений, религиозной и духовной практики, особенностей повседневной жизни, которые определяют поведение современного человека.

Из этого следует, что тенденции развития российской экономики и обусловленные ими формы экономического поведения не стоит полностью отождествлять с экономическими моделями Запада и считать их всеприменимыми для объяснения и исследования экономического поведения. Любая теоретическая схема человеческого поведения тесно взаимосвязана с культурными и национальными особенностями. Основной задачей при формировании новых концептуальных подходов к экономике становится учет всех исторических предпосылок и национальной специфики, что впоследствии может позволить активно развивать рынок.

Исследованием экономической сферы занимались многие российские ученые. Они рассматривали специфику экономического поведения личности и хозяйственного порядка в России. Одним из основателей философского анализа выступил С.Н. Булгаков, который в работе «Философия хозяйства» изучал религиозные основы и мотивацию хозяйственной деятельности человека. Автор исследовал область трудовой деятельности и хозяйствования, в природу которых включены культурные элементы и духовные ценности. «Признак хозяйства – трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению»¹.

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Республика, 1990. – С. 403.

Особое место в хозяйственной жизни С. Булгаков отводит труду, который представлен в качестве элемента православных традиций и богоугодного дела, так как в нем преобладающее значение отводится духовной составляющей. По этому поводу автор говорит, что «...каждая экономическая эпоха имеет свой особый тип “экономического человека”, порождаемый духом хозяйства, и объявляет его “рефлексом” данных экономических отношений»¹.

При изучении хозяйственной жизни в России важное место занимает исследование ценностей, потому что различные экономические процессы и явления оцениваются с точки зрения социальной справедливости, свободы и отношения к Богу. Основным отличием православной культуры от протестантской выступает иное отношение к материальным благам, которое выражается в жертвенности и стремлению к духовному содержанию. Именно поэтому в рыночных взаимоотношениях в России значение имеет не только чистая прибыль от сделки, но и характер социального взаимодействия. При этом в условиях хозяйственной деятельности ценность собственности намного ниже, чем в западной культуре. В российской культуре наибольшей ценностью обладает земля, которая является национальным достоянием и средством проживания. Выделенные специфические черты существенно отличают русскую культуру от принципов западного рынка, основанного на ценностях свободы, расчета и личной выгоды.

Основной причиной таких кардинальных отличий в порядке хозяйствования и экономическом поведении человека в России называют особую природу русской цивилизации. Она представляет собой, по мнению О.А. Платонова, «замкнутую духовную общность, целостное развитие духовно-нравственных и материальных форм жизни русского народа, определивших его историческую судьбу и сформировавших национальное сознание»². Источником содержания русской цивилизации является ее

¹ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. – М.: Республика, 1990. – С. 239.

² Платонов О. Неповторимые черты русской цивилизации // Изборский клуб, 5 мая 2010. – URL: <https://izborsk-club.ru/428> (дата обращения: 10.01.2019.)

история, которая за все время своего существования смогла накопить и совместить в себе самые разнообразные элементы, придающие специфику русской жизни¹. Основными ценностями русской цивилизации становятся духовные основы, стремление к нравственным и этическим идеалам.

Говоря о русской цивилизации, О.А. Платонов выделяет ряд характеристик, составляющих ее базис. К таковым автор относит религию, бескорыстие, общинность и прочную вертикаль власти. Обозначенные элементы находят свое отражение в менталитете русского народа и ложатся в основание различий с представителями других культур. Данные обстоятельства оказывают влияние на значительное отклонение от классических правил свободного рынка и формирование уникальной хозяйственной среды в условиях России, которая может быть высокоэффективной, основываясь только на свои внутренние потребности².

Ключевский, анализируя мировой исторический процесс и развитие цивилизаций, пришел к выводу, что не существует единой истории, а есть обособленные «естественные группы» людей, которые проживают отдельную неповторимую историческую судьбу. Исследование экономической истории привело автора к изучению не только межличностных взаимодействий, но взаимосвязей с целостной системой. Именно поэтому Ключевский в основе развития России усматривал непрекращающееся освоение новых земель: «История России – это история страны, которая колонизируется»³.

Н.Я. Данилевский, изучая специфику бытия русского народа, говорил, что успех социальных преобразований, которые реализуются в государстве, зависит прежде всего от природы их происхождения. То есть если они зарождаются внутри государства, то воспринимаются социумом благоприятно и имеют перспективу своего развития, а если эти реформы

¹ Платонов О. Неповторимые черты русской цивилизации // Изборский клуб, 5 мая 2010. – URL: <https://izborsk-club.ru/428> (дата обращения: 10.01.2019.).

² Там же.

³ История истории: Ключевский, 12 января 2016. – URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/12/klutchevsky> (дата обращения: 10.01.2019.).

навязаны из вне, без учета национального характера и культуры, то, скорее всего, будут малоэффективны¹. Также автор Россию отнес к новому «культурно-историческому типу», еще только нарождающемуся – и, само собой, самому совершенному – славянскому культурно-историческому типу².

Объяснение такой особенности русской культуры и цивилизации кроется в ее духовной основе, так как она является преобладающей над материальной стороной и ориентируется не только на отдельную личность, но также на братство народа, объединяемого общими ценностями, нравственностью и традициями³. Присущий коллективизм способствует развитию государства и богатого культурного наследия. Особое отношение к религии, понимание духовных постулатов православия дополняет характер русского человека и наполняет его жизнь духовностью⁴.

Литературные классики не раз в своих произведениях обращаются к теме хозяйственной жизни в российской повседневности. К примеру, Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк в своей работе «Приваловские миллионы»⁵ выделяет ряд типичных образов, которые отражают социально-экономическую реальность того времени с отличительными чертами русского характера. Первыми из них представлены «люди дела», для которых характерна духовность, трудолюбие и ценности чести. Второй образ выражается в «хищниках», предпочитающих лоск, внешние атрибуты и бесчестие, а не духовные составляющие. И наконец последний типаж представлен «деловыми людьми нового формата» с присущей им духовностью, социальной ответственностью и пониманием реальности.

Конечной целью произведения Мамина-Сибиряка становится не обличение внутренних мотивов экономического поведения русского человека, а привлечение внимания к теме духовности экономической сферы,

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 333

² История истории: Ключевский, 12 января 2016. – URL: <https://nplus1.ru/material/2016/01/12/klutchevsky> (дата обращения: 10.01.2019.).

³ Субетто А.И. Слово о русском народе и русском человеке. – СПб.: Астерион, 2013. – С. 47

⁴ Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ. – М.: Академический проект, 2014. – С. 43–45; 663.

⁵ Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. – URL: <http://lib.ru/TALES/SIBIYAK /privm.txt> (дата обращения: 25.12.19).

к отрицанию мотива личной выгоды. Выходом из ситуации обезличивания рынка и его бездуховности он считает поддержку делового типа людей, которые основной целью своей деятельности считают не наживу, а процветание дела. Именно таким, по мнению автора должен быть деловой человек в России¹.

Еще одним выдающимся мыслителем, который много внимания уделял изучению бытия русского народа, является Н.А. Бердяев. Философ анализировал исторический процесс с точки зрения неразрывного единства психологических, социальных и экономических факторов. «Материальным» основанием социального прогресса Н.А. Бердяев называл развитие производительных сил как фактор многообразия социального устройства².

Исторические события и социальный кризис того времени привели Н.А. Бердяева к необходимости анализа политического устройства и перспектив развития Российского государства. Положение общества автору представлялось крайне тяжелым, и подобные процессы он связывал с существующим государственным строем в форме абсолютизма. Именно поэтому устранение самодержавия виделось ему наилучшим путем для развития и движения к либеральным свободам. Исследуя специфические черты русского народа, Н.А. Бердяев пришел к выводу, что географические и религиозные особенности явились причиной социальной пассивности русских. Это в дальнейшем отразилось и на низкой активности в отношении политической сферы, что в итоге укрепило вертикаль власти и отстранило народ от социального участия. С точки зрения ученого, принятие христианства также противоречиво сказалось на дальнейшей истории государства, и основными негативными последствиями Бердяев считал «...отстраненность россиян от культурного и исторического творчества» и невозможность искоренения язычества из сознания русского человека³.

¹ Борознова А.М. Типы «деловых людей» в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 4 (35). – Ч. 2. – С. 82–84.

² Ширко К.Н. Н.А. Бердяев о природе российской цивилизации: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Томск, 2002. – 178 с.

³ Ширко К.Н. Указ. соч.

В работе «Новое средневековье»¹, и в статье «Человек и машина»², Бердяев рассмотрел проблему негативных последствий научно-технического развития, которое выразилось в кардинальном переустройстве сферы духовных ценностей, отдалении человеческой личности и ориентации ее на материальные блага. Автор говорит, что нет необходимости умять и отрицать ценность производственной сферы, однако и первопричиной человеческого бытия она стать не может³.

При этом исследование экономической сферы в связи с религиозными установками привело Бердяева к мысли, что: «Хозяйственная, экономическая сторона общественного бытия не может оставаться оторванной от высшего центра, она должна быть подчинена вселенской цели и освещена»⁴. Хозяйственная философия Бердяева вершиной общественного бытия рассматривала отдельную личность и ее духовность, которая способна максимально приблизить человека к божественному Абсолюту.

Выделенные постулаты свидетельствуют, что глубокое исследование истории, культурных традиций, менталитета и специфики русской цивилизации помогает выделить ряд особенностей бытия русских людей, как позитивных, выраженных в духовности, соборности, коллективизме, богоугодной трудовой деятельности, так и в негативных – пассивности и отстраненности, политической инертности, отсутствии социального творчества, смешении языческой и христианской этики.

При этом стоит обратить внимание на отличительное качество соборности, которое и на современном этапе во многом предопределяет как восприятие, так и поведение россиян. История данного понятия в основном рассматривается в рамках творчества российских мыслителей, однако зарубежные философы в научном поиске также приходили к описанию данного явления и понятия.

¹ Бердяев Н.А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. – М.: Феникс; ХДС- Пресс, 1991. – 92 с.

² Бердяев Н.А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. – 1933. Май. – № 38. – С. 3–38.

³ Ширко К.Н. Указ. соч.

⁴ Савка А.В. Основы философии хозяйства. – М., 2010. – 480 с.

В немецкой классической философии впервые была озвучена проблема неформального общего как действительное воплощение духовности. Ф. Шеллинг¹ в связи с этим выделяет систему категорий, в которой каждое понятие может быть четко определено при условии связи с целостным философским видением. И. Кант² утверждает неполноту и несовершенство формальной логики, которая должна дополняться интуитивным знанием.

Русские мыслители придали идее соборности новые аспекты этики и религии, основанной на интуиции. Соборность представлена как органическое единство общего и единичного, как «всеединство» – у В. Соловьёва³, как «внутреннее органическое единство, лежащее в основе всякого человеческого общения, всякого общественного объединения людей» – у С.Л. Франка⁴.

По мнению российских исследователей, существует принципиальная разница между православием и западными формами христианства, которые носят характер формализма. По мнению Н. Бердяева, «соборность противоположна и католической авторитарности, и протестантскому индивидуализму, она означает коммюнитарность, не знающую внешнего над собой авторитета, но не знающую и индивидуалистического уединения и замкнутости». При этом Н. Бердяев противопоставляет соборность коммунистической «соборности», коллективизму, где личность подавляется в ущерб навязанной извне «общей воле». Соборное единство не означает подавления личности человека, здесь не характерно противопоставление человека и мира, наоборот, ориентация на их единство при сохранении взаимной самостоятельности и самоценности. Соборность создает модель такого поведения человека в обществе, которое опирается на желание

¹ Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т.: пер. с нем. / сост., ред., авт. вступ. ст. А.В. Гулыга. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с.

² Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского; св. и ред. Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

³ Нижников С.А. Философия всеединства Вл. Соловьёва и ее критики // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-vseedinstva-yl-solovieva-i-ee-kritiki> (дата обращения: 29.12.2019).

⁴ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 58.

приблизиться к Богу за счет абсолютного духовного совершенства внутри общего православного мира¹.

Однако специфика русской соборности состоит в ее двойственности реальных форм. С одной стороны, она может принимать форму единства (согласия), с другой – форму своеволия (нетерпимости). В позитивной форме наблюдается любовь, отказ от всего «своего», от самого себя ради других, в свободной жертве, в самоотдаче. При этом любовь означает отрицание свободы как эгоистического самоутверждения личности. Крайние негативные характеристики соборности могут проявляться в охлократизме, склонности к насилию по отношению к «не нашим». В российской соборности обнаруживается вторичная ценность свободы (в контексте самоутверждения) по сравнению с равенством и справедливостью, а также тяготение к охлократическому толкованию свободы как воли. Поэтому в контексте соборности общественное принуждение существует не только благодаря насилию, оно является следствием неготовности людей к свободе, сопряженной с ответственностью. Есть мнение, хотя и весьма спорное, что русские склонны к формальной свободе произвола (своеволию), которая является обратной стороной подчинения или рабства. Русский человек скорее предпочтет государственность, а не политическую свободу, и в этом он – не раб, а патриот².

Конечно, в условиях современной России весьма затруднительно полностью осуществить основные идеи соборности. Но, несмотря на это стоит учитывать особенности соборности при анализе массовых процессов и индивидуальных моделей поведения. В экономической сфере соборность оказывает влияние на отношение к личной выгоде и экономической свободе, то есть отрицание основополагающих рыночных принципов создает сложности в завершении процессов становления рынка и впоследствии – его

¹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. – Париж: YMCA-Press, 1939. – 224 с.; Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 178.

² Заседателева А.Г. Архетипические парадоксы российской ментальности // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/8147> (дата обращения: 29.12.2019).

развития. При этом современная форма соборности принимает нередко именно негативную форму, что ведет к искаженному пониманию базовых ценностей любви, жертвенности, общинности, государственности и т. д. Это приводит к трансформациям на личностном уровне, которые выражаются в непонимании собственной роли в развитии всеобщего, отрицании личностного развития и критического мышления, непринятии идеи самоценности как инструмента создания целостности социума.

Сформированный тип экономического поведения и хозяйственной мотивации в современной России носит противоречивый характер. Главное его отличие от либеральной «индивидуалистской» рыночной модели состоит в целевой установке экономической деятельности, выраженной в солидарности, общности и созвучности с группой. Именно эти характеристики отдаляют русского человека от материального приоритета и личной максимальной выгоды. Данные идеи близки с теорией семейно-трудового крестьянского хозяйства экономиста-аграрника А.В. Чаянова¹. С точки зрения автора, в природе крестьянского хозяйства заложен трудопотребительный баланс и обеспечение достатка и занятости всех членов крестьянской семьи. Поэтому основной целью хозяйственной деятельности становится не получение максимально возможного дохода, а содержание семьи на достаточном для всех уровне. Именно принцип достатка (достаточности) заложен в основу устройства народного хозяйства, сложившегося в непростых исторических и географических условиях. Поэтому варианты замены принципа достатка принципом избытка не вызывают в современном российском обществе полного принятия и приводят к социальным трансформациям, нарушающим хозяйственный уклад.

¹ Иванов А.В. Проблемы семейно-крестьянского хозяйства и кооперации в экономическом наследии А.В. Чаянова // Вестник КрасГАУ. – 2007. – № 2. – С. 292–297.

На данный момент российские исследователи Н.М. Токарская и И.С. Карпикова выделяют несколько типов современного экономического поведения¹:

1. Дорыночный тип экономического поведения.

Данный тип поведения представляет собой установку на минимальные усилия при выполнении профессиональных задач. Предпосылкой возникновения такого типа поведения стала командно-административная система, которая, основываясь на применении жестких правил, привела к поведенческой апатии населения. Основными специфическими чертами для данного типа поведения в условиях рынка становится его отрицание, отсутствие знаний и умений, повышенная тревожность. Наблюдаются негативное отношение к расширению свободы, повышение требований рынка труда и модернизация. Поэтому подходящими инструментами для регулирования рынка представляется жесткая дисциплина и контроль, которые могут гарантировать стабильный доход.

2. Рыночный тип экономического поведения.

Главной установкой для данного типа поведения становится усердная деятельность, направленная на получение максимальной выгоды. Наблюдается ориентация на материальные блага, которая порождает повышенную активность и склонность к рискам. Формирование данного типа поведения напрямую зависит от экономической политики и принимаемых мер с учетом интересов граждан. Процессы восприятия новых ценностей проходят достаточно активно, что позволяет максимально быстро адаптироваться к рыночным условиям.

3. Псевдорыночный тип экономического поведения.

Основной характеристикой псевдорыночного поведения становится стремление к получению максимальной материальной выгоды при условии минимальных усилий. Формирование данного типа поведения привело к

¹ Токарская Н.М., Карпикова И.С. Социология труда / под ред. М.А. Винокурова. – М.: Университетская книга, Логос, 2006. – 208 с.

деформации рынка труда и его оплаты, которая выражается в постоянных поисках дополнительного заработка, а также в применении теневых рыночных инструментов, ведущих к повышенному риску. Последствиями данных процессов являются потеря мотивации в профессиональной деятельности и искажение моральных ценностей. Псевдорыночное экономическое поведение является признаком слаборазвитой экономической системы и в большей степени характерно для развивающихся стран. Такой тип поведения характерен для России, и источником подобной модели поведения выступают различные факторы. Так, на социальном уровне это несформированность рынка и массовая ориентация на символическое потребление. На индивидуальном уровне наблюдается отсутствие свободы выбора и критического мышления, дегуманизация, ориентация на личную выгоду при отсутствии необходимых навыков.

Нужно признать, что подобное положение вещей приводит к необходимости понимания взаимосвязей современных тенденций в сфере экономического поведения как в странах Запада, так и в России с целью определения специфических черт и характеристик.

Ф. Бродель, рассматривая понятие «материальная цивилизация», выделяет несколько типов экономик и, характеризуя современный капитализм, говорит, что основным его преимуществом является свобода выбора во всех проявлениях. Современный капитализм стал намного эффективнее и стабильнее, чем его предшествующие формы. Именно поэтому не стоит его рассматривать в узком смысле в качестве экономической системы, которая не отражает реального влияния и взаимопроникновения в социальную сферу и сферу государственного управления¹. Сфера экономики является неразрывным звеном в системе государственного управления, которое предопределяет социальную жизнь каждого человека.

¹ Семёко Г.В., Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Прогресс, 1992. – Т. 3: время мира. – 679 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 1995. – № 1. – С. 3–5.

Новое видение современного рынка представляет французский экономист Т. Пикетти в своей работе «Капитал в XXI веке»¹, где он указывает на то, что накопление и концентрация капитала уже достигли определенного уровня, который может спровоцировать дисфункциональные и кризисные явления. По мнению Пикетти, данные тенденции не связаны с недостатками рынка, то есть капитализм как экономическая система не является здесь определяющим фактором. Большее влияние оказывает неравномерное распределение капитала. Инструментами для преодоления данных сложностей, с его точки зрения, могут стать прогрессивный налог на богатство и капитал. Однако в дальнейшем автор утверждает, что реализация указанных идей практически невозможна в силу политических и практических препятствий².

Выделенные особенности современной экономики влияют на усиление конфликта между живым и овеществленным (прошлым) трудом. Данная тенденция связана с новым явлением – «безлюдной экономикой», которая основана на работе техники³. В связи с этим основатель Microsoft Билл Гейтс предложил облагать налогами труд роботов, замещающих человека, на производстве⁴. Данная мера, по его мнению, должна быть направлена в первую очередь, на решение проблемы безработицы и помощь социально незащищенным слоям населения. Стоит отметить, что данный вопрос уже рассматривался в феврале 2017 г. в Европарламенте. Однако эта инициатива не была поддержана.

Подобные процессы в своей работе актуализирует Пиккетти, указывая на растущее социальное неравенство. В связи с вышеуказанным остро встает вопрос о контроле технологического прогресса и инвестиционного процесса⁵.

¹ Piketty T. Le Capital au XXIe siècle. Éditions du Seuil. – Paris, 2013. – 976 p.

² Дубянский А.Н. Современное состояние и перспективы капитализма (по мотивам книги Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке») // Христианское чтение. – 2015. – № 1. – С. 251–263.

³ Конанчук Д. Пожизненный урок // Harvard Business Review. – 2017. – 01 февраля. – URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a18851/> (дата обращения: 10.01.2019).

⁴ Гордеев В. Билл Гейтс предложил обложить налогами труд роботов // РБК. – 2017. – URL: <http://www.rbc.ru/business/18/02/2017/58a7ee769a7947fbc0503587> (дата обращения: 10.01.2019).

⁵ Балацкий Е.В. Эффект Пикетти: комментарий к новой концепции // Пространство экономики. – 2017. – № 2. – С. 40–56.

Вариантом решения обозначенных проблем также является так называемое «позитивное сотрудничество»¹, которое по-новому предлагает строить социально-экономические взаимодействия. Основным трансформирующимся элементом в новом подходе выступает институт собственности, на который Пиккетти делает акцент в своей работе. Появление «шеринговой экономики» полностью меняет взгляд на привычную схему потребления и предлагает больше не тратить ресурсы на новые товары и услуги, а перенаправить усилия на взаимовыгодное сотрудничество². «В новой шеринговой экономике, – рассуждает автор портала The Huffington Post, – отстраивающейся вокруг таких компаний, как Airbnb, Spotify, Netflix и Uber... нам больше не понадобится владеть собственными машинами, книгами, музыкой и даже домами...»³. В этом отношении И.Г. Поспелов говорит, что развитие данного тренда в будущем может привести к потере интереса к безграничному потреблению и большему вниманию к проблеме межличностного взаимодействия⁴. Однако подобные оптимистичные взгляды довольно трудно реализовать в условиях современного рынка, так как воплощение планов по трансформации моделей потребления связано как с ориентацией на личную выгоду, так и с массовыми тенденциями символического потребления⁵.

В экономике XXI века наблюдает несколько параллельных новейших тенденций, которые в значительной степени влияют на экономическое поведение человека. И наряду с «безлюдной экономикой» существует так же

¹ Полтерович В. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5–23.

² Could We Live In a Zero Growth Society? – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/could-we-live-in-a-zero-growth-society/> (дата обращения: 10.01.2019).

³ Jabbar S. Inequality in Industry 4.0. – URL: http://www.huffingtonpost.com/saeed-jabbar/inequality-in-industry-40_b_9011630.html (дата обращения: 20.01.2019).

⁴ Поспелов И.Г. Равновесные модели экономики в период мирового финансового кризиса // Труды МФТИ. – 2009. – Т. 1. – № 4. – С. 67.

⁵ Мальцев А.А., Мальцева В.А. Возвращение мрачной науки? Размышления о книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» и будущем мировой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 204–219.

«виртуальная экономика»¹, которая является порождением развития технологий и глобализации.

Анализом современного информационного общества занимался знаменитый футуролог Э. Тоффлер, который сформулировал концепцию трех волн. По его мнению, для общества «третьей волны» характерны масштабные технологические преобразования и внедрение компьютеров. По словам автора, такие тенденции приводят к изменениям в культуре, виртуализации экономики и «демассификации» общества². Однако не все исследователи согласились с его точкой зрения, и Ж. Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» опровергает утверждение о «демассификации». По мнению Бодрийяра «успех искусственного разума вызван тем, что этот разум освобождает нас от разума природного»³, что выражается в росте популярности компьютерных технологий, которые соответствуют его инертному характеру массового сознания⁴. Тут скорее уместнее говорить о дефрагментации личности и снижении целостности общества, которые проявляются в утрате ценностных и духовных оснований развития.

Стоит отметить, что развитие и расширение виртуальной экономики кардинально не видоизменяет социальные взаимоотношения, а придает им новые формы, которые являются частью мировой системы. В связи с этим можно утверждать, что на данный момент в современном мире формируются новые виды экономического взаимодействия, такие как сетевые организации, и новые модели личного «успешного поведения» экономических индивидов. В виртуальной экономике on-line ресурсы выступают в качестве «клеточки» социального взаимодействия⁵.

Однако существуют и негативные оценки виртуализации экономики и ее влияния на субъект экономических отношений. Среди основных

¹ Бабаев Д.Б. Об особенностях трактовки содержания термина «виртуальная экономика» // Экономические науки. Приложение к журналу «Современные наукоемкие технологии». – № 4. – 2009. – С. 13–18.

² Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова и др. – М., 2009. – 795 с.

³ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла... С. 86.

⁴ Грибов С.Н., Юрков С.Е. Индивидуализация типов личностей на основе информационного подхода // Известия ТулГУ. Сер.: Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 172–184.

⁵ Паринов С.И. К теории сетевой экономики. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2002. – 168 с.

недостатков данного процесса называют финансовые пирамиды, банкротство, незаконные сделки, которые в своей совокупности крайне негативно влияют на развитие экономической сферы и впоследствии на жизнь каждого гражданина. Неуклонный рост свободы в виртуальном мире создает неподконтрольные взаимодействия, что делает экономическое пространство непознаваемым. Этот процесс приводит к множественности денег и их реальной неподтвержденности. При этом обычному потребителю довольно сложно разобраться в специфике виртуальной экономики и осуществлять грамотную экономическую деятельность.

Сегодня имеет место искаженное понимание виртуальной экономики, которая выразилась в форме ответа на рыночные трансформации в виде фальсификации отчетных документов экономических агентов. Данное явление, характерное для русского рынка, описали в своих трудах американские экономисты Клиффорд Гадди и Барри Икес¹. По мнению ученых, различные мировые тенденции современного рынка чаще всего носят противоречивый характер влияния на субъект экономических отношений и с учетом культурных и национальных особенностей могут принимать видоизмененные формы, которые носят негативную окраску.

Специалист в области поведенческой экономики Дэн Ариэли говорит, что поведение реального человека на рынке не может быть абсолютно рациональным как в теоретической модели экономического человека. Отличительной чертой как раз является иррациональность, которую он понимает как поведение, не соответствующее собственным ожиданиям. Также автор выделяет еще одну характерную черту, которая выражается в том, что человеку свойственно одновременно иметь несовместимые желания или стремиться к противоречащим друг другу целям. В связи с этим исследователь в своей работе «Предсказуемая иррациональность. Скрытые

¹ Gaddy C.G., Ickes B.W. Beyond a Bailot. Time to face about Russian Virtual Economy. – URL: www.brook.cdu/fp/articles/gaddy.l.htm (дата обращения: 18.01.2019.)

силы, определяющие наши решения»¹ пытается объяснить весь механизм принятия решений современным человеком в условиях рынка и с помощью осознания специфики этого процесса приблизить поведение людей к большей рациональности². Осознание своей иррациональности, использование механизмов критического мышления и в последующем развитие индивидуальной самобытной модели экономического поведения становится основой как для разумного потребления, так и для ценностной трансформации, влияющей на социальное и предопределяющее его.

Объяснение иррациональности экономического поведения человека в современном мире можно найти и в концепции «окон Овертона», созданной социологом Джозефом П. Овертоном³. Исследователь показал, что принцип закрепления революционных идей в обществе проходит через так называемое «окно возможностей». В рамках данного явления наблюдается цепочка логических воздействий, цель которых – распространить идею в обществе и сделать ее популярной, тем самым пройдя путь от уровня «немыслимого», до уровня «актуальной политики». Манипулирование общественным сознанием происходит на основе глубокого проникновения в область морали и менталитета с помощью неочевидных информационных инструментов⁴. Таким образом можно рассматривать и мир экономических взаимодействий, в рамках которого происходит бесконечное насаждение необходимой информации потенциальному потребителю, который в определенный момент перестает контролировать внешнее воздействие, начинает принимать решения иррационально и подпадает под основные экономические инструменты воздействия.

¹ Ariely D. Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions. – NY: HarperCollins, 2008. – 308 p.

² Особенности поведенческой экономики. Интервью Дэна Ариэли // Центр гуманитарных технологий. – 21.06.2008. – URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/1750> (дата обращения: 12.01.2019.).

³ Nathan J. Russell. An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities. Mackinac Center for Public Policy (4 January 2006). – URL: <https://www.mackinac.org/7504> (дата обращения: 11.12.19.).

⁴ Мямлин К. Технология уничтожения: «Окно Овертона» и возможность противостояния деградации. URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyj_mirovoj_poryadok_metody_tehnologiya_unichtozheniya_okno_overnona_i_protivostoyanie_degeneracii_13052014/ (дата обращения: 12.01.2019.).

Описанные мировые тенденции и специфика воздействия на экономическое поведение человека актуализируют вопрос этики и моральных оснований экономических отношений. Процесс всемирной глобализации, пронизывающей практически все сферы человеческого бытия актуализирует проблемы создания универсальных этических и императивных норм, которые будут призваны уравнивать разные культуры и цивилизации.

Расширение виртуальных границ и слияние экономического пространства приводит к изучению национальных особенностей поведения в условиях глобализирующегося мира. Специалисты в области экономики выделяют множество национальных и региональных культур, которые можно условно разделить на три группы:

- моноактивные, ориентированные на задачу (*task-oriented*), четко планирующие деятельность;
- полиактивные, ориентированные на людей (*people-oriented*), словоохотливые и общительные;
- реактивные, интровертивные, ориентированные на сохранение уважения (*respect-oriented listeners*).

Также выделяют культуры, ориентированные на диалог (Италия, Франция, Португалия, Латинская Америка, арабские страны, Индия и др.), и культуры, ориентированные на безличностный сбор информации (США, Германия, Швеция и др.)¹. Анализ культур показывает, что виртуальная экономика наиболее применима для представителей культур, ориентированных на формализованные методики приобретения информации. При этом культура России занимает промежуточное положение между «культурой, ориентированной на диалог, и культурой, ориентированной на формализованное информирование»². Данные обстоятельства

¹ Новиков В.С., Перова А.Е. Виртуализация финансовой сферы как тенденция и адаптация к современным экономическим условиям ведения бизнеса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2012. – № 32. – С. 48–53.

² Новиков В.С., Ткачева Е.Н. Виртуальное экономическое пространство в глобализирующейся системе региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. – 2012. – № 7. – С. 53–59.

свидетельствуют о наличии национальных особенностей, которые необходимо учитывать при анализе экономического поведения

Исторический анализ творчества российских исследователей и изучение современных мировых тенденций демонстрируют, что русская культура не вступает в противоборство с иными культурами, а скорее сохраняет свою уникальную идентичность, которая составлена из множества этносов и традиций. Именно поэтому ускоренные темпы модернизации и значительные изменения в технологической и экономической сферах без подстройки под специфику страны могут быть восприняты как чуждые и неэффективные.

Такой результат можно наблюдать в ходе взаимодействия традиционной и либеральной ценностных систем. Неразрешимость внутренних противоречий приводит к социально-экономическим дисфункциям, перерастающим в затяжные кризисы. Модель «экономического человека» практически не может быть реализована в российских условиях, так как русский человек не только не всегда может мыслить рационально или иррационально, но и обладает специфической способностью – «интуитивностью», которая совершенно не вписывается ни в одну теоретическую модель экономического поведения и является элементом менталитета. Дальнейшее навязывание либеральных моделей может привести только к формированию массового типа личности, который не опирается на глубокие культурные и ментальные основания, поэтому такой индивид, скорее всего, станет оторванным от социальной реальности своего государства. По этому поводу уже высказывали свои опасения русские мыслители: «Новый человек может явиться лишь в том случае, если человека считают высшей ценностью, ...если он лишь средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека, то есть об углублении процесса дегуманизации...»¹. Человеческая природа основана на гармонизации как

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

духовных, так и материальных составляющих, поэтому преобладающее давление экономического может вытеснить культурные и духовные ценности.

Современное российское общество является частью глобального мира и рынка, именно поэтому основными задачами, которые встают перед государством, являются глубокое понимание специфики экономического поведения личности и последующее эффективное включение во все мировые процессы при условии сохранения собственной культуры.

Заключение

Направление научного поиска, выбранное в настоящей работе, дало возможность решить основную проблему исследования – определить характер обусловленности целостности общества особенностями экономического поведения индивидов и групп – и позволило получить результаты, значимые для современной социально-философской науки.

Так, проведенная исследовательская работа позволила установить разницу между экономической деятельностью и экономической активностью, а также дать авторское определение экономического поведения как совокупности действий экономического характера (от обыденных до инициативных), которые неизбежно совершают человек и сообщества людей с большей или меньшей степенью регулярности.

Исследование показало, что реальное экономическое поведение как одно из видов социального индивидуального поведения включает в себя как разумные элементы расчета, так и иррациональные составляющие, такие как дефицит знаний и особенности личностного восприятия.

В результате социально-философского анализа установлено, что алгоритмы экономического поведения не являются универсальными и всеприменимыми в любой сфере жизни общества. Человеческие отношения могут быть основаны на разных мотивах, имеющих как эгоистическую, так и альтруистическую направленность.

Системный анализ экономического поведения демонстрирует, что определяющими параметрами социально-экономической сферы являются свобода и степень открытости, которые гарантируют постоянную взаимосвязь на всех уровнях: от внутреннего до внешнего. При этом первоначалом рыночной системы является субъект, который предопределяет ее развитие на основании своих действий. Развитие экономической реальности во многом зависит от свободы принимаемых субъектом решений и степени проявления индивидуальности.

При изучении трансформаций научных воззрений на экономическое поведение было установлено, что в западноевропейской философии Нового времени экономическая сфера жизни общества была представлена как целостная система, способная гармонично согласовывать частные и общественные интересы. Однако неклассическая философия предложила новый подход к анализу социально-экономической действительности, выявив внутри нее разрушительные начала. Основой деструктивных процессов в социально-экономической сфере стал кризис в функционировании социальной системы как на макро-, так и на микроуровнях, так как она наделена такими современными характеристиками, как глобальность, эгоизм и консюмеризм.

Философский анализ показал, что экономическое поведение представляет собой не однолинейный процесс, а сложноустроенный многоуровневый целостный механизм, существующий относительно конкретной социальной ситуации и воздействующих на него факторов.

Анализ рассмотренных теоретических концепций демонстрирует, что качественные экономические трансформации могут быть достигнуты в результате усиления системной целостности и перехода от директивного управления к регулируемой государством рыночной самоорганизации. Основой такой трансформации выступает рост способности индивидов к самоорганизации в условиях постоянно изменяющегося рынка.

Изучение онтологической составляющей экономического поведения показало, что оно представляет собой социокультурную целостность, являющуюся органичной, но при этом гетерогенной частью более широкой целостности – социально-экономической реальности. Было также показано, что в рыночном обществе социальная и социально-экономическая реальность в принципе тождественны, так как в наши дни отношения представителей социальных институтов, общностей и групп являются рыночными и основаны на обмене.

Установлено, что в экономическом поведении находят свое отражение

трансформации экономического и духовного мира, которые выражаются помимо прочего в тенденциях конкуренции и кооперации не только в хозяйственной, но и в других сферах жизнедеятельности.

Аксиологическая составляющая исследования экономического поведения обеспечила углубленное, целостное понимание субъективного смысла человеческих поступков в процессе социально-экономического взаимодействия и формирования ценностно-мотивационных систем, определяющих степень сочетаемости ближайших и перспективных целей жизнедеятельности экономических субъектов.

В рамках анализа базовых установок ценностных ориентиров экономического поведения были рассмотрены многовариантные модели, включающие в себя элементы достижительных стратегий и приспособленчества, экономического расчета и личного эгоизма, которые благоприятствуют экономически-прогрессивному или экономически-регрессивному экономическому поведению.

Экономическая глобализация, усиление разрыва взаимосвязи человека и природы приводят к необходимости пересмотра устоявшихся ценностей экономического поведения. Измерение личных интересов и экономического расчета должно быть согласовано и гармонизировано с общесоциальными гуманистическими ориентирами.

Анализ социально-атомистического и холистического подходов к пониманию социального и индивидуального в экономическом поведении показывают, что холизм и атомизм не противоречат друг другу, а скорее дополняют общее представление о рассматриваемых процессах. Экономическое поведение обладает рядом важнейших функций, помогающих индивиду как ориентироваться во внешнем пространстве, транслирующем культуру, ценности, законы и тенденции развития, так и создавать внутренний индивидуальный жизненный каркас.

Изучение диалектических оснований системности общества и их проявлений в экономическом поведении позволило исследовать природу и

сущностные характеристики экономического поведения с точки зрения интегрального теоретико-методологического подхода. Изучение целостности было осуществлено по большей части в рамках системного подхода и основано на методологическом принципе познания, построенного на делении целого на части. Такой подход отличает саму систему от целостности и приходит к выводу о более высокой роли системы в иерархической цепочке понятий.

Главное, что было установлено в ходе исследования, – обоснование того, что не только социальная система со всеми свойственными ей характеристиками, включая уровень ее целостности, определяет параметры и модели экономического поведения, но и индивидуальное экономическое поведение оказывает значимое влияние на целостность социума.

Постнеклассическая методология в полной мере не раскрыла диалектические основания системности общества и их проявления в экономическом поведении, но достаточно широко проиллюстрировала, проблемы непредсказуемости социальной системы и внутреннего кризиса, определила возможный вектор позитивной практики экономического поведения, основанный на гуманизме, либерализме и воспитании действующего творческого индивида-интеллектуала.

Ведущим принципом, выбранным для исследования, выступил целостный подход к интерпретации экономического поведения в виде взаимосвязи целого и частей. Целостность представлена как свойственный обществу и экономическому поведению личности вектор развития, в котором взаимосвязь целого и частей определяет само их существование, внутреннее сходство и относительную ограниченность. Это гарантирует структурно-функциональную гетерогенную целостность систем, их внутреннее единство и противоположность по типу отношений между субъектами социального взаимодействия как на уровне общества, так и на уровне человеческого поведения во всех сферах социального взаимодействия.

Рассмотрено диалектическое единство параметров системы и целостности. Целостность социальной системы определяет ее развитие и сопровождает процесс формирования. Особое значение здесь приобретает целостность информационно-знакового структурного уровня социальной системы, на котором зарождается новая цель существования системы и который является итогом коллективной деятельности людей. Сформированность структурной целостности позитивно сказывается на компонентной целостности, то есть на продуктивном взаимодействии между отдельными подсистемами общества.

На целостность социальной системы также влияет ее прогресс и, как следствие, изменение ее структурного состояния. При обстоятельствах развития и инновационных трансформаций социальные системы способны снизить уровень своей целостности, одновременно повысив уровень автономности (относительно закрытая социальная система). Если развитие принимает экстенсивно-экспансивную форму, это может привести к нарушениям целостной социальной системы по причине внешнего воздействия. Несколько иная ситуация характерна для интенсивно развивающихся социальных систем, которые переходят от одного целостного структурного состояния к другому, более высокому уровню развития и в итоге прогрессируют.

Изучение различных концепций целостности, основанных на открытости и однородности, позволило установить, что глобализация представлена инструментом интеграции различных обществ, культур и рынков в единое унифицированное пространство, а практика постмодерна – социокультурным периодом, основанным на дезинтеграции и хаосе, при котором формируются исключительно потребительские практики, утрачиваются и разрушаются механизмы единства и целостности общества. Целостность выступает гарантом продуктивного развития не только общества, но и отдельной личности. В связи с этим обоснована идея

необходимости представления человеческого поведения как основного механизма преобразования реальности и реализации системы ценностей.

Установлено, что экономическое поведение как целостная система действий, целостность личности как субъекта экономического поведения и целостность общества, обладающая необходимым для развития потенциалом – гетерогенностью – вот три взаимосвязанные и взаимозависимые переменные, обуславливающие друг друга.

Показана перспективность исследования эпистемологических оснований диалектики социального и индивидуального в экономическом поведении. Данный подход базируется на установлении роли методологии в анализе экономического поведения и его воздействия на общество. Ведущим объектом исследования эпистемологии представлено знание как таковое, его строение, структура, функционирование и развитие. Классическая гносеология представляла социально-экономическую реальность объективной и противопоставленной исследователю, из которой исключен элемент субъективности. Неклассическая эпистемология поставила под сомнение универсальность научного постижения экономической реальности. Постмодернизм как форма научных воззрений изменил взгляды не только в отношении субъекта и его роли в научном познании. В итоге установлено, что общество начала XXI века характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических процессов, а с другой – все более явной фрагментированностью человеческого существования. Противоречие между этими процессами и составляет основную проблему современного общества.

Изучение форм экономического поведения российского общества в различные исторические периоды показало, что ускоренные темпы модернизации и значительные изменения в технологической и экономической сферах без подстройки под социокультурную специфику страны могут быть восприняты как чуждые и не эффективные. Трансляция либеральных ценностей и навязывание чуждой культуры способствуют

формированию негармоничной, оторванной от контекста и менталитета личности. В связи с этим возникает необходимость изучения особенностей экономического поведения, которое способно выступить ориентиром в процессах адаптации рыночных и социальных инструментов.

Возможными вариантами корректировки обозначенных тенденций становятся преобразование духовной составляющей жизни человека, переориентация экономических практик с потребительских на производящие, развитие индивидуальности как творческого начала. Именно индивидуальность может выделить личность в массовых процессах подражания, способствовать развитию критического мышления, переориентировать ее ценностные основы с экономической сферы на духовную и стать действенным механизмом преобразования и развития реальности.

Новое понимание целостности как открытости позволяет развивать неразработанные ранее возможности исследования. До недавнего времени целостность воспринималась как некоторый принцип однородности общества, отсюда перспективу устойчивого развития видели в унификации, закрытости как средстве против проникновения чужеродных элементов, нарушающих единство социальной системы.

Перспективный приоритет развития общества – развитие у людей творческого начала. Именно творчество, коллективное или индивидуальное, создает основу для развития целостного общества, так как творчество – главное условие социальной жизнеспособности в изменяющихся социально-экономических условиях.

В современных условиях глобализации экономическое поведение преобладает над другими видами социального поведения, а его трансформация может быть источником дополнительных знаний о содержательных процессах поведения личности, об алгоритме раскрытия человеческого потенциала как источника целостности и открытости социальных систем.

Современное человечество, в котором преобладание экономического во всех сферах жизни стало неизбежным, может сохранить свою цивилизацию только при условии наполнения экономического поведения духовным содержанием. Это, в свою очередь, позволяет человеку развиваться в целостную личность, ориентированную как на личные, так и на общественные интересы.

Гуманистический подход к целостности общества становится наиболее оптимальным конструктом в практической экономической деятельности людей, вектором развития и реализации творческого потенциала и индивидуальности личности. Центральной идеей данного подхода и сутью целостности выступает осознание ее разнородности как ресурса продуктивного социально-экономического развития.

Список использованной литературы

1. Авдей, О. В. Экономическая культура как фактор экономической социализации / О. В. Авдей. – Текст : непосредственный // Социальные факторы инновационного развития экономики. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. – 116 с.
2. Автономов, В. С., Поведенческие институты рыночной экономики: к постановке проблемы / В. С. Автономов, А. В. Белянин. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2011. – № 2. – С. 112–130.
3. Автономов, В. С. Модель человека в экономической науке: монография. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1998. – 230 с. – Текст : непосредственный.
4. Автономов, В. С. Человек в зеркале экономической теории. – Москва : Наука, 1993 – 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Акунов, В. И., Математическое моделирование больших систем преобразований потоков вещества, энергии, информации / В. И. Акунов, А. Л. Чечик. – Текст : непосредственный // Эволюция открытых систем. – Киев: 2003. – 215 с.
6. Алексеева, Т. А. Лики российского постмодернизма / Т. А. Алексеева. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2003. – № 4. – С. 22–46.
7. Ананьин, О. И. Онтологические предпосылки экономических теорий. – Москва : Институт экономики РАН, 2013. – 50 с. – Текст : непосредственный.
8. Ананьин, О. И. Философия и методология экономической науки / О. И. Ананьин. – Текст : непосредственный // Философия социальных и гуманитарных наук / Под редакцией С. А. Лебедева. – Москва: Академический проект, 2006. – С. 353–436.
9. Анохин, П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – Москва : Наука, 1978. – 395 с. – Текст : непосредственный.
10. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – Москва : Эксмо, 2015. – 442 с. – Текст : непосредственный.
11. Аристотель. Политика / перевод с древнегреческого С. М. Роговина. – Москва : РИПОЛ классик, 2010. – 592 с. – Текст : непосредственный.
12. Арнольд, В. И. Теория катастроф / В.И. Арнольд. – Москва : Леонард, 2016. – 134 с. – Текст : непосредственный.
13. Архипова, Т. А. Экономическое поведение в российском трансформирующемся обществе: сущность, черты, направления формирования / Т. А. Архипова : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.01. – Ростов-на-Дону, 2001. – 160 с. – Текст : непосредственный.
14. Афанасьев, В. Г. Проблема целостности в философии и биологии / В. Г. Афанасьев. – Москва : Мысль, 1964. – 416 с. – Текст : непосредственный.

15. Бабаев, Д. Б. Об особенностях трактовки содержания термина «виртуальная экономика» / Д. Б. Бабаев. – Текст : непосредственный // Экономические науки. Приложение к журналу «Современные наукоемкие технологии». – № 4. – 2009. – С. 13–18.
16. Батыгин, Г. С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса / Г. С. Батыгин. – Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 6–34.
17. Бауман, З. Индивидуализированное общество : перевод с английского. – Москва, 2002. – 390 с. – Текст : непосредственный.
18. Бауман, З. Спор о постмодернизме / З. Бауман. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 73–74.
19. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – Москва : Весь Мир, 2004. – 188 с. – Текст : непосредственный.
20. Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход / С. Беккер Гери. – Москва : ГУ ВШЭ, 2003. – 336 с. – Текст : непосредственный.
21. Белинский, В. Г. Статьи и рецензии. 1841–1844 / В. Г. Белинский; АН СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); редколлегия : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. – Москва : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. – 863 с. – Текст : непосредственный.
22. Бердяев, Н. А. Философия неравенства. Письмо к недругам по социальной философии / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Русская философия собственности. – Санкт-Петербург, 1993. – 510 с.
23. Бердяев, Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. А. Бердяев. – Москва : АСТ, 2006. – 349 с. – Текст : непосредственный.
24. Бердяев, Н. А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) / Н. А. Бердяев. – Текст : непосредственный // Путь. – 1933. Май. – № 38. – С. 3–38.
25. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики / Н. А. Бердяев. – Париж: YMCA-Press, 1939. – 224 с. – Текст : непосредственный.
26. Бердяев, Н. А. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – Москва : Феникс; ХДС-Пресс, 1991. – 92 с. – Текст : непосредственный.
27. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Наука, 1990. – 224 с. – Текст : непосредственный.
28. Берталанфи, Л. Общая теория систем – Критический обзор / Л. Берталанфи. – Текст : непосредственный // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общая редакция и вступительная статья В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – Москва : Прогресс, 1969. – С. 23–82.
29. Бир, С. Кибернетика и менеджмент / С. Бир. – Москва : КомКнига, 2011. – 280 с. – Текст : непосредственный.

30. Блауберг, И. В. Проблема целостности и системный подход / И. В. Блауберг. – Москва : Эдиториал УРСС, 1997. – 450 с. – Текст : непосредственный.
31. Блауберг, И. В. Часть и целое : Философский энциклопедический словарь / И. В. Блауберг. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. – Текст : непосредственный.
32. Блауберг, И. В., Понятие целостности и её роль в научном познании / И. В. Блауберг, Б. Г. Юдин. – Москва : Знание, 1972. – 48 с. – Текст : непосредственный.
33. Блауг, М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют / М. Блауг. – Москва : Вопросы экономики, 2004. – 416 с. – Текст : непосредственный.
34. Блауг, М. Неоклассическая теория денег, процента и цен / М. Блауг. – Текст : непосредственный // Экономическая мысль в ретроспективе – Economic Theory in Retrospect. – Москва : Дело, 1994. – С. 586–606.
35. Богданов, А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука / А. А. Богданов. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 480 с. – Текст : непосредственный.
36. Боден, Ж. Шесть книг о государстве / Ж. Боден. – Текст : непосредственный // Антология мировой философии : в 4 т. – Москва, 1970. – Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – С. 141–147.
37. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – Москва : Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с. – Текст : непосредственный.
38. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла : перевод с французского / Ж. Бодрийяр. – Москва, 2012. – 257 с. – Текст : непосредственный.
39. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с. – Текст : непосредственный.
40. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва : Постум, 2015. – 240 с. – Текст : непосредственный.
41. Бондаренко, О. В. Ценностно-аксиологические факторы выбора моделей экономического поведения / О. В. Бондаренко. – Текст : непосредственный // Вестник ЮРГТУ (НИИ). – 2008. – № 1. – С. 41–44.
42. Борознова, А. М. Типы «деловых людей» в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» / А. М. Борознова. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 4 (35) Ч. 2. – С. 82–84.
43. Боулдинг, К. Э. Экономическая наука и социальные системы / К. Э. Боулдинг. – Текст : непосредственный // Панорама экономической мысли конца XX столетия : в 2 т. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 2002. – Т. 2 – С. 907–927.
44. Булгаков, С. Н. Об экономическом идеале / С. Н. Булгаков. – Текст : непосредственный // Труды по социологии и теологии. – Москва : Наука, 1997. – Т. 1. – 333 с.

45. Булгаков, С. Н. Философия имени / С. Н. Булгаков. – Москва : Наука, 2008. – 448 с. – Текст : непосредственный.
46. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков; ответственный редактор О. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с. – Текст : непосредственный.
47. Вальрас, Л. Элементы чистой политической экономии / Л. Вальрас. – Москва : Изограф, 2000. – 448 с. – Текст : непосредственный.
48. Васильев, В. В. Методология Юма и его наука о человеческой природе / В. В. Васильев. – Текст : непосредственный // Историко-философский ежегодник (2012). – Москва : Наука, 2013. – С. 62–115.
49. Василюк, Н. И. Социально-аксиологическая мотивация экономического поведения россиян / Н. И. Василюк : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук : 22.00.03. – Новочеркасск, 2005. – 24 с. – Текст : непосредственный.
50. Вебер, М. Избранное. Образ общества : перевод с немецкого / М. Вебер. – Москва : Юрист, 1994. – 704 с. – Текст : непосредственный.
51. Веблен, Т. Б. Теория праздного класса / Т. Б. Веблен; перевод С. Сорокина. – Москва : Либроком, 2011. – 368 с. – Текст : непосредственный.
52. Вернадский, В. И. Начало и вечность жизни / В. И. Вернадский. – Москва : Сов. Россия, 1989. – 704 с. – Текст : непосредственный.
53. Верховин, В. И. Экономическое поведение как предмет социологического анализа / В. И. Верховин. – Текст : непосредственный // Социс. – 1994. – № 10. – С. 120–125.
54. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – изд. 2-е. – Москва : Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с. – Текст : непосредственный.
55. Вольтер. Статьи и материалы / под редакцией М. П. Алексеева. – Ленинград : Издательство ЛГУ, 1947. – 224 с. – Текст : непосредственный.
56. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – Минск: Современное слово, 1998. – 480 с. – Текст : непосредственный.
57. Выготский, Л. С. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок / Л. С. Выготский, А. Р. Лурия. – Москва : Педагогика-Пресс, 1993. – 221 с. – Текст : непосредственный.
58. Вышеславцев, Б. П. Образ Божий в существе человека / Б. П. Вышеславцев. – Текст : непосредственный // Русская религиозная антропология. Антология. – Москва, 1997. – Т. 2. – С. 380–400.
59. Гвишиани, Д. М., Системные исследования. Методологические проблемы / Д. М. Гвишиани, В. Н. Садовский. – Москва : URSS, 1997. – Вып. 25. – 392 с. – Текст : непосредственный.
60. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1970–1972. – Т. 1. – 501 с.
61. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология Духа. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Эксмо, 2007. – 880 с. – Текст : непосредственный.

62. Гельвеций, К. Сочинения в 2 томах / К. Гельвецкий. – Москва : Мысль, 1973–74. – Т. 1. – 647 с.; Т. 2 – 687 с. – Текст : непосредственный.
63. Гераклит. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. / перевод А. В. Лебедева. – Текст : непосредственный. – Москва : Наука, 1989. – № 22. – С. 176–257.
64. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 2001. – 478 с. – Текст : непосредственный.
65. Гоббс, Т. Философские основания учения о гражданине / Т. Гоббс. – Минск : Харвест; Москва : АСТ, 2001. – 304 с. – Текст : непосредственный.
66. Гольбах, П. Избранные произведения в 2 томах / П. Гольбах. – Москва : Мысль, 1963. – Т. 1. – 715 с.; Т. 2 – 563 с. – Текст : непосредственный.
67. Гореликов, Л. А. Идея целостности в основаниях современной научной картины мира: социально-исторический подход / Л. А. Гореликов : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук : 09.00.11, 09.00.01. – Великий Новгород, 2006. – 634 с. – Текст : непосредственный.
68. Грамши, А. Избранные сочинения в 3 томах / А. Грамши. – Москва : Изд-во Иностранной литературы, 1957. – Т. 1. Ордине Нуово (1919–1920). – 512 с. – Текст : непосредственный.
69. Грейф, А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли : перевод с английского / А. Грейф. – Москва : Изд-вом Высшей школы экономики, 2013. – 536 с. – Текст : непосредственный.
70. Грибов. С. Н., Индивидуализация типов личностей на основе информационного подхода / С. Н. Грибов, С. Е. Юрков. – Текст : непосредственный // Известия ТулГУ. – Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 172–184.
71. Григорян, Л. К. Соотношение ценностей и моделей экономического поведения: межконфессиональный анализ / Л. К. Григорян. – Текст : непосредственный // Ценности культуры и модели экономического поведения : научная монография / под редакцией Н. М. Лебедевой, А. Н. Татарко. – Москва : Спутник+, 2011. – С. 166–184.
72. Гэлбрейт, Дж. Экономические теории и цели общества/ Дж. Гэлбрейт. – Москва : Прогресс, 1976. – 405 с. – Текст : непосредственный.
73. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Институт русской цивилизации, 2008. – 704 с. – Текст : непосредственный.
74. Дейт, К. Дж. Введение в системы баз данных / К. Дж. Дейт. – Москва : Вильямс, 2006. – 1328 с. – Текст : непосредственный.
75. Декарт, Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках и другие философские работы : перевод с латинского / Р. Декарт. – Москва : Академический проект, 2011. – 335 с. – Текст : непосредственный.
76. Демиденко, Э. С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека: доклад XIX Всемирному философскому конгрессу,

- секция «Экология и будущее жизни на Земле» / Э. С. Демиденко. – Брянск : Очаг, 1993. – 50 с. – Текст : непосредственный.
77. Джевонс, У. Политическая экономия : монография / У. Джевонс. – Санкт-Петербург : Народная польза, 1905. – 121 с. – Текст : непосредственный.
78. Джерелиевская, И. К. Личностная детерминанта социального порядка: аксиологический аспект / И. К. Джерелиевская : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.11. Социальная философия. – Москва, 2009. – 38 с. – Текст : непосредственный.
79. Дидро, Д. Избранные философские произведения / Д. Дидро. – Москва : Госполитиздат, 1941. – 282 с. – Текст : непосредственный.
80. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006–2014 гг.) : монография / Е. П. Савруцкая, Б. А. Жигалев, С. К. Бондырева [и др.]; под общей ред. доктора философских наук, профессора Е. П. Савруцкой. – Нижний Новгород : ФГБОУ ВПО «НГЛУ»; Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2014. – 232 с. – Текст : непосредственный.
81. Дорожкин, А. М., Гносеологическая неопределенность в научной и мифологической рациональности / А. М. Дорожкин, Д. Ю. Доронин. – Текст : непосредственный // Вестник ННГУ. – 2012. – № 1–3. – С. 35–46.
82. Дубянский, А. Н. Современное состояние и перспективы капитализма (по мотивам книги Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке») / А. Н. Дубянский. – Текст : непосредственный // Христианское чтение. – 2015. – № 1. – С. 251–263.
83. Дугин, А. Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ / А. Г. Дугин. – Москва : Академический проект, 2014. – 695 с. – Текст : непосредственный.
84. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва : Наука, 1996. – 432 с. – Текст : непосредственный.
85. Дятлов, С. А. Информационно-сетевая экономика : структура, динамика, регулирование : монография / С. А. Дятлов, В. П. Марьяненко, Т. А. Селищева. – Санкт-Петербург : Астерион, 2008. – 416 с. – Текст : непосредственный.
86. Евстигнеева, Л. П., Методологические основы экономической синергетики (научный доклад) / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев. – Москва : ИЭ РАН, 2007. – 64 с. – Текст : непосредственный.
87. Елкина, О. С. Сущность и особенности формирования экономического поведения / О. С. Елкина. – Текст : непосредственный // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 3. – С. 120–124.
88. Ерофеев, И. В. Постиндустриальное общество: становление новой социальной реальности в контексте отечественной модернизации / И. В. Ерофеев : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Саранск, 2008. – 22 с. – Текст : непосредственный.
89. Жданов, Д. А. «Человек экономический» – взгляды и подходы / Д. А. Жданов. – Текст : непосредственный // Журнал экономической теории. – 2014. – № 3. – С. 106–114.

90. Жижко, Е. В. Россия и рынок: православная этика и дух капитализма / Е. В. Жижко. – Красноярск, 1995. – 82 с. – Текст : непосредственный.
91. Зиммель, Г. Избранное / Г. Зиммель. – Москва : Юристъ, 1996. – Т. 2. Созерцание жизни. – 608 с. – Текст : непосредственный.
92. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека : перевод с немецкого / В. Зомбарт; издание подготовили Ю. Н. Давыдов, В. В. Сапов. – Москва : Наука, 1994. – 442 с. – Текст : непосредственный.
93. Ибн-Хальдун. Введение (ал-Мукаддима) / Составление, перевод с арабского и примечания А.В. Смирнова. – Текст : непосредственный // Историко-философский ежегодник (2007). – Москва, 2008. – 530 с.
94. Иванов, А. В. Проблемы семейно-крестьянского хозяйства и кооперации в экономическом наследии А.В. Чаянова / А. В. Иванов. – Текст : непосредственный // Вестник КрасГАУ. – 2007. – № 2. – С. 292–297.
95. Ильин, В. В. Новый миллениум для России : Путь в будущее / В. В. Ильин. – Москва : МГУ, 2001 – 223 с. – Текст : непосредственный.
96. Ильиных, В. С. Концепция диалектики в философии А.Ф. Лосева / В. С. Ильиных. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 7. – С. 21–23.
97. Иноземцев, В. Зигмунт Бауман и его «Индивидуализированное общество» / В. Иноземцев. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2004. – № 1. – С. 142–145.
98. Ирхин, Ю. В. Социум и политика в постмодернистском зазеркалье : взгляды, подходы, анализ / Ю. В. Ирхин. – Текст : непосредственный // Полития. – 2006. – № 4. – С. 136–160.
99. Калдор Н. Утверждения о благосостоянии в экономической науке и межличностные сравнения полезности / Н. Калдор. – Текст : непосредственный // Философия экономики / под редакцией Д. Хаусмана. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2012. – С. 265–268.
100. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения / *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht* / И. Кант; перевел с немецкого Н. М. Соколов. – Изд. 4-е. – Москва: URSS: Ленанд, 2017. – 194 с. – Текст : непосредственный.
101. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; перевод с немецкого Н. Лосского; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примечания Ц. Г. Арзаканяна. – Москва : Мысль, 1994. – 591 с. – Текст : непосредственный.
102. Капица, С. П. Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле : Очерк теории роста человечества / С. П. Капица. – Москва : Изд-во Ин-та физ. проблем, 1999. – 136 с. – Текст : непосредственный.
103. Касавин, Т. И. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Т. И. Касавин. – Москва : Канон +; Реабилитация, 2009. – 1248 с. – Текст : непосредственный.
104. Катречко, С. Л. Рефлексивный подход к исследованию феномена целостности / С. Л. Катречко. – Текст : непосредственный // Гуманитарная

- наука в России: соросовские лауреаты (философия). – Москва : Фонд Сороса, 1996. – 259 с.
105. Кейнс, Дж. Предмет и метод политической экономии / Дж. Кейнс; перевод А. Гуковского. – Москва : Директмедиа Паблишинг, 2008. – 278 с. – Текст : непосредственный.
106. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – Москва : Гелиос АРВ, 2012. – 204 с. – Текст : непосредственный.
107. Кизима, В. В. Постнеклассические практики: рефлексивность и управление / В. В. Кизима. – Текст : электронный // Вопросы философии. – 2010. – URL: <http://vphil.ru/index.php?option=comcontent&task=view&id=110&Itemid=52> (дата обращения: 23.07.2017).
108. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский. – Москва : Мысль, 1987. – Ч. 1 Курс русской истории. – 432 с. – Текст : непосредственный.
109. Князева, Е. Н. Атомизм и холизм в современной теории сложности / Е. Н. Князева. – Текст : непосредственный // Философия и культура. – 2013. – № 6 (66). – С. 736–737.
110. Князева, Е. Н. Основания синергетики : Синергетическое мировидение / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – Изд.3, доп. – Москва : URSS, 2010. – 256 с. – Текст : непосредственный.
111. Ковлакас, Е. Ф. К вопросу «Гипотезы лингвистической относительности» Сепира-Уорфа / Е. Ф. Колак. – Текст : непосредственный // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – № 6. – С. 77–79.
112. Козер, Л. А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / Л. А. Козер; перевод с английского Т. И. Шумиловой; под редакцией И. Б. Орловой. – Москва : Норма, 2006. – 528 с. – Текст : непосредственный.
113. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер; перевод с английского О. А. Назаровой. – Москва : Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с. – Текст : непосредственный.
114. Козловски, П. Этика капитализма. Эволюция и общество / П. Козловски. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1996. – 158 с. – Текст : непосредственный.
115. Колпаков, В. А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания / В. А. Колпаков. – Москва, 2008. – 207 с. – Текст : непосредственный.
116. Коммонс, Дж. Институциональная экономика / Дж. Коммонс. – Текст : непосредственный // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 59–70.
117. Конфуций. Уроки мудрости : перевод с древнекитайского / составление, вступительная статья и комментарии М. А. Блюменкранца. – Москва : ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков : ФОЛИО, 2000. – 957 с. Текст : непосредственный.

118. Коуз, Р. Фирма, рынок и право : перевод с английского / Р. Коуз. – Москва : Новое издательство, 2007. – 224 с. – Текст : непосредственный.
119. Кравец, А. С. Субъективная форма бытия ценностей / А. С. Кравец. – Текст : непосредственный // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2012. – № 2. – С. 71–82.
120. Кричевский, А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга / А. В. Кричевский. – Москва : ИФ РАН, 2009. – 198 с. – Текст : непосредственный.
121. Ксенофонт. Сократические сочинения : перевод с древнегреческого / вступительная статья и примечания С. Соболевского. – Москва : Мир книги; Литература, 2007. – 367 с. – Текст : непосредственный.
122. Кутырёв, В. А. Разум против человека (философия выживания в эпоху постмодернизма) / В. А. Кутырев. – Москва : Directmedia, 2015. – 102 с. – Текст : непосредственный.
123. Кутырев, В. А. Человеческое и иное : борьба миров / В. А. Кутырев. – Москва : Директ-Медиа, 2014. – 295 с. – Текст : непосредственный.
124. Левандина, И. А. «Экономический человек»: концептуальные версии: социально-философский анализ / И. А. Левандина : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2008. – 173 с. – Текст : непосредственный.
125. Левин, К. Уровень притязаний / К. Левин, Т. Дембо, Л. Фестингер, Р. Сирс. – Текст : непосредственный // Субъект деятельности : Общая психология : сборник текстов. – Москва : МГУ им. М.В.Ломоносова, 1998. – Вып. 2. – С. 45–67.
126. Лейбенштайн, Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса / Х. Лейбенштайн. – Текст : непосредственный // Теория потребительского поведения и спроса / составление и общая редакция В. М. Гальперина. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1993. – С. 304–327.
127. Лейбниц, Г. В. Начала природы и благодати, основанные на разуме : сочинения : в 4 т. / Г. В. Лейбниц. – Москва : Мысль, 1982. – Т. 1. – 636 с. – Текст : непосредственный.
128. Лекторский, В. А. Эпистемология. Классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с. – Текст : непосредственный.
129. Лем, С. Сумма технологии / С. Лем. – Москва : АСТ, 2012. – 640 с. – Текст : непосредственный.
130. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – Москва : Смысл; Академия, 2005. – 352 с. – Текст : непосредственный.
131. Лихачев, М. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики / М. Лихачев. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2013. – № 7. – С. 98–110.
132. Ложкина, Н. В. Философско-антропологические основания экономического подхода к изучению поведения человека / Н. В. Ложкина :

- диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.13. – Пермь, 2005. – 184 с. – Текст : непосредственный.
133. Локк, Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. / Дж. Локк; вступительные статьи И. С. Нарского. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 734 с. – Текст : непосредственный.
134. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц. – Москва : Республика, 1998. – 393 с. – Текст : непосредственный.
135. Лосев, А. Ф. Абсолютная диалектика – абсолютная мифология / А. Ф. Лосев. – Текст : непосредственный // А. Ф. Лосев. Миф – Число – Сущность. – Москва : Мысль, 1994. – 919 с.
136. Лосев, А. Ф. Бытие-имя-космос / А. Ф. Лосев. – Москва : Мысль, 1993. – 958 с. – Текст : непосредственный.
137. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – Москва : Издательство Олега Абышко, 2016. – 666 с. – Текст : непосредственный.
138. Лосский, Н. О. Мир как органическое целое / Избранное / Н. О. Лосский. – Москва : Правда, 1991. – 624 с. – Текст : непосредственный.
139. Луман, Н. Общество как социальная система / Н. Луман; перевел с немецкого А. Антоновский. – Москва : Логос, 2004. – 232 с. – Текст : непосредственный.
140. Луман, Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман; перевод Д. В. Озирченко. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 114–125.
141. Лысенко, В. Г. Происхождение атомизма: лингвистическая гипотеза / В. Г. Лысенко. – Текст : непосредственный // Шабдапракаша. Зографский сборник / под редакцией Я. В. Василькова и С. В. Пахомова. – СанктПетербург : МАЭ РАН, 2011. – Вып. 1. – 315 с.
142. Любченко, В. С. Экономическое поведение: методология социологического исследования / В. С. Любченко. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2007. – № 2. – С. 60–64.
143. Лютер, М. Избранные произведения / М. Лютер; перевод и комментарии К. С. Комарова, Ю. А. Голубкина, Ю. М. Кагана. – Санкт-Петербург : Андреев и согласие, 1994. – 433 с. – Текст : непосредственный.
144. Макиавелли, Никколо (1469–1527). Государь / Никколо Макиавелли. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 303 с. – Текст : непосредственный.
145. Макинтайр, А. После добродетели. Исследования теории морали / А. Макинтайр. – Москва : Академич. проект, 2000. – 384 с. – Текст : непосредственный
146. Мальтус, Т. Р. Опыт закона о народонаселении / Т. Р. Мальтус. – Петрозаводск : Петроком, 1993. – 139 с. – Текст : непосредственный.
147. Манделл, Р. Теория оптимальных валютных зон : перевод с английского / Р. Манделл. – Текст : непосредственный // Евро – дитя Манделла? Теория оптимальных валютных зон : сборник статей. – Москва : Дело, 2002. – С. 62–72.

148. Маркова, Л. А. Социальная эпистемология, ее истоки и настоящее / Л. А. Маркова. – Текст : непосредственный // Epistemology & Philosophy of Science. – 2014. – No. 2 (40). – P. 59–73.
149. Маркс, К. К критике политической экономии – Предисловие / К. Маркс. – Текст : непосредственный // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 13. – 805 с.
150. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – Москва : Политиздат, 1983. – Т. 1. – 736 с. – Текст : непосредственный.
151. Маркс, К. Капитал: к критике политической экономии / К. Маркс. – Москва : Эксмо, 2017. – Т. 1. – 1202 с. – Текст : непосредственный.
152. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс. – Текст : непосредственный // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 т. – Москва : Политиздат, 1986. – Т. 4. – С. 302–304.
153. Маркс. К., Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1954–1966. – Т. 6. – 761 с. – Текст : непосредственный.
154. Маркс, К. О диалектическом и историческом материализме / К. Маркс, Ф.Энгельс, В. И. Ленин. – Москва : Политиздат, 1984. – 636 с. – Текст : непосредственный.
155. Маркс, К. Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании. Сентябрь 1844 – Февраль 1846 / К. Маркс, Ф. Энгельс; Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КПСС. – Москва : Политиздат, 1952. – 651 с. – Текст : непосредственный.
156. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : REFL-book, 1994. – 368 с. – Текст : непосредственный.
157. Маршалл, А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. – Москва : Директ-медиа, 2012. – 2127 с. – Текст : непосредственный.
158. Мелье, Ж. Завещание. В 3 т. / Ж. Мелье; перевод с французского Ф. Д. Капелюша и Г. П. Полякова. – Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1954. – 444; 454; 473 с. – Текст : непосредственный.
159. Менгер, К. Основания политической экономии. Избранные работы / К. Менгер. – Москва : Территория будущего, 2008. – 434 с. – Текст : непосредственный.
160. Месарович, М. Теория иерархических многоуровневых систем / М. Месарович, Д. Мако, И. Такахара. – Москва : Мир, 1973. – 344 с. – Текст : непосредственный.
161. Мизес, Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Л. Мизес. – 2-е изд., испр. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с. – Текст : непосредственный.
162. Микешина, Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования / Л. А. Микешина. – Москва : Прогресс-Традиция. МПСИ. Флинта, 2005. – 464 с. – Текст : непосредственный.

163. Милль, Д. С. Основы политической экономии, с некоторым приложением к социальной философии / Д. С. Милль. – Москва : Эксмо, 2007. – 1037 с. – Текст : непосредственный.
164. Милль, Дж. О свободе / Дж. Милль; перевод с английского А. Фридмана. – Текст : непосредственный // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 10-15.
165. Митчелл, У. К. Рациональность экономической деятельности / У. К. Митчел; перевел А. А. Оганесян. – Текст : непосредственный // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 96–108.
166. Митчелл, У. К. Экономические циклы. Проблема и ее постановка / У. К. Митчел; перевод с английского Е. Д. Кондратьевой, О. Е. Пряхиной и В. Э. Шпринка; вступительная статья А. Г. Герценштейна. Проблема капиталистического цикла. – Москва; Ленинград : Государственное издательство, 1930. – 503 с. – Текст : непосредственный.
167. Монтескье, Ш. Избранные произведения / Ш. Монтескье; общая редакция и вступительная статья профессора М. П. Баскина; примечания Р. С. Миндлиной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 800 с. – Текст : непосредственный.
168. Мор, Т. Утопия / Т. Мор; перевел с латинского Ю. М. Каган. – Москва : Наука, 1978. – 416 с. – Текст : непосредственный.
169. Моторина, Л. Е. Фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера / Л. Е. Моторина. – Текст : непосредственный // Вестник ВятГУ. – 2007. – № 18. – С. 19–26.
170. Нешатаев, И. Г. Развитие понятия свободы личности в философии Гегеля / И. Г. Нешатаев. – Текст : непосредственный // Вестник МГТУ. – 2000. – № 3. – С. 425–436.
171. Никитина, Ю. А. Развитие высших форм адаптации социальных систем в условиях нестабильной внешней среды / Ю. А. Никитина. – Текст : непосредственный // Известия ТПУ. – 2007. – № 7. – С. 138–142.
172. Никифоров, А. Л. Деятельность, поведение, творчество / А. Л. Никифоров. – Текст : непосредственный // Деятельность: теории, методологии, проблемы. – Москва, 1990. – С. 61–63.
173. Николис, Г. Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. – Москва : Мир, 1990. – 343 с. – Текст : непосредственный.
174. Новиков, В. С., Виртуализация финансовой сферы как тенденция и адаптация к современным экономическим условиям ведения бизнеса / В. С. Новиков, А. Е. Перова. – Текст : непосредственный // Финансовая аналитика : проблемы и решения. – 2012. – № 32. – С. 48–53.
175. Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие / Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения / редакция Г. Г. Малинецкого, С. П. Курдюмова. – Москва : Наука, 2002. – 480 с. – Текст : непосредственный.
176. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; перевод с английского

- А. Н. Нестеренко; предисловие и научная редакция Б. З. Мильнера. – Москва : Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с. – Текст : непосредственный.
177. Норт, Д. Понимание процесса экономических изменений / Д. Норт. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 256 с. – Текст : непосредственный.
178. Нуреев, Г. Р. Предпосылки новой экономической парадигмы / Г. Р. Нуреев. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1993. – Вып. 4. – С. 131–144.
179. Нуреев, Р. М. Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства / Р. М. Нуреев. – Текст : непосредственный // Terra Economicus. – 2011. – Vol. 9. – No. 4. – P. 122–141.
180. Образование. Культура. Язык / Е. П. Савруцкая, Б. А. Жигалев, А. М. Дорожкин, С. В. Устинкин. – Нижний Новгород : НГЛУ; Санкт-Петербург : РХГА, 2014. – 230 с. – Текст : непосредственный.
181. Озирченко, Д. Некоторые понятия системной теории Никласа Лумана / Д. Озирченко. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 1995. – № 3. – С. 110–113.
182. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Х. Ортега-и-Гассет; перевел с испанского А. М. Руткевич. – Москва : Весь мир, 1997. – 704 с. – Текст : непосредственный.
183. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Текст : непосредственный // Избранные труды. – Москва : Весь мир, 2000. – 704 с.
184. Паринов, С. И. К теории сетевой экономики / С. И. Паринов. – Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2002. – 168 с. – Текст : непосредственный.
185. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2002. – 539 с. – Текст : непосредственный.
186. Парсонс, Т. Общий обзор / Т. Парсонс; сокращенный перевод с английского В. В. Воронина и Е. В. Зиньковского; редакция и вступительная статья доктора философских наук Г. В. Осипова. – Текст : непосредственный // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. – Москва : Прогресс, 1972. – 392 с.
187. Пестель, Э. За пределами роста / Э. Пестель. – Текст : непосредственный // Глобал. пробл. современности и деятельность междунар. орг. Рим. клуб / перевод с английского Е. В. Нетесовой; общая редакция и вступительная статья Д. М. Гвишиани. – Москва : Прогресс, 1988. – 268 с.
188. Пестрецов, А. Ф. Соборность – константа русского национального самосознания / А. Ф. Пестрецов. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 176–182.
189. Петровський, П. М. Цінність гуманітарної методології постмодернізму для демократичного врядування / П. М. Петровський. – Текст : непосредственный // Філософські дослідження: Зб. наук. пр. – Луганськ, 2011. – Вип. 14. – С. 216–220.

190. Петросян, Д. С. Интеграционная модель поведения человека / Д. С. Петросян. – Текст : непосредственный // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 39–51.
191. Петти, В. Избранные работы: «Трактат о налогах и сборах», 1662 г.; «Verbum sapienti» («Слово мудрым»), 1664 г.; «Разное о деньгах», 1682 г. / Вильям Петти. – Москва : Ось-89, 1997. – 110 с. – Текст : непосредственный.
192. Писарчик, Л. Ю. Проблема специфики «Наук о духе» в методологии гуманитарного познания В. Дильтея / Л. Ю. Писарчик. – Текст : непосредственный // Вестник ОГУ. – 2012. – №1 (137). – С. 56–66.
193. Платон (ок. 427 – ок. 347 до н. э.). Государство. Законы. Политик / Платон. – Москва : Мысль, 1998. – 798 с. – Текст : непосредственный.
194. Платонова, С. И. Постмодернистские социальные теории: социально-философский анализ / С. И. Платонова. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 5. – С. 43–46.
195. Поздняков, А. А. Философские основания классической биологии: Механизмизм в эволюционистике и систематике / А. А. Поздняков. – Москва : URSS, 2015. – 298 с. – Текст : непосредственный.
196. Полтерович, В. Позитивное сотрудничество : факторы и механизмы эволюции / В. Полтерович. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2016. – № 11. – С. 5–23.
197. Поппер, К. Кэмпбелл об эволюционной теории познания / К. Поппер. – Текст : непосредственный // Поппер К. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. – Москва, 2000. – 464 с.
198. Поспелов, И. Г. Равновесные модели экономики в период мирового финансового кризиса / И. Г. Поспелов. – Текст : непосредственный // Труды МФТИ. – 2009. – Т. 1. – № 4. – С. 66–83.
199. Прангишвили, И. В. Системный подход и общесистемные закономерности / И. В. Прангишвили. – Москва : СИНТЕГ, 2000. – 528 с. – Текст : непосредственный.
200. Пригожин, И. Наука, цивилизация и демократия / И. Пригожин. – Текст : непосредственный // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. – Москва : Наука, 1989. – С. 7–18.
201. Пригожин, И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / И. Пригожин. – Изд. 4, испр. – Москва : URSS, 2016. – 304 с. – Текст : непосредственный.
202. Пригожин, И. Р. Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Наука, 1994. – 240 с. – Текст : непосредственный.
203. Пригожин, И. Р. Порядок из хаоса / И. Р. Пригожин, И. Стенгерс. – Москва : Прогресс, 1986. – 432 с. – Текст : непосредственный.
204. Принцип целостности в понимании социальной реальности (аксиологический аспект) / под редакцией доктора философских наук, профессора Л. П. Станкевича. – Липецк : ЛГТУ, 2010. – 110 с. – Текст : непосредственный.
205. Пружинин, Б. И. Наука и эпистемология в «цивилизации знания» / Б. И. Пружинин. – Текст : непосредственный // Эпистемология: перспективы

- развития / под общей редакцией В. А. Лекторского. – Москва : Канон+, 2012. – С. 189–198.
206. Резник, Ю. М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология / Ю. М. Резник. – Москва : 1999. – 514 с. – Текст : непосредственный.
207. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное (в 3-х томах) / Д. Рикардо. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 539 с. – Текст : непосредственный.
208. Россия и мир в 2020 г. / редакция и послесловие А. Шубина. – Москва : Европа, 2005. – 224 с. – Текст : непосредственный.
209. Россолов, П. Г. Экономическое поведение россиян: институциональные и этносоциальные детерминанты развития / П. Г. Россолов : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук : 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2004. – 169 с. – Текст : непосредственный.
210. Рубинштейн, А. Дилеммы экономиста-теоретика / А. Рубинштейн. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 62–80.
211. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 287 с. – Текст : непосредственный.
212. Руссо, Ж.-Ж. Pro et Contra / Ж.-Ж. Руссо. – Текст : непосредственный // Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752-1917). Антология / составители А. А. Златопольская [и др.] – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2005. – 798 с.
213. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Ж.-Ж. Руссо. – Москва : АСТ, 2004. – 240 с. – Текст : непосредственный.
214. Рюстов, А. Между капитализмом и коммунизмом / А. Рюстов. – Текст : непосредственный // Концепция хозяйственного порядка. Учение ордолиберализма / общая редакция К. Херрманна-Пиллата. – Москва : Фонд «За экономическую грамотность», 1997. – С. 62–114.
215. Савченко, И. А. Интегральная идентичность и тестовый метод / И. А. Савченко. – Текст : непосредственный // Обучение, тестирование и оценка. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. – С. 135–139.
216. Савченко, И. А. Интегральные критерии классификации социокультурных отношений / И. А. Савченко. – Текст : непосредственный // Вестник Вятского государственного университета. – 2010. – Т. 2. – № 4. – С. 57–62.
217. Савченко, И. А. Коммунитарная идея и социокультурная практика / И. А. Савченко. – Текст : электронный // Современные исследования социальных проблем. Электронный научный журнал. – 2015. – № 5. – URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/5201310/pdf_133 (дата обращения: 12.06. 2017).
218. Савченко, И. А. Многоэтническое общество: в поисках маршрута интеграции / И. А. Савченко. – Москва : Инфра-М, 2011. – 189 с. – Текст : непосредственный.

219. Савченко, И. А. «Человек экономический», «Человек рыночный» и колебания буржуазной морали / И. А. Савченко, Н. А. Агеева. – Текст : непосредственный // Власть. – 2016. – № 5. – С. 103–106.
220. Савченко, И. А. Экономические знания и экономическое сознание / И. А. Савченко, Н. А. Агеева, Т. А. Родзиковская. – Текст : непосредственный // Власть. – №. 4. – 2018. – С. 84–89.
221. Сагден, Р. Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке : Философия экономики. Антология / Р. Сагден; под редакцией Д. Хаусмана. – Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 518 с. – Текст : непосредственный.
222. Садовский, В. Н. Некоторые принципиальные проблемы построения общей теории систем / В. Н. Садовский. – Текст : непосредственный // Системные исследования: ежегодник, 1971 / под редакцией И. В. Блауберга [и др.] – Москва : Наука, 1972. – С. 35–54.
223. Сайерт, Р. Поведенческая теория фирмы / Р. Сайер, Дж. Марч. – 2-е изд. – Cambridge: Wiley-Blackwell, 1992. – 268 с. – Текст : непосредственный.
224. Саймон, Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. А. Саймон; перевод с английского К. Б. Козловой и М. А. Бланко. – Текст : непосредственный // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 16–38.
225. Саймон, Г. А. Теория принятия решений в экономической науке и науке о поведении / Г. А. Саймон. – Текст : непосредственный // Теория фирмы / под редакцией В. М. Гальперина. – Санкт-Петербург : Экономическая школа, 1995. – С. 54–72.
226. Самуэльсон, П. Экономика. В 2 т. / П. Самуэльсон. – Москва: Алгон; Машиностроение, 1994. – 740 с. – Текст : непосредственный.
227. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии / под редакцией Н. Лобковица, А. В. Апполонова; перевод А. В. Апполонова. – Москва : Издатель Савин С.А., 2006–2007. – Т. I–II. – 816; 654 с. – Текст : непосредственный.
228. Семеко, Г. В. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Г. В. Семеко, Ф.Бродель; перевод с французского Л. Е. Куббеля; вступительная статья и редакция Ю. Н. Афанасьева. – Москва: Прогресс, 1992. – Т. 3 : время мира. – 679 с. – Текст : непосредственный.
229. Сетров, М. И. Организация биосистем. Методологический очерк принципов организации живых систем / М. И. Сетров. – Ленинград : Наука, 1971. – 275 с. – Текст : непосредственный.
230. Синай, Я. Г. Введение в эргодическую теорию / Я. Г. Синай. – Москва, 1996. – 132 с. – Текст : непосредственный.
231. Системный подход в современной науке / В. Н. Садовский, А. И. Уемов, М. С. Каган [и др.]. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.
232. Слудковская, М. А. Политическая экономия Антуана де Монкретьена (к 400-летию выпуска «Трактата по политической экономии») /

- М. А. Слудковская. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 107–118.
233. Смирнов, С. Д. Активность, деятельность, личность / С. Д. Смирнов. – Текст : непосредственный // Мир психологии. – Москва; Воронеж : Рос. академия образования., Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. – № 3. – С. 11–23.
234. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – Москва : Эксмо, 2007. – 960 с. – Текст : непосредственный.
235. Соборность как судьба России. А.С. Хомяков // Русские мыслители / С. Н. Астапов, Н. С. Капустин, О. Т. Кирсанова [и др.]; научный редактор И. Н. Лосева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2003. – С. 157–165. – Текст : непосредственный.
236. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в 2 т. / В. С. Соловьев. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с. – Текст : непосредственный.
237. Соловьев, В. С. Философские начала цельного знания / В. С. Соловьев. – Москва : Академический проект, 2011. – 383 с. – Текст : непосредственный.
238. Слоу, Р. М. Лауреаты Нобелевской премии по экономике : автобиографии, лекции, комментарии / Р. М. Слоу. – Санкт-Петербург : Наука, 2009. – Т. 2. – С. 107–124. – Текст : непосредственный.
239. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Дж. Сорос; перевод с английского С. К. Умрихиной, М. З. Штернгарца. – Москва : ИНФРА-М, 1999. – 262 с. – Текст : непосредственный.
240. Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм : перевод с английского / Дж. Сорос. – Москва : Некоммерческий фонд «Поддержки культуры, образования и новых информационных технологий», 2001. – 458 с. – Текст : непосредственный.
241. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания : экономическая наука эпохи перемен / В. А. Колпаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – Москва : Канон+ ; Реабилитация, 2008. – 207 с. – Текст : непосредственный.
242. Спенсер, Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер. – Москва : Современный литератор, 1998. – 1408 с. – Текст : непосредственный.
243. Степин, В. С. Синергетика и системный анализ. Синергетическая парадигма. Когнитивно- коммуникативные стратегии современного научного познания / В. С. Степин. – Москва, 2004. – 560 с. – Текст : непосредственный.
244. Степин, В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
245. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с. – Текст : непосредственный.

246. Субетто, А. И. Слово о русском народе и русском человеке / А. И. Субетто. – Санкт-Петербург : Астерион, 2013. – 264 с. – Текст : непосредственный.
247. Сэй, Ж.-Б. Трактат по политической экономии / Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Фредерик Бастиа; составление, вступительная статья и комментарии М. К. Бункиной и А. М. Семенова. – Москва : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000. – 229 с. – Текст : непосредственный.
248. Тарасюк, Л. С. Осмысление проблемы целостности через категории «часть» и «целое» / Л. С. Тарасюк. – Текст : непосредственный // Грані: Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах. – 2014. – № 7. – С. 16–20.
249. Тейлор, Ч. Пересечение целей: Спор между либералами и коммунитаристами / Ч. Тейлор. – Текст : непосредственный // Современный либерализм. – Москва : Прогресс-Традиция; Дом интеллектуал. кн., 1998. – С. 227–240.
250. Текст сборника Законов Хаммурапи в переводе / Перевод и комментарии И. М. Волкова; под общей редакцией Б. А. Тураева. – Москва : Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. – 81 с. – Текст : непосредственный.
251. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер; перевод с английского К. Ю. Бурмистрова [и др.] – Москва, 2009. – 795 с. – Текст : непосредственный.
252. Треушников, И. А. Русская Духовность в межкультурной коммуникации сквозь призму философии всеединства / И. А. Треушников. – Текст : непосредственный // Соловьевские исследования. – 2010. – № 4 (28). – С. 48–57.
253. Уемов, А. И. Общая теория систем в анализе перспектив социального развития / А. И. Уемов. – Текст : непосредственный // Wspolczesne problemy universalizmu: Materiały Konferencji, 1996. – Warszawa: Wydawnictwo Polskiego Towarzystwa Universalizmu, 1996. – С. 112–116.
254. Уемов, А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. – Москва : Книга по Требованию, 2012. – 272 с. – Текст : непосредственный.
255. Уильямсон, О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. И. Уильямсон. – Текст : непосредственный // THESIS.– 1993. – Т. 1. Вып. 3. – С. 39–49.
256. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, отношенческая контрактация : перевод с английского / О. И. Уильямсон; научное редактирование и вступительная статья В. С. Катыкало. – СанктПетербург : Лениздат; SEV Press, 1996. – 702 с. – Текст : непосредственный.
257. Уэрта де Сото, Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Х. Уэрта де Сото; перевод с английского Б. С. Пинскера; под редакцией А. В. Куряева. – Челябинск : Социум, 2007. – 202 с. Текст : непосредственный.

258. Фарман, И. П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса / И. П. Фарман; РАН. Ин-т философии. – Москва, 1999. – 244 с. – Текст : непосредственный.
259. Фихте, И. Г. Сочинения: в 2 т. / И. Г. Фихте; составление и примечания В. Волжского. – Санкт-Петербург : Мифрил, 1993. – Т. 2. – 798 с. – Текст : непосредственный.
260. Флоренский, П. А. Имена / П. А. Флоренский. – Москва : Азбука; Авалон, 2011. – 367 с. – Текст : непосредственный.
261. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания : врождённые структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / Г. Фоллмер; перевод с немецкого А. В. Кезина. – Москва, 1998. – 165 с. – Текст : непосредственный.
262. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – Москва, 1992. – 511 с. – Текст : непосредственный.
263. Фридман, М., Свобода выбирать : Наша позиция : перевод с английского / М. Фридман, Р.Фридман – Москва : Новое издательство, 2007. – 356 с. – Текст : непосредственный.
264. Фромм, Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – Москва : АСТ, АСТ Москва, 2007. – 602 с. – Текст : непосредственный.
265. Хабермас, Ю. Модерн – незавершённый проект / Ю. Хаберманс. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
266. Хайдеггер, М. Бытие и время. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер. – Москва : Академический проект, 2015. – 447 с. – Текст : непосредственный.
267. Хайек, Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек; перевод с английского О. А. Дмитриевой; под редакцией Р. И. Капелюшникова. – Москва; Челябинск : Социум, 2016. – 394 с. – Текст : непосредственный.
268. Хакен, Г. Синергетика: в 2 ч. Часть 1: Принципы и основы: Неравновесные фазовые переходы и самоорганизация в физике, химии и биологии. Часть 2: Перспективы и Приложения: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – Изд. 2, доп. – Москва : URSS, 2015. – 880 с. (Ч.1 – 448 с., Ч.2 – 432 с.). – Текст : непосредственный.
269. Хансен, Э. Экономические циклы и национальный доход / Э. Хансен; под редакцией Э. Хансен. – Москва : Финансовая Академия, 2008 – 466 с. – Текст : непосредственный.
270. Харрод, Р. Теория экономической динамики / Р. Харрод; перевод с английского В. Е. Маневича; Российская акад. наук, Центральный экономико-мат. ин-т. – Москва : ЦЭМИ РАН, 2008. – 209 с. – Текст : непосредственный.
271. Харшаньи, Дж., Общая теория выбора равновесия в играх / Дж. Харшаньи, Р. Зельтен; перевод с английского Ю. М. Донца [и др.]; предисловие Л. А. Петросяна. – Санкт-Петербург : Экон. шк.: С.-Петерб. гос. ун-т. фак. менеджмента, 2001. – 405 с. – Текст : непосредственный.
272. Хикс Дж. Стоимость и капитал. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с.

273. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно; перевел М. Кузнецов. – Москва–Санкт-Петербург : Медиум, Ювента, 1997. – 312 с. – Текст : непосредственный.
274. Цехмистро, И. З. Концепция целостности / И. З. Цехмистро, В. И. Штанько. – Харьков : Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1987. – 222 с. – Текст : непосредственный.
275. Шабунова, А. А. Экономическое поведение населения : теоретические аспекты : препринт / А. А. Шабунова, Г. В. Белехова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. – 136 с. – Текст : непосредственный.
276. Швырев, В. С. Проблемы разработки понятия деятельности как философской категории / В. С. Швырев. – Текст : непосредственный // Деятельность: теории, методология, проблемы. – Москва, 1990. – 365 с.
277. Швырев, В. С. Рациональность как ценность культуры / В. С. Швырев. – Москва : Прогресс-Традиция, 2003. – 176 с. – Текст : непосредственный.
278. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер; перевод с немецкого, составление, научная редакция, предисловие А. В. Денежкина; послесловие Л. А. Чухиной. – Москва : Гнозис, 1994. – Текст : непосредственный.
279. Шеллинг, Ф. В. Й. Сочинения в 2 т. : перевод с немецкого / Ф. В. Й. Шеллинг; составление, редакция, вступительная статья А. В. Гулыги. – Москва : Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с. – Текст : непосредственный.
280. Шеститко, А. Е. Модели человека в экономической теории / А. Е. Шеститко. – Москва : ИНФРА-М, 2006. – 142 с. – Текст : непосредственный.
281. Ширко, К. Н. Н. А. Бердяев о природе российской цивилизации / К. Н. Ширко : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук : 07.00.09. – Томск, 2002. – 178 с. – Текст : непосредственный.
282. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер; перевод с немецкого А. Л. Вольского; научная редакция Н. О. Гучинской. – Санкт-Петербург : Европейски Дом, 2004. – 242 с. – Текст : непосредственный.
283. Шрейбер, В. К. Уровневая онтология, вложенное пространство / В. К. Шрейбер. – Текст : непосредственный // Вестник ЧелГУ. – 2014. – № 25 (354). – С. 17–24.
284. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва : Аспект Пресс, 1996. – 416 с. – Текст : непосредственный.
285. Щеглов, Б. С. Становление постнеклассической картины мира в контексте познания социума / Б. С. Щеглов, М. В. Чаленко. – Текст : непосредственный // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2011. – № 2. – С. 262–267.
286. Экономические взгляды Гегеля в иенский период // Вопросы философии. – 5 (1956). – С. 151–162.
287. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони; перевод с английского и редакция В. Л. Иноземцева. – Москва : Ладомир, 2004. – 342 с. – Текст : непосредственный.

288. Эшби, У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби. – Москва : URSS, 2017. – 430 с. – Текст : непосредственный.
289. Югай, Г. А. Диалектика части и целого / Г. А. Югай. – Алма-Ата : Наука, 1965. – 171 с. – Текст : непосредственный.
290. Юдин, Б. Г. Некоторые особенности развития системных исследований / Б. Г. Юдин. – Текст : непосредственный // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1980. – Москва : Наука, 1981. – 424 с.
291. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин. – Москва : Наука, 1978. – 391 с. – Текст : непосредственный.
292. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. Книга первая. О познании / Д. Юм; перевод с английского С. И. Церетели, вступительная статья М. А. Абрамова, примечания И. С. Нарского. – Москва : Канон, 1995. – 400 с. – Текст : непосредственный.
293. Юнг, К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов: монография / К. Г. Юнг; перевел А. А. Спектор. – Москва : АСТ; Минск : Харвест, 2005. – 400 с. – Текст : непосредственный.
294. Юрченко, А. А. Человек как онтологическое основание экономической реальности: опыт философского анализа / А. А. Юрченко : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук : 09.00.01. – Магнитогорск: 2006. – 151с. – Текст : непосредственный.
295. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Изд-во политической литературы, 1991. – 527 с. Текст : непосредственный.
296. Abu Turab Rizvi S. Philip Mirowski as a Historian of Economic Thought // Steven G. Medema, Warren J. Samuels (eds.): *Historians of Economics and Economic Thought: The Construction of Disciplinary Memory*. – Routledge, London/New York: 2001. – P. 209–222.
297. Ariely D. *Predictably Irrational: The Hidden Forces That Shape Our Decisions*. – NY: HarperCollins, 2008. – 308 p.
298. Bauman Z. *Postmodernity and Its Discontents*. – Cambridge: 1997. – 232 p.
299. Boland L. A. *Conventionalism and economic theory* // *Philosophy of Science*, 1970. – P. 239–248.
300. Cartwright N. *Ceteris paribus laws and socio-economic machines* // *The Economic World View. Studies in the Ontology of Economics*. Cambridge University Press. 2001. – P. 175–293.
301. Could We Live In a Zero Growth Society? – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2015/01/could-we-live-in-a-zero-growth-society/> (дата обращения: 10.01.2019).
302. Dahrendorf R. *Homo Sociologicus: Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Sozialen*. – Köln/Opladen: Westdeutscher Verlag, 1965. – 119 p.
303. Fleming J.M. *Domestic Financial Policies under Fixed Exchange Rates* // *IMF Staff Papers*. – 9 (November 1962). – P. 369–379.

304. Gaddy C.G., Ickes B.W. Beyond a Bailot. Time to face about Russian Virtual Economy. – URL: www.brook.cdu/fp/articles/gaddy.l.htm (дата обращения: 18.01.2019.).
305. Giddens A. The Consequences of Modernity. – Cambridge: Polity, 1990. – 186 p.
306. Heiner R. The origin of predictable behavior // Amer. Econ. Rev. – 1983. – № 4. – P. 560–593.
307. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. Mc Graw Hill. – New York: 1997. – 576 p.
308. Jabbar S. Inequality in Industry 4.0. – URL: http://www.huffingtonpost.com/saeed-jabbar/inequality-in-industry-40_b_9011630.html (дата обращения: 20.01.2019).
309. Kahneman D., Smith Vernon L. l'economie est aussi une Science de l'homme // Problemes Econ. – 2003. – № 2790. – P. 1–7.
310. Lucas R.E. Econometric policy evaluation: A critique / Studies in Business Cycle Theory. – Cambridge (Ma): MIR Press, 1981. – P. 104–130.
311. Lyotard J.-F. La Condition postmoderne: rapport sur le savoir. – Paris: Minuit, 1979. – 109 p.
312. Mäki U. The What, Why, and How of Economic Ontology / in Mäki U. (ed.), The Economic World View: Studies in the Ontology of Economics. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 400 p.
313. Moser Paul K. ed. The Oxford Handbook of Epistemology. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 595 p.
314. Paldam M. Corruption and Religion. Adding to the Economic Model. Unpublished manuscript, Aarhus University. – Denmark: 1999. – September. – 54 (2-3). – P. 383–413.
315. Piketty T. Le Capital au XXIe siècle. Éditions du Seuil. – Paris, 2013. – 976 p.
316. Russell Nathan J. An Introduction to the Overton Window of Political Possibilities. Mackinac Center for Public Policy (4 January 2006). – URL: <https://www.mackinac.org/7504> (дата обращения: 11.12.19.).
317. Shackle G.L.S. The Bounds of Unknowledge / J. Wiseman (ed), Beyond positive economics. – N.-Y.: St. Martin's Press, 1983.
318. Simon H.A. Behavioral Model of Rational Choice // Quarterly Journal of Economics. – 1955. – Vol. 69. – P. 99–118.
319. Simon Herbert A. Rationality as Process and as Product of Thought. Richard T. Ely Lecture // American Economic Review. – May 1978. – V. 68. – № 2. – P. 1–16.
320. Tversky A. Intransitivity of Preferances // Psychologicai Review. – 1969. – Vol. 76. – P. 31–48.
321. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. – Cambridge (MA): The MIT Press. – 7th printing. – 1999. – 390 p.
322. Varela F. Quatre phares pour l'avenir des sciences cognitives // Théorie – Littérature – Enseignement. – 1999. – № 17. Dynamique et cognition: nouvelles approches. – P. 8–9.